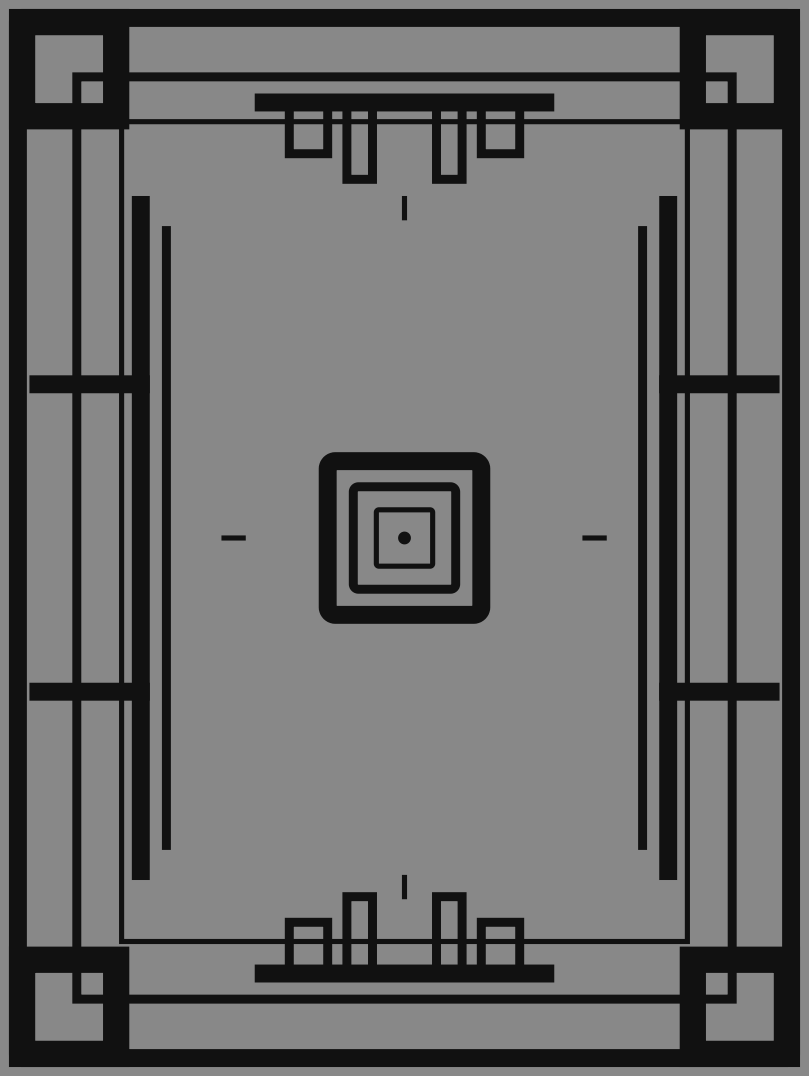

Защитник

Ларри Нивен

Ларри Нивен. Защитник
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФИЗПОК
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИНТЕРЛЮДИЯ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВАНДЕРВЕКЕН
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЗАЩИТНИК

Ларри Нивен
Защитник

И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из
Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он
руки своей и не взял также от дерева жизни, и не
вкусил, и не стал жить вечно.
И выслал его Господь Бог из сада Едемского,
чтобы возделывать землю, из которой он взят был.
И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада
Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся,
чтобы охранять путь к дереву жизни.
КНИГА БЫТИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФИЗПОК

Он сидел перед восьмифутовым кругом прозрачного носового иллюминатора, занятый бесконечными поисками, которые уже не волновали его. Ровно десять лет назад те же самые звезды вспыхнули красными точками при его пробуждении. А когда он очистил передний план, они засияли адским голубым светом, таким ярким, что можно было читать. Ближе к краям они казались совсем одинаковыми. Только звездами, белыми точками, разбросанными поперек черного неба. Это было одинокое небо. Огненное великолепие родины скрылось за пылевыми облаками.

Свечение в центре не было звездой. Большое как Солнце, темное посередине и достаточно яркое, чтобы выжечь глаза человеку. Это было пламя реактивного двигателя Баззарда, пылающее всего в восьми милях отсюда. Из года в год Физпок наблюдал за ним, просто чтобы убедиться, что пламя горит ровно. Когда-то давным-давно он уловил его медленные периодические колебания как раз вовремя, чтобы предотвратить

превращение корабля в крохотную сверхновую. Бело-голубое пламя нисколько не менялось за те недели, что он наблюдал за ним.

Долго, бесконечно медленно за иллюминатором Физпока проползали небеса. Но он совсем не занимался воспоминаниями об этом путешествии. Период ожидания был слишком беден событиями, чтобы отложиться в его памяти. Для представителя расы Пак, достигшего стадии защитника, было обычным вспоминать на досуге о прошлом, когда он был ребенком, а позднее — производителем, когда мир был новым и ярким, а сам он — свободным от ответственности. Только опасность, угрожающая ему самому либо его детям, могла пробудить защитника от его обычной дремотной вялости, принудить к непревзойденной по ярости битве.

Физпок сидел, грезя на своем ложе бедствий.

Приборы контроля положения кабины находились возле его левой руки. Когда ему хотелось есть, а происходило это через каждые десять часов, его узловатая рука, напоминающая гроздь черных орехов, погружалась в паз справа и извлекала оттуда изогнутый мясистый желтоватый корень, размером со сладкий картофель. По земному времяисчислению прошли уже недели с тех

пор, когда Физпок покидал ложе бедствий. Все это время двигались лишь его руки и челюсти. Глаза его не двигались вовсе.

Этому предшествовал период неистовых упражнений. Долг защитника — всегда быть в готовности.

Он защитник, даже если защищать некого.

Полет протекал достаточно стабильно, чтобы тревожить Физпока. Узловатые пальцы защитника задвигались, и небо начало поворачиваться вокруг него. Теперь в иллюминатор лился другой яркий свет. Когда источник света оказался в центре, он остановил вращение.

Ставшая более яркой, чем любая звезда, цель его путешествия все же была слишком тусклой, чтобы перестать быть звездой. Но она сделалась ярче, чем ожидал Физпок, и он понял, что упустил время. Слишком много грез! И не удивительно. Он провел более тысячи двухсот лет на своем ложе, оставаясь в неподвижности, чтобы сохранить запасы пищи. Тридцатикратная экономия, не считая эффекта теории относительности.

Несмотря на то, что все это напоминало наиболее тяжелый случай артрита в истории медицины, несмотря на недели, проведенные наподобие паралитика, действия узловатого защитника

были мгновенными. Пламя двигателя сделалось мягким, расплывчатым, начало угасать. Выключить двигатель Баззарда — штука почти такая же хитрая, как и включить его. При скоростях, развиваемых двигателем, межзвездный водород превращается в гамма-лучи. Его приходится отводить магнитными полями, если только он не использовался в качестве горючего.

Он достиг области пространства, где вероятность — наибольшая. Звезда перед ним — самая подходящая из всех возможных. Настало время торжества Физпока. Те, кому он пришел помочь (если они вообще существовали, если они все не умерли к этому времени, если их планета обращается вокруг именно этой звезды, а не другой — с меньшей степенью вероятности), не ждали его. Их разум мог быть почти на уровне животных. Возможно, они овладели или не овладели огнем, но телескопов у них не было. И все же они ожидали его прибытия… В определенном смысле. Если они существуют вообще, то они ожидают его вот уже два с половиной миллиона лет.

Он их не обманет.

Не должен.

Защитник без потомства подобен существу без цели в жизни. При такой аномалии следует отыс-

кать свою цель, причем быстро, либо погибнуть. Скорее всего — погибнуть. Тогда в мозгу защитника или его железах начинались рефлекторные судороги. Пропадало чувство голода. Иногда одному из них удавалось отыскать народ, который мог сделаться потомством всех Пак, но тогда он должен был найти способ служения этому народу. Физпок был одним из этих счастливцев.

Ужасно, если он ошибался.

Ник Соул направлялся домой.

Его окружала тишина космического пространства, поскольку он приучил себя не слышать гудения корабельного двигателя. Редкая, угольного цвета, двухнедельная щетина покрывала его щеки и выбритый череп по обе стороны от белоснежного чуба зонника. Если бы он хотел, то мог бы почувствовать собственный запах. Он покинул шахтные разработки в кольцах Сатурна на одноместном корабле и с лопатой в руках (поскольку магниты, предназначенные для добычи монополей из астероидного железа, поразительно напоминали лопату). Ему следовало бы остаться там подольше, но не хотелось думать, что цивилизация Зоны способна обойтись без него хотя бы в течение трех недель.

Сто лет назад монополи были только теорией,

причем теорией спорной. Теория магнетизма утверждала, что северный магнитный полюс не может существовать отдельно от южного магнитного полюса. И наоборот. Количественная же теория подразумевала, что они могут существовать автономно.

Первые постоянные поселения расцвели на наиболее крупных астероидах Зоны, когда группа исследователей обнаружила, что монополи вкраплены в железо-никелевые ядра астероидов. Сегодня они стали уже не теорией, а процветающей отраслью индустрии Зоны. Магнитное поле, генерируемое действием монополей, ослабевало в линейной, а не в квадратной зависимости. Говоря практически, двигателям и приборам, основанным на действии монополей, предстояло большое будущее. Монополи были крайне важны везде, где вес расценивался как значимый фактор, а в Зоне вес был значимым фактором всегда. Но добычу монополей производили поодиночке.

Нику не особенно повезло. Кольца Сатурна никогда не были хорошим местом для разработок: слишком много льда, слишком мало металла.

В электромагнитном поле вокруг корабельного трюма содержалось не более двух пригоршней магнитных полюсов. Не слишком большая добы-

ча после двух недель утомительной работы… И тем не менее — это хорошие деньги на Церере.

Он не сомневался, что ничего путного не найдет. Горные разработки служили лишь предлогом для Первого Председателя Политической Секции Зоны удрать из своего проклятого учреждения, глубоко упрятанного в скалах Цереры. Удрать от постоянно раздирающих «ООН-Зону» мелких склок, от жены и детей, друзей и врагов, знакомых и незнакомцев. А на следующий год, когда закончатся безумные недели суматошных событий, когда пройдут еще десять месяцев политической лихорадки в Солнечной Системе, он вернется обратно.

Ник наращивал скорость, направляясь к Церере. Сатурн сказочной безделушкой висел за его спиной, когда Ник увидел, что шахтный магнит медленно отделяется от грузового отсека. Где-то слева обнаружился новый мощный источник монополей.

Усмешка расколола его лицо, словно молния чистое небо. Лучше поздно, чем никогда! Плохо, что он обнаружил это на обратном пути, но он в любом случае может это проделать, раз уж обнаружил… то, что оказывает воздействие. Стрелка детектора колебалась между двумя точками,

одной из которых был грузовой отсек его судна.

Он потратил минут двадцать, фокусируя свой переговорный лазер на Церере.

— Говорит Ник Соул. Повторяю, Николас Брустер Соул. Я хочу зарегистрировать заявку на источник монополей, общее направление… — Он попытался примерно прикинуть, насколько сильно его груз влияет на показания, — …на созвездие Стрельца. Я хотел бы предложить этот источник для продажи правительству Зоны. Подробности позже, примерно через полчаса. После этого он включил двигатель корабля, с трудом забрался в скафандр и покинул корабль, прихватив с собой телескоп и шахтный магнит.

Звезды вовсе не вечны, но человеку они представляются именно таковыми. Ник парил среди вечных звезд, не двигаясь, но в то же время падая на крошечное солнце со скоростью десяти тысяч миль в час. Это и было то, ради чего он отправился на разработки. Вселенная сверкала подобно бриллиантам, рассыпанным по черному бархату. Золотистый Сатурн создавал незабываемый фон. Еще — Млечный путь, драгоценная перевязь на теле Вселенной. Ник любил Зону, от изъеденных скал до куполов на поверхности, нацеленных на спиральные и шаровые скопления чужих миров,

но больше всего он любил само космическое пространство.

В миле от судна он при помощи телескопа и шахтного магнита определил направление на новый источник. Потом он вернулся на корабль. Через несколько часов он произведет еще одну фиксацию и методом триангуляции определит положение источника.

Когда он добрался до корабля, на коммуникаторе горела сигнальная лампочка. Белобрысое, худое лицо Мартина Шеффера, Третьего Председателя, вещало пустому противоперегрузочному креслу:

— Ты должен немедленно вернуться, Ник. Не задерживайся, чтобы провести вторую фиксацию. Это крайне необходимо для Зоны. Повторяю. Мартин Шеффер вызывает Ника Соула на борту одноместного судна «Жужжащая птица»…

Ник задействовал свой лазер:

— Светляк, я польщен, честное слово. Чтобы зарегистрировать мою жалкую находку, было бы достаточно простого клерка. Повторяю…

Он перевел сообщение на повтор и принялся убирать инструменты. Церера находилась на расстоянии одной световой минуты.

Он не пытался вообразить, что же такое произо-

шло, что потребовалось его личное присутствие. Но он был встревожен.

Ответ пришел тотчас же. Выражение лица Светляка было странным, но тон его звучал шутливо.

— Ник, ты слишком скромничаешь насчет своей находки. К сожалению, мы не можем ее зарегистрировать. Уже сто четыре шахтера сообщили о твоем источнике монополей.

Ник разинул рот. Сто четыре? Но он был ближе всего к краю Системы и… Во всяком случае, большинство шахтеров предпочитают разрабатывать свои собственные месторождения. Сколько же тех, которые не сообщили?

— Все, кто находился в Системе, — сказал Светляк. — Это чертовски большой источник. По правде говоря, мы уже определили его местонахождение. Источник единичный, в сорока астрономических единицах от Солнца, то есть значительно дальше, чем Плутон. Восемнадцать градусов к плоскости Солнечной Системы. Мичиков говорит, что в источнике столько же южных монополей, сколько мы добыли за все прошлое столетие.

«Посторонний!»— подумал Ник. И еще: «Жаль, что моя заявка не будет признана».

— Мичиков говорит, что такой большой ис-

точник может оказаться на самом деле крупным реактивным двигателем Баззарда, что это пилотируемый аппарат таранного типа.

Ник кивнул. Корабли таранного типа были автоматическими зондами, направляемыми к ближайшим звездам, и одним из немногих свидетельств подлинного сотрудничества между ООН и Зоной.

— Мы следим за источником в течение последнего получаса. Он движется в глубь солнечной Системы со скоростью свыше четырех тысяч миль в секунду, в свободном падении. Это чуть выше даже межзвездных скоростей. Мы все уверены, что это — «посторонний».

— Что-нибудь еще?

— Повторяю…

Ник отключился и какое-то время обдумывал эту идею. Посторонний!

«Посторонний»— было жаргонным словцом для обозначения «чужака», но термин этот подразумевал нечто большее. Посторонний — это первый чужак, наделенный разумом, когда-либо вступавший в контакт с человеческой расой. Под этим выражением подразумевалось много скрытых значений, но не всякий обитатель Зоны во все это верил.

Критичность положения заставила Ника Соула позабыть о собственном отпуске. Цензура! Он включил лазер передатчика:

— Ник Соул вызывает Мартина Шеффера, база на Церере. У меня будут кое-какие дополнения. Первое. Похоже, ваше предположение верно. Второе. Перестаньте трубить новости на всю систему. Какой-нибудь из кораблей плоскостников может перехватить часть передачи. Рано или поздно нам придется обо всем сообщить им, но не прямо же сейчас. Третье. Я буду дома через пять дней. Накопите побольше информации. Пока что не следует принимать никакого окончательного решения. До тех пор, пока Посторонний не войдет в пределы Солнечной Системы или же не попытается дать о себе знать. Четвертое… — Попробуй узнай что-нибудь, если этот сукин сын сбросит скорость! Попробуй узнай, где он остановится! Но говорить об этом ему не следует. Слишком много специфики для лазерного сообщения. Шеффер сам должен знать, что ему делать. — Четвертого не будет. Соул закончил.

Солнечная Система велика, но если смотреть снаружи — тонка. В основной Зоне, расположенной между орбитами Марса и Юпитера, человек, решившийся на это, может за месяц обследовать

добрую сотню скал. Подальше от центра ему, вероятно, придется затратить пару недель, мотаясь туда-сюда, чтобы отыскать что-либо не замеченное, как он надеется, никем другим. В основной Зоне шахтные разработки не ведутся, хотя большинство крупных скал находится в частной собственности. Шахтеры, как правило, предпочитают работать в Зоне. Они знают, что в Зоне их ждет цивилизация и все ее блага: хранилища воздуха и воды, водородное топливо, женщины и просто другие люди, новый регенератор воздуха, автоматические лечебницы, наркотики.

Бреннану не нужны были ни наркотики, ни компания для поддержания душевного равновесия. Он предпочитал космос. Сейчас он находился в троянской точке Урана, в шестидесяти градусах к орбите ледяного гиганта. В троянских точках, точках устойчивого равновесия, скапливаются пыль и более крупные объекты. Здесь накопилось много пыли — по меркам космического пространства — и несколько скал, достойных изучения.

Если он совсем ничего не найдет, то отправится на Луну, а потом в следующую троянскую точку. Затем — дом, краткий отдых и визит к Шарлотте; когда же деньги подойдут к концу — незаплани-

рованная поездка на Меркурий ради заработка, и это ему вовсе не нравилось.

А если он отыщет урановую смолку, то здесь, в точке, ему придется проторчать не один месяц.

Ни в одной из скал не содержалось достаточно радиоактивного элемента, чтобы заинтересовать его. Но что-то, пролетая мимо, сверкнуло металлическим блеском археологической древности. Бреннан погнался следом, думая, что наткнулся на брошенную цистерну из-под горючего. Но надеялся-то он на иное. Джек Бреннан был записным оптимистом.

Археологическая древность оказалась корпусом ракетного двигателя, работающего на твердом топливе. Как следовало из надписи — часть «Маринера — 20».

«Маринер — 20» был когда-то направлен к Плутону. Старинный пустой корпус давным-давно должен был вернуться к далекому Солнцу, но попал в троянскую точку, в пылевое облако, и там и остался. Поверхность его была испещрена выбоинами, оставленными пылью, но корпус до сих пор продолжал вращаться, сохранив стабилизирующий импульс, полученный три поколения назад.

В качестве предмета для коллекции эта штука

была чуть ли не бесценной. Бреннан сфотографировал корпус в натуре, затем зацепился за его плоский нос и с помощью наспинного ракетного двигателя остановил вращение. Потом он привязал находку к топливопроводу своего корабля, чуть ниже жилого отсека. Гироскоп сможет компенсировать дебалансировку.

Добыча поставила перед ним задачку несколько иного рода.

Он встал рядом с ней на тонкую металлическую облицовку топливопровода. Старинный двигатель был размером с половину его собственного одноместного корабля, но очень легкий, весящий ненамного больше, чем металлическая оболочка его собственного боевого коня, имеющего оригинальную форму ядра. Если бы Бреннан нашел урановую смолку, то под топливным кольцом корабля висели бы грузовые сети, заполненные тяжелой радиоактивной рудой. И он бы возвращался в Зону с ускорением в половину «же». Но с остатками «Маринера»в качестве груза он может развивать ускорение до одного «же», что обычно для пустого судна.

А это может дать преимущество, в котором он нуждался.

Если он продаст находку на рынке Зоны, то

Зона заберет тридцать процентов в качестве подоходного налога и для вознаграждения агента. Но если он продаст корпус на Луне, в земной музей космонавтики, то налога не будет вовсе.

Позиция, в которой находился Бреннан, благоприятствовала контрабанде. Золотопогонников здесь не было. Скорость на большей части пути будет огромной. Его начнут преследовать не раньше, чем он доберется до Луны. Его улов — не монополи и не радиоактивные элементы; магнитометры и датчики радиоактивности обнаружить его не смогут. К тому же, он поднимется над плоскостью Системы, чтобы избежать скал и других кораблей.

Но если они его заполучат, то заберут себе все сто процентов стоимости находки полностью.

Бреннан улыбнулся про себя. Он рискнет.

Рот Физпока сомкнулся один раз, другой, третий. Желтый корень дерева жизни разделился на четыре разлохматившихся куста, так как края клюва Физпока не были острыми. Они были тугими и неровными, словно верхушки коренных зубов. Физпок четыре раза глотнул.

Он вряд ли замечал, чем именно занимается. Его рука, рот, живот действовали автоматически, пока все внимание Физпока было приковано к

обзорному экрану.

При увеличении в десять тысяч раз на экране показались три крошечные фиолетовые точки.

Глядя на обзорный экран, Физпок мог видеть сбоку яркую желтую звезду, которую он назвал целью путешествия *N1*. Он уже обследовал планеты. И обнаружил одну красавицу, нужного размера, с почти подходящей температурой, с прозрачной, насыщенной водой атмосферой и со спутником, размером больше обычного. Но кроме этого он обнаружил и мириады фиолетовых точек, настолько крохотных, что он поначалу решил, что это просто фантомные вспышки на сетчатке его глаз.

Они существовали на самом деле, и они двигались. Некоторые двигались не быстрее планет, другие — в сотни раз стремительнее скорости убегания для данной Системы. Они полыхали нестерпимым жаром цвета нейтронной звезды на четвертой неделе ее существования, когда температура еще достигает миллионов градусов.

Очевидно, это были космические корабли. Природные объекты с такими скоростями затерялись бы в межзвездном пространстве за считанные месяцы. Скорее всего, они использовали двигатели, работающие на реакции слияния ядер. Если

это так, то судя по цвету, они развивали более высокую температуру и были эффективнее, чем двигатель Физпока.

Большую часть своего времени, казалось, они проводили в космосе. Сперва он надеялся, что это какая-либо из форм жизни, порожденной звездами в ядре галактики. Но когда он приблизился к желтому Солнцу, то был вынужден отказаться от этой мысли. Все искорки куда-либо, да направлялись, или к множеству небольших, вращающихся по своим орбитам скал, либо к планетам и их спутникам внутри системы. Очень часто их целью оказывался мир с насыщенной водой атмосферой, который показался ему пригодным для обитания расы Пак. Ни одна форма жизни, рожденная в космосе, не смогла бы вынести ни его гравитации, ни его атмосферы.

Именно к этой планете — Цели Путешествия *N1 — 3 — чаще всего направлялись космические корабли*, хотя не обделяли своим вниманием и многие более мелкие небесные тела. Интересно. Если пилоты этих кораблей, работающих на ядерном синтезе, заняты исследованием Цели Путешествия *N1 — 3*, то они, ясное дело, предпочитают сильную гравитацию слабой.

Но те, кого он искал, не обладали достаточным

разумом, чтобы строить подобные корабли. Или их место заняли какие-то пришельцы?

Тогда ему и тем тысячам, что отдали свои жизни, остается лишь бесплодная месть.

Физпок почувствовал, как в нем нарастает ярость. Он подавил ее. Мстить нет смысла. Цель путешествия *N1 была не единственным возможным объектом*. Вероятность составляла не более двадцати восьми процентов. Он вправе надеяться, что те, кому он спешил на помощь, живут в окрестностях другой звезды.

Но удостовериться он обязан.

Существует минимальная скорость, при которой ракетный двигатель Баззарда действует, и Физпок не намного превышал ее. Он решил идти сквозь систему, пока не выяснится что-либо определенное. А пока придется воспользоваться резервным запасом топлива. Он отыскал голубовато-белую искру, направляющуюся к центру системы. Он сможет догнать ее.

Ник посадил свою «Жужжащую птицу», отдал распоряжения о разгрузке и продаже груза и спустился под землю. Его офис находился в толще железо-никелевых пород, примерно двумя милями ниже скалистой, усеянной пузырями поверхности Цереры.

В вестибюле офиса он сбросил скафандр и шлем. Спереди на скафандре была изображена картинка, и он любовно похлопал по ней, прежде чем одеться. Он всегда так делал.

Большинство обитателей Зоны разрисовывали свои скафандры. Почему бы и нет? Скафандр был единственным местом, которое обитатель Зоны мог бы назвать своим домом и, владея им, каждый был обязан поддерживать его в наилучшем состоянии. Но даже для Зоны скафандр Ника Соула являлся уникальным.

На оранжевом фоне была изображена девушка. Невысокая, ее голова едва достигала шеи Ника. Кожа ее мягко горела зеленым. Спереди, через весь скафандр была видна только очаровательная спина. Волосы девушки струились жарким пламенем, отливали оранжевым, переходящим в белое, а там, где они свешивались через левое плечо, темнели красно-черным дымом. Она была обнажена. Руки девушки обнимали скафандр за талию, ладони воздушно касались спины, ноги обвивались вокруг ног так, что пятки девушки касались гибкого металла коленных суставов. И все это было очень хорошо нарисовано, хорошо настолько, что почти не казалось вульгарным. Жаль лишь, что выпускной клапан скафандра не

был расположен в каком-либо другом месте.

Светляк развалился в одном из гостевых кресел в офисе Ника, его длинные ноги вытянулись вдоль всего ковра. Он отличался скорее худобой, чем полнотой. Слишком много лет в детстве были проведены в невесомости. Теперь он не мог находиться в скафандре или кабине космического корабля при нормальном давлении, и где бы он ни сидел, это выглядело так, словно он намеревался с кем-то бороться.

Ник бросился в кресло и на мгновение прикрыл глаза, снова привыкая к тому состоянию, что он — Первый Председатель. Все еще с закрытыми глазами он сказал:

— О'кей, Светляк. Что случилось?

— Дьявольщина. — Шорох бумаги. — Да-а. Источник монополей идет над плоскостью Системы, держа курс приблизительно на Солнце. Час назад он был на расстоянии двадцати тысяч миль отсюда. Неделю назад, когда мы его засекли, он шел с постоянным ускорением в ноль девяносто два «же»и разворачивался так, чтобы выйти на орбиту вокруг Солнца. Сейчас ускорение снизилось, упав до ноль четырнадцати «же». Он нацелился на земную орбиту.

— Где в это время будет Земля?

— Мы проверили. Если он вернется к своей ноль девяносто два «же», то пересечет орбиту через восемь дней. И Земля будет находиться как раз в этой точке. — Вид у Светляка был мрачный. — Все что более, чем приблизительно мы знаем, это то, что он направляется к центру Системы.

— Но он явно нацелен на Землю. Несомненно. Посторонний надеется вступить в контакт не с кем-нибудь — с нами. Что же вы уже предприняли?

— Главным образом наблюдения. Мы получили фотографии, на которых видно что-то вроде ракетного пламени. Пламя ядерного синтеза, но более холодное, чем у нас.

— Следовательно, и менее эффективное. Но, если он пользуется ракетным двигателем Баззарда, значит, израсходовал все запасы горючего. И все же мне кажется, скорость у него сейчас ниже необходимой.

— Верно.

— Громадная, должно быть, штуковина. Светляк, это может быть боевой корабль. Использующий огромное количество монополей.

— Не обязательно. Знаешь, как работает автомат таранного типа? Магнитное поле собирает рассеянную в пространстве водородную плаз-

му, отводит от грузового отсека и превращает в водородное топливо. Разница лишь в том, что на таком корабле ничто живое находиться не может, слишком большая часть водорода становится радиоактивной. Пилотируемому кораблю потребуются чудовищно большие регуляторы плазменных полей.

— А у «этого»?

— Мичиков говорит: да, если он шел достаточно долго. Чем дольше путь, тем быстрее ему придется гасить скорость.

— У-мм-гм.

— Ник, ты делаешься параноиком. Почему кто-то должен присылать к нам боевой звездолет?

— А почему кто-то вообще должен присылать к нам корабль? Полагаю, вы намерены со всем этим просто смириться… Мы можем войти в контакт с этим судном до того, как оно достигнет Земли?

— Как ни странно, но я об этом подумал. Мичиков прикинул несколько возможностей. Самое подходящее — где-нибудь в ближайшие шесть дней флот в полном составе стартует из троянской точки Юпитера.

— Забудь о флоте. Посторонний должен видеть, что мы не собираемся причинять ему вреда. В троянской точке есть какой-нибудь крупный

корабль?

— «Голубой Бык». Он собирался идти на Юнону, но я приказал реквизировать его и очистить грузовые трюмы.

— Отлично. Все складывается просто великолепно.

«Голубой Бык» был предназначен для перевозки жидких грузов и не уступал размерами роскошному туристскому лайнеру, хотя и не мог соперничать с ним по изяществу отделки.

— Нам потребуется компьютер, отличный компьютер, а не серийный автопилот. Технарь, чтобы управляться с ним. И запасные мозговые ячейки для машины. Я намерен использовать его в качестве транслятора, а посторонний сможет общаться с нами при помощи световых сигналов, радио или модулированных электротоков. Сможем мы запихать одноместный катер в трюм «Быка»?

— Зачем?

— Просто на всякий случай. Мы добавим «Быку» спасательную шлюпку. Если посторонний поступит по-свински, то кто-нибудь сможет спастись.

Светляк не сказал: «Паранойя», но явно заставлял себя сдерживаться.

— Крупный корабль, — терпеливо объяснил

Ник. — Достаточно развитая технология, чтобы осуществлять звездные перелеты. Может, он дружелюбный, как щенок, но вдруг кто-нибудь сделает ему что-то неприятное?

Он взял микрофон и распорядился:

— Дайте мне Ахиллес, центральный коммутатор.

Потребовалось некоторое время, пока оператор нащупал лазерным лучом Ахиллес. Ник не вешал трубку. Наконец микрофон дребезжаще затарахтел в его ладони.

— Да?

— Контроль движения, — раздалось из динамика. — Каттер. Вашей конторе хотелось знать все об этом сильном источнике монополей.

Ник полностью снял контроль, чтобы Шеффер тоже мог слышать.

— Верно. Ну и?

— Он ложится на курс одного из кораблей Зоны. Похоже, пилоту не избежать контакта.

Ник стиснул зубы.

— Что за корабль?

— На таком расстоянии сказать трудно. Возможно, одноместное шахтное судно. Их траектории пересекутся через тридцать семь часов двадцать минут. Если никому из них не взбредет в голову

что-нибудь другое.

— Держите меня в курсе. Переведите все ближайшие телескопы на наблюдение. Мне бы не хотелось остаться в дураках. — Ник отключился. — Слышал?

— Да-а. Первый Закон Финейгла. Можем мы остановить этого зонника?

— Сомневаюсь.

Им мог быть кто угодно. Им оказался Джек Бреннан.

До поворота на курс, ведущий к Луне, оставалось несколько часов. «Маринер — 20» отбросил тело стартового двигателя, словно останки обескровленного сиамского близнеца. В его плоском носу все еще ощущался свист, оглушительный свист, высота которого определялась скоростью сгорания твердого топлива. Бреннан ползком пробрался внутрь, чтобы посмотреть, нет ли каких-либо повреждений, могущих снизить стоимость реликта.

Реликт, предназначенный для разового использования, отличался изяществом очертаний. Сопло его выгорело несколько неровно, но это было не так и страшно — подобное вполне естественно, если учесть, что зонд свое назначение выполнил. За такую находку Музею космонавти-

ки придется изрядно раскошелится.

Контрабанда в Зоне считается нелегальной, но никак не аморальной. Тем более контрабанда не была аморальной для Бреннана, который при посадке старательно забывал заплатить за парковку. Поймают тебя — выложишь штраф, вот и все дела.

Бреннан же относился к оптимистам. Он не верил, что его поймают.

Четыре дня он разгонялся, почти достигнув одного «же». Орбита Урана осталась далеко позади, но и до центра Системы было еще не близко. Ад ревел в его двигателе. Эффекты теорий относительности пока еще не наблюдались — не настолько быстро он шел — но по прибытии на место часы придется подвести.

Что же представлял из себя Бреннан? При одном «же» вес его — сто семьдесят восемь фунтов, рост — шесть футов два дюйма. Как и большая часть зонников, он напоминает не особенно мускулистого игрока в баскетбол. Он провел в рубке управления чуть больше четырех дней, но уже начал чувствовать себя (да и выглядеть тоже) утомленным и потрепанным. Но карие глаза смотрят ясно и твердо, зоркость их зафиксирована микроизлучением, которому он был

подвергнут в восемнадцатилетнем возрасте. Прямые черные волосы в дюйм длиной зачесаны прядями со лба к затылку по коричневому, полированному черепу. Он принадлежит к белой расе; как говорится, загар обитателя Зоны не темнее кожи, выделанной в Кордове. И как у остальных, загаром прикрыты лишь руки, лицо и череп. Тело его в любом другом месте — цвета сливок.

Возраст — сорок пять лет. Выглядит он на тридцать. Гравитация благотворно подействовала на мышцы лица, но выявила тенденции к скорому облысению. Лишь тонкие морщинки в уголках глаз дают понять, в какой степени он измучен загадкой, заставляющей хмуриться последние двадцать часов. С того мгновения, как он почувствовал, что что-то преследует его.

Сперва он решил, что это золотомундирник, лягаш с Цереры. Но что делать золотомундирнику так далеко от Солнца?

Даже с первого взгляда было ясно, что это не может быть лягаш. Пламя двигателя было слишком холодным, слишком большим и недостаточно ярким. Бреннан увеличивал скорость, но скорость чужака, хотя он и тормозил, продолжала оставаться чудовищной. Или же он пришел откуда-то из-за орбиты Плутона, или двигатель его

мог развивать ускорения в десятки «же». Из чего и вытекал требуемый ответ.

Это странное пламя принадлежало Постороннему.

Сколько лет ожидала его Зона? Заставьте любого человека, даже пилота лунного корабля, провести какое-то время меж звезд, и он однажды поймет, насколько глубока на самом деле Вселенная. Глубиной в миллиарды световых лет. Пространство, способное вместить в себя все. Вне сомнения, это Посторонний, пришедший извне. Впервые представитель чужой расы, занимающейся своими делами за пределами досягаемости земных телескопов, вступал в контакт с человечеством.

Теперь же Посторонний этот был здесь и следовал по курсу Джека Бреннана.

Бреннан даже не был удивлен. Да, насторожен. Даже напуган. Но не удивлен. Не удивлен даже тем, что Посторонний избрал именно его. Случайность, игра судьбы. Они оба направлялись в глубь Системы, придерживаясь приблизительно одного и того же курса.

Вызвать Зону? Сейчас Зона должна уже все знать. Сеть телескопов Зоны прослеживает путь любого судна в системе. Все шансы на то, что

неправильно окрашенная точка, движущаяся с неправильной скоростью, уже обнаружена. Бреннан, знавший, что его корабль тоже будет разыскан, рискнул, надеясь, что это произойдет не слишком рано. Конечно же, Посторонний уже обнаружен. Конечно, за ним наблюдают, а в силу этого наблюдают и за Бреннаном. В любом случае, отправлять сигнал на Цереру Бреннану нет смысла. Корабль плоскостников может перехватить луч. Бреннан не знал, как относится Зона к идее контактов между Землей и Посторонним.

Зоне придется действовать без него.

А это вынуждало Бреннана самостоятельно принять два решения.

Первое было легким. Возможности для контрабанды у него теперь не больше, чем у снежного человека. Ему следует изменить курс так, чтобы, добравшись до какого-либо астероида, при первой же возможности вызвать Зону и сообщить о своем направлении и грузе.

Но как быть с Посторонним?

Тактика увиливания? Это сложно. Остановить в космосе вражеский корабль невозможно, для этого и доказательств не требуется. Лягаш может перехватить контрабандиста, но не в состоянии арестовать до тех пор, пока контрабандист сам

не согласится… Или пока не кончится горючее. Он может сбить корабль с курса, может даже пойти на таран, если у него хороший автопилот, но как потом проникнуть в воздушный шлюз, если корабль беспрерывно огрызается огнем своего двигателя? Бреннан мог отправляться куда угодно, и Постороннему придется или послушно следовать за ним, или уничтожить его.

Бегство представлялось самым разумным. У Бреннана была семья, и о ней следовало заботиться. Шарлотта же могла позаботиться о себе сама. Она была взрослой зонницей, умеющей строить свою жизнь не хуже Бреннана, хотя никогда не проявляла достаточно честолюбия, чтобы получить лицензию пилота. А Бреннан был вынужден платить, как водится, за Эстеллу и Дженнифер. Его дочерям необходимы воспитание и обучение. Но он мог бы делать для них и больше. Или же мог попытаться снова стать отцом, скорее всего, ребенка от Шарлотты. Деньги к нему липли. Деньги — это сила. И, подобно силам электрическим или политическим, силу эту тоже можно было использовать по-разному.

Вступить в контакт с чужаком — и он, возможно, никогда больше Шарлотты не увидит. Первая встреча с чужой расой таила в себе риск.

И, безусловно, — славу.

Сможет ли когда-нибудь история забыть человека, который встретился с Посторонним?

На мгновение он подумал, что здесь таится ловушка. Словно судьба затеяла игру с его жизнью… Но увильнуть он не может. Он позволит Постороннему с ним встретиться. Бреннан не стал сворачивать с курса.

Зона — это паутина телескопов, сотни тысяч телескопов.

Делается это следующим образом. На каждом корабле есть телескоп. За каждым астероидом приходится постоянно наблюдать, потому что астероиды имеют склонность менять свои орбиты и потому что карта Солнечной Системы должна быть максимально приближенной к действительности с точностью до секунд. Наблюдение ведется за огнем любого корабельного двигателя. В оживленных секторах корабли, если их никто не предупредит об этом, могут выхлопами задеть друг друга. А выхлоп двигателя, работающего на реакции ядерного синтеза, смертелен.

Ник Соул посмотрел на экран, скользнул взглядом вниз, на стол, заваленный грудой досье, снова поднял глаза на экран…

На экране виднелись две фиолетово-белые искры, одна — несколько больше и тусклее. Астероид, с которого велось наблюдение, находился почти на одной линии с ними, и поэтому обе искры были видны на одном экране.

Он перечитал досье несколько раз. Десять человек. И каждый из них может оказаться неизвестным зонником, к которому приближается сейчас Посторонний. Сначала досье было двенадцать. Сейчас люди из внешних служб пытались обнаружить и выделить этих десятерых, как они обнаружили уже двоих, связаться с ними по радиотелефону или с помощью лазера и, таким образом, отсеять.

Поскольку судно не пыталось удрать, Ник мысленно выделил из этой дюжины шестерых. Двое никогда не были пойманы на контрабанде: признак осторожности, и не играет роли, занимались ли они контрабандой на самом деле или их просто не смогли поймать. Одна — это ксенофобка. Трое были старожилами; вы не станете старожилом в Зоне, если ставите на неверный шанс. В Зоне законы Финейгла-Мэрфи были шуткой только наполовину.

Один из четырех шахтеров отличался колоссальным высокомерием и вполне мог назначить

самого себя послом человечества во вселенной.

Поделом ему, если он на это замахнулся, — думал Ник, — кто же из них?

В миллионе миль от орбиты Юпитера, двигаясь прямо над плоскостью Солнечной Системы, Физпок уравнял свою скорость с туземным судном и начал сближение.

Из тысяч видов разумных существ в галактике Физпок и раса Физпока изучили только свой собственный. Если они случайно натыкались на другие расы, например, при добыче сырья в соседних системах, то они уничтожали их с такой быстротой и надежностью, какая только была возможна. Чужаки были опасны или могли такими оказаться, а раса Пак не интересовалась никем кроме расы Пак. Защитники обладали немалым умом, но ум — лишь средство достижения цели, а для цели не всегда предпочтительнее интеллектуалы.

Действия Физпока прямо вытекали из его неосведомленности. Все, что ему оставалось, — строить догадки.

Если предположить, что овальная царапина на корпусе туземного судна — действительно люк, то получалось, что туземец не может быть намного выше или ниже Физпока. Скажем от

трех до семи футов, в зависимости от того, какое количество свободного пространства ему необходимо. Разумеется, овал мог и не характеризовать наибольшую высоту туземца, хотя это было бы справедливо для двуногого Физпока. Но судно само было небольшим, в нем не мог поместиться кто-нибудь, намного превышающий Физпока размерами.

Один взгляд на туземца мог бы сказать ему о многом. Если это не Пак, то его следует расспросить. Но если это…

Вопросы все-таки будут, много вопросов. Но если поиски окажутся завершенными… Несколько дней на корабле, чтобы достичь Цели Путешествия *N1 — 3*, недолгое время на то, чтобы выучить их язык и объяснить, как использовать то, что он привез с собой, — и он может перестать есть.

Туземец не показывал, что знает о корабле Физпока. Еще несколько минут, и они оказались бок о бок, но чужак не стал менять направления. Туземец выключил свой двигатель. Физпока приглашали к совместному путешествию.

Физпок принял приглашение. Он не растратил ни одной лишней капли топлива, не сделал ни одного лишнего движения. Может быть, вся его

жизнь ушла на тренировки, подготавливающие его к этому маневру. Скорлупа его кабины жизнеобеспечения причалила к борту туземного корабля и остановилась.

Скафандр был уже надет, но Физпок не двигался. Он не имел права рисковать собой, когда оказался так близок к победе. Если туземец решится выбраться из корабля…

Бреннан смотрел на корабль, идущий рядом с ним. Три секции, разделенные расстоянием в восемь миль. Он не увидел никакого соединяющего их кабеля. Возможно, он слишком тонок, чтобы разглядеть его на таком расстоянии. Наибольшая, самая массивная секция была, должно быть, двигателем: цилиндр с тремя небольшими коническими выступами, под углом выходящими из хвоста. Цилиндр таких размеров был слишком мал, чтобы вместить запас горючего для межзвездного перелета. Либо Посторонний по дороге сбрасывал использованные емкости, либо… Это пилотируемый автомат таранного типа?

Вторая секция: сфера примерно шести футов в диаметре. Когда корабль наконец сбросил скорость, эта секция тотчас же оказалась напротив Бреннана. На сфере четко выделялось большое круглое окно, так что сама она напоминала ги-

гантское глазное яблоко. Она поворачивалась, следуя за каждым движением Бреннана. Бреннан нашел, что выдерживать этот жутковатый пристальный взгляд нелегко.

И еще одна мысль. Наверняка, правительство Зоны смогло бы организовать встречу получше, чем эта…

Отсек, идущий следом, — после всего предшествующего он выглядел приятно. Это было яйцо, футов шестидесяти длиной и сорока в ширину. Больший конец, нацеленный в противоположную двигательной секции сторону, был так густо изъеден пылевыми частицами, что казался исцарапанным песком. Меньший конец был остроконечным и гладким, почти блестящим. Бреннан кивнул сам себе. Во время ускорения таранно-черпающее поле должно было защищать передний конец от микрометеоритов. Во время торможения его перемещение назад приводило к тому же.

Отверстий на яйце не было.

За выпуклой оболочкой центральной секции началось какое-то движение. Бреннан напряг зрение, пытаясь увидеть побольше… Но ничего не случилось.

Странный способ строить корабли, подумал он.

В центральном отсеке, должно быть, находится система жизнеобеспечения. Поскольку в нем есть иллюминатор, а в следующем отсеке нет. А двигатель опасно радиоактивен, в ином случае зачем было бы так растягивать судно в пространстве. Но это означает, что кабина жизнеобеспечения расположена таким образом, чтобы защищать идущий следом отсек от радиации двигателя. В этом отсеке должно находиться нечто более важное, чем сам пилот, — с точки зрения этого пилота.

Или так, или же и пилот, и конструктор — глупцы, а то и просто сумасшедшие.

Сейчас корабль Постороннего не двигался: двигатель его остывал, секция жизнеобеспечения находилась в нескольких сотнях футов отсюда. Бреннан ждал.

Должно быть, я — шовинист, — сказал он себе. — Какое я имею право судить об их душевном здоровье по стандартам Зоны?

Губы его скривились. Наверняка имею. Этот корабль плохо спроектирован.

Чужак покинул свое судно.

Каждый мускул Бреннана дрожал, пока он рассматривал его. Чужак был двуногим, отсюда он выглядел вполне человекоподобным. Но вышел

он «сквозь» иллюминатор. Он стоял на фюзеляже своего корабля, неподвижный, выжидающий.

У него были две руки, одна голова, две ноги. Он пользовался скафандром. У него было оружие — похоже на реактивный пистолет — но что именно, сказать было невозможно. Но Бреннан не обнаружил ранца. Реактивный пистолет требует гораздо большей сноровки, чем реактивный ранец. Кто бы им стал пользоваться в открытом космосе?

Кого он хочет обмануть своим ожиданием?

Ясное дело, Бреннана.

На какое-то дикое мгновение он решил сейчас же запустить двигатель и смыться отсюда, пока не поздно! Проклиная себя за трусость, Бреннан направился к люку. Те, кто строил одноместные корабли, строили их настолько дешево, насколько это было возможно. В его корабле не было воздушного шлюза, просто дверь и насосы для откачки воздуха. Скафандр Бреннана был герметичным. Все, что ему предстояло сделать, — это открыть люк.

Включив магниты ботинок, он выбрался наружу.

Медленно тянулись секунды, пока Бреннан и Посторонний рассматривали друг друга. Он

выглядит вполне гуманоидом, — думал Бреннан. — Двуногий. Его голова — верхняя часть тела. Но если они гуманоиды и освоили космос настолько, что могут строить межзвездные корабли, он не может быть таким глупым, каким кажется его судно. Необходимо узнать, какой груз несет его корабль. Возможно, он и прав. Возможно, груз более ценен, чем его собственная жизнь.

Посторонний прыгнул.

Он летел к нему, словно пикирующий сокол. Бреннан не отступил, дрожа от ужаса и все же поражаясь мастерству чужака. Посторонний не воспользовался своим реактивным инструментом. Его прыжок был безупречен. Опуститься он должен был совсем рядом с Бреннаном.

Упругими конечностями Посторонний ударил по корпусу корабля, погасив инерцию, словно заправский зонник. Он был меньше Бреннана, не более пяти футов ростом. Бреннан мог смутно видеть его лицо сквозь щиток шлема. Он отшатнулся, отшагнув подальше назад. Лицо Постороннего было отвратительным и безобразным. Проклятый шовинизм: от лица Постороннего мог бы забарахлить и компьютер.

Этот шаг назад не спас его.

Посторонний был слишком близко. Он потянул-

ся к нему, герметические перчатки его скафандра неожиданно сомкнулись вокруг запястья Бреннана. Чужак прыгнул.

Бреннан, задыхаясь, попытался вырваться, но было поздно. Хватка Постороннего напоминала стальную пружину. Кувыркаясь, они летели к напоминающему глазное яблоко отсеку жизнеобеспечения, и с этим Бреннан ничего не мог поделать.

— Ник, — сказал интерком.

— Слушаю, — отозвался Ник. Он не выключил аппаратуру.

— Досье, которое вам нужно, озаглавлено «Джек Бреннан».

— Откуда ты знаешь?

— Мы связались с его женщиной. У него она только одна — Шарлотта Виггз, да еще двое ребятишек. Мы убедили ее, что это крайне важно. В конце концов она нам сказала, что он отправился обследовать троянские точки Урана.

— Урана… Это звучит правдоподобно. Каттер, сделайте мне одолжение.

— С удовольствием. Обслуживающий персонал?

— Да. Пусть присмотрит, чтобы «Жужжащая птица» была обеспечена горючим и продоволь-

ствием. И продолжает следить за этим вплоть до дальнейших распоряжений. Оборудуйте «Птицу» добавочными стартовыми двигателями. А потом сфокусируйте переговорный лазер на Нью-Йоркском штабе армии и в таком положении оставьте. Разумеется, вам потребуются три лазера. Чтобы связь не прерывалась из-за вращения Земли.

— О'кей. Других поручений нет?

— Нет. Просто держите лазер все время наготове.

Ситуация менялась чертовски быстро. Если ему потребуется помощь Земли, то она потребуется очень скоро. Наиболее надежный способ убедить плоскостников — отправиться туда самому. Но Первый Председатель никогда не бывал на Земле. И надеялся, что и на этот раз тоже не придется этого делать. Но лишь Упрямство Вселенной стремится достигнуть Максимума.

Ник начал бегло пересматривать досье Бреннана. Скверно: у того были дети.

Первые четкие воспоминания Физпока датировались тем днем, когда он осознал себя защитником. Он мог бы вызвать туманные образы и того, что было с ним и до этого. Вспомнить о страданиях и сражениях, об открытии новых видов пищи, о переживаниях, связанных с сексом

и любовью, о ненависти, о ползучих деревьях в долине Пичока. С полдюжины раз он с любопытством наблюдал, как женщины рожали детей, которые — он это чувствовал — были его собственными. Но помнилось все это смутно.

Когда он стал защитником, то начал мыслить ясно и четко. Сперва это было неприятно. Ему приходилось заставлять себя заниматься этим. Другие помогали ему и обучали.

Шла война, и он прошел сквозь нее. Поскольку ему пришлось развивать в себе привычку задавать вопросы, то прошли годы, прежде чем он ознакомился с историей.

Тремя столетиями ранее в их мире несколько сотен семей старших Пак совместно восстановили плодородие громадной пустыни. Эрозия и выветривание не были следами войны, они образовались от воздействия самой пустыни. Но всю ее покрывали слаборадиоактивные пятна. В мире Пак вообще не существовало мест, нисколько не затронутых войной.

Поколение назад была осуществлена чрезвычайно важная задача по восстановлению лесов. После этого союзники тут же раскололись на несколько меньших союзов, каждый из которых стремился захватить жизненное пространство

для собственных потомков. К настоящему времени большинство некогда существовавших союзов уже исчезло. Некоторые семьи истребили, а уцелевшие группы покинули места, выбранные ими когда-то для проживания. Сейчас род Физпока владел Южным Побережьем.

Война доставляла Физпоку наслаждение. Не из-за сражений. В качестве производителя ему приходилось принимать участие в битвах, но война заключалась не столько в схватках, сколько в умении перехитрить противника. Поначалу они воевали ядерными бомбами. На этой стадии погибли многие семейства, а часть возрожденной пустыни вновь стала пустыней. Позже обитатели Южного Побережья открыли поле, не позволяющее ядерному материалу расщепляться. Другие быстро последовали их примеру. С тех пор война велась с применением артиллерии, отравляющих газов, бактерий, психологии, пехоты и даже наемных убийц. Это была война умов. Можно ли нейтрализовать пропаганду Района Залива Метеоров, живописующую раскол Южного Побережья? Если у Союза Восточного Моря есть средство против текучего газа Иоты, то что легче — украсть его или попытаться разработать свое собственное? Если Круглые Горы нашли способ

обезвреживать фильтрующиеся бактерии Зеты — 3, то какова вероятность, что это обернется против нас? Оставаться нам на Южном Побережье или лучше перебраться к Восточному Морю? Это было забавно.

Чем больше узнавал Физпок, тем сложнее становилась игра. Его собственный вирус — двойное Кью — мог уничтожить девяносто два процента производителей, но не причинял вреда их защитникам. И те сражались с удвоенной яростью, с яростью обреченных, защищая количественно уменьшившуюся и менее уязвимую группу. Ему нравилось пресекать такие попытки. У семейства Пак было слишком много производителей по сравнению с имеющимися запасами пищи. Он принял их предложение о союзе, но перекрыл дорогу к Восточному Морю.

Тогда, на пределе сил, Союз Восточного Моря построил генератор поля, которое прекращало реакцию ядерного распада.

Физпок был защитником на протяжении шести лет.

Война закончилась за неделю. Некогда возрожденная пустыня, примыкающая к Восточному Морю, в результате семидесятилетней схватки в большей своей части вновь стала голой и бес-

плодной.

А долину Пичока озарила могучая вспышка.

Дети и производители рода Физпока жили в долине Пичока с незапамятных времен. Защитник увидел, как горизонт окутался страшным пламенем, и понял, что все его потомки погибли или стали стерильными, что рода, который он должен был защищать, больше нет. И все, что ему теперь осталось, — это перестать есть, пока не наступит смерть.

С тех пор он потерял всякую осторожность. Вплоть до настоящего времени.

Но даже тогда — тридцать веков назад по биологическому времени — ему не приходилось испытывать небывалого смущения. Что это за существо, обряженное в скафандр, попавшее к нему в руки? Лицевой щиток был затемнен для защиты от солнечного света. Насколько можно было судить по форме скафандра, существо напоминало производителя. Но «они» не могли создавать ни космических кораблей, ни скафандров.

Представления Физпока о цели его жизни оставались неизменными на протяжении более чем двадцати столетий. Сейчас же они резко менялись. Теперь Физпок начал жалеть, что Пак ничего не знали о других народах, наделенных

разумом. Двуногость, возможно, присуща не только Пак. Как такое могло случиться? Формы тела самого Физпока были превосходны. Если бы он мог увидеть этого туземца без скафандра… Если бы он мог обнюхать его! Это сказало бы ему о многом.

Они опустились рядом с иллюминатором. Прицел Постороннего был нечеловечески точен. Бреннан даже не пытался сопротивляться, когда чужак, забравшись вовнутрь, за изогнутую поверхность, уцепился там за что-то и потащил его за собой. На мгновение нечто прозрачное преградило ему путь и — уступило.

Неожиданным и быстрым движением Посторонний сбросил свой скафандр, изготовленный из какого-то гибкого материала. Гибким был и прозрачный шлем. На сочленениях виднелись поперечные полосы. Избавляясь от скафандра, чужак продолжал удерживать Бреннана, не ослабляя своей железной хватки. Но повернулся так, что его можно было рассмотреть.

Бреннан едва не вскрикнул.

Посторонний состоял из одних узлов. Руки — длиннее человеческих, с локтевым суставом почти там, где ему и положено быть. Плечи, колени, бедра круглились, словно дыни. И голова

— дыня на несуществующей шее. Бреннан не обнаружил ни лба, ни подбородка. Вместо рта у чужака был плоский черный клюв, твердый и тусклый. Между глазами и клювом — обесцвеченная морщинистая кожа. Две продольные щели на клюве — нос. Два вполне человеческих глаза были защищены нисколько не похожими на человеческие кожистыми впадинами и намечающимся выступом лба. Ниже клюва голова по плавной дуге уходила назад. На выпуклом черепе вздымался костяной гребень, усиливая ощущение обтекаемости.

На нем не было ничего из одежды, кроме сорочки с большими карманами — одеяния, имеющего вид вполне человеческий. И такого же нелепого, как туника Федры на чудовище Франкенштейне. Раздутые суставы на пятипалой руке, крепко вцепившейся в руку Бреннана, напоминали теннисные мячи.

Итак — Посторонний. Не просто чужак. Это дельфин — просто чужак. Но дельфины не такие ужасные. Посторонний же был кошмарен. Он выглядел как нечто среднее между человеком… и чем-то еще. Такими всегда бывали выдуманные человеком чудовища. Грендель. Минотавр. Некогда было даже дано следующее определение

ужаса: сверху — прелестная, соблазнительная женщина, снизу — чешуйчатое чудовище. К этому следует добавить, что Посторонний был, скорее всего, бесполым: между его ног виднелись лишь складки похожей на броню кожи.

Глубоко посаженные глаза, столь же человеческие, как и зрачки осьминога, пристально уставились в глаза Бреннана.

Неожиданно, Бреннан не успел даже уклониться, Посторонний вцепился в его прорезиненный скафандр и рванул в сторону. Скафандр натянулся и разорвался — от паха до подбородка. Воздух тут же улетучился, и Бреннан почувствовал, как у него лопаются барабанные перепонки.

Ни малейшего признака остановки дыхания. А ведь от запасов воздуха, оставшихся на корабле, его отделяли сотни футов вакуума. Бреннан изумленно фыркнул.

Воздух был разреженным и полным странного запаха.

— Сукин ты сын, — сказал Бреннан. — Я ведь мог погибнуть.

Посторонний не ответил. Он сдирал скафандр с Бреннана, словно очищал апельсин, без малейшей грубости, но и без особых предосторожностей. Бреннан сопротивлялся. Одна его рука была

перехвачена чужаком, но кулаком другой он колотил по лицу Постороннего, на что тот только помаргивал. Кожа была у него что дубленый ремень. Он разделался со скафандром и теперь, не давая Бреннану шевельнуться, разглядывал его. Бреннан ударил ногой туда, где должен был бы находиться пах. Чужак соизволил обратить внимание на эту попытку, он проследил глазами еще два удара Бреннана, а потом вернулся к своим изысканиям.

Его пристальный взгляд, скользящий по Бреннану снизу вверх и сверху вниз, был оскорбительно беззастенчив. В Зоне, где температура и состав воздуха находились под непрестанным контролем, люди обычно ходили обнаженными. Но никогда до этого Бреннан не ощущал себя «голым», не обнаженным — голым. Беззащитным. Чужие пальцы ощупывали его череп. Скользили вдоль чуба обитателя Зоны. Массировали сочленения запястья, каждый из суставов прощупав под кожей. Поначалу Бреннан пытался сопротивляться. Но не смог даже отвлечь внимание Постороннего. И теперь, ослабев, он просто терпел и ждал.

Осмотр закончился неожиданно. Чужак, состоящий, казалось бы, из одних узлов, прыгнул

через всю кабину, быстро наклонился над ящиком, стоящим у стены, и у него в руках оказался сложенный прямоугольник из прозрачного пластика. Бреннан подумал было о бегстве, но его скафандр был разорван в клочья. Чужак рывком развернул пластиковый пакет, пробежался пальцами вдоль края. Мешок, щелкнув, раскрылся, словно он был на «молнии».

Посторонний прыгнул к Бреннану, и Бреннан отшатнулся в сторону. Этим он выиграл несколько секунд относительной свободы. Потом стальные, узловатые пальцы приблизились к нему, схватили и запихали в мешок.

Бреннан понял, что изнутри открыть мешок ему не удастся.

— Я ж задохнусь, — завопил он. Чужак не обратил на это никакого внимания. Он снова облачился в свой скафандр.

— Н-е-е-е-т! — Бреннан силился разорвать мешок.

Чужак схватил его под руку и протиснулся сквозь иллюминатор. Бреннан почувствовал, как раздулся облегающий его материал, как разреженный воздух сделался еще более разреженным. Ушей его коснулись ледяные иглы. Он тотчас же отказался от всех попыток сопротивления. Он

ждал — с фанатизмом отчаяния, а чужак волок его сквозь вакуум, огибая похожий на глазное яблоко отсек, туда, где повисшая на дюймовой толщине каната виднелась хвостовая секция.

В Зоне мало крупных грузовых кораблей.

Большая часть шахтеров предпочитают сами перевозить добытую ими руду. Суда, доставляющие партии грузов с астероида на астероид, тоже невелики. Просто они снабжены огромным количеством вспомогательных приспособлений. Полезный груз крепится к оснастке и такелажу, помещается в сети и на почти невесомые решетки. Хрупкие предметы обволакиваются слоем пенопластика, а для защиты от пламени двигателя ниже груза помещается экран из блестящей фольги. К тому же, стартуют такие корабли на малых мощностях.

«Голубой Бык» был исключением из правил, поскольку предназначался для перевозки жидких и сыпучих грузов. Ими могли быть ртуть и вода, зерно, семена, растворы, олово, добытое из озер на дневной стороне Меркурия, смертельно опасные химические соединения из атмосферы Юпитера. Такие грузы далеко не всегда удобны для транспортировки. Поэтому «Бык» представлял собой огромную цистерну с крохотной трехместной ка-

биной и трубой реактивного двигателя, идущей вдоль главной оси. Но, поскольку груз иногда состоял из громоздких предметов, цистерна была снабжена захватами и большим люком.

Эйнар Нильсон стоял на краю трюма и глядел вниз. Он был семи футов ростом и слишком тяжел для зонника. И его лишний вес был очевиден для кого угодно, поскольку жир образовал внушительное брюхо и выпирающий валик второго подбородка. Да и весь он был этаким округлым, лишенным острых углов. Одноместное судно он водил с незапамятных времен. Но высокая гравитация ему не нравилась.

Эмблема на его скафандре изображала корабль викингов с оскаленным драконом на бушприте, наполовину погрузившийся в молочно-светлый водоворот спиральной галактики.

Маленькое устаревшее судно самого Нильсона стало спасательной шлюпкой для «Быка». Короткая, обгоревшая на конце труба ее реактивного двигателя протянулась почти через весь трюм. Там же расположился компьютер «Оджибвей — 4 — 4», почти новый. А также различные приспособления, предназначенные для обследования мозга этого устройства, динамиков, радара и радио, записывающих механизмов и

монохроматических ламп. Всякого прочего высокочастотного оборудования. Каждый прибор был по-своему прикреплен к внутренним стенкам одним из полудюжины различных способов.

Нильсон удовлетворенно качнул под шлемом зачесанным короной, поседевшим белокурым чубом обитателя Зоны.

— Продолжай, Нат.

Натан Ля-Пэн принялся закачивать жидкость внутрь цистерны. Через тридцать секунд весь ее объем был заполнен пеной, которая уже начала застывать.

— Закрывай.

Пена, должно быть, заскрипела, когда массивная крышка пошла вниз. Но до них не доносилось ни звука. Порт Патрокл находился в вакууме, открываясь прямо в черное небо.

— Сколько у нас еще времени, Нат?

— Минут двадцать, чтобы выйти на правильный курс, — ответил юноша.

— О'кей. Поднимайся на борт. Вы тоже, Тина.

— Сделано. — И голос отключился. Натан был молод, но уже научился не тратить лишних слов при переговорах. Эйнар взял его с собой по просьбе старого друга, отца Натана.

Программистка компьютера опять оказалась

не там где надо. Эйнар увидел, как ее тоненькая фигурка по дуге пролетела к воздушному шлюзу «Быка». Неплохой прыжок. Может быть, слишком хороший для его мышц.

Тина Джордан была плоскостницей-эмигранткой. Тридцать четыре года, вполне достаточный возраст, чтобы отдавать отчет в том, что она делает. И она любила корабли. Может быть, у нее окажется достаточно здравого смысла, чтобы не возвращаться домой. Но она никогда не летала на одноместных кораблях. Эйнар не очень-то доверял людям, которые сами себе не доверяли и потому не летали в одиночку.

Но с этим ничего не поделаешь; никто другой на базе «Патрокл» не смог бы управляться с «Оджибвеем — 4 — 4».

Чтобы выйти на след чужого корабля, «Быку» предстояло уйти в сторону, а потом по внутренней кривой направиться к Солнцу. Эйнар вгляделся в усеянную блестками черноту. Тусклые, редкие пятна в троянских точках не мешали его зрению. Он не надеялся, что сможет увидеть Постороннего, и это ему в самом деле не удалось. Но он был там и несся к точке, где его траектория пересечется с траекторией «Быка».

Три шарика на одной линии, четвертый завис

рядом. Ник неотрывно всматривался в экран, морщинки возле его сощурившихся глаз напоминали паутину. Если это произойдет, то произойдет сейчас.

Обычно Первого Председателя беспокоили другие вопросы. Переговоры с Землей относительно объединения имеющихся автоматов таранного типа. Распределение их грузов среди четырех межзвездных колоний. Вопросы торговли меркурианским оловом. Проблемы выдачи преступников. Сейчас он вроде бы слишком много времени тратил понапрасну... Но что-то подсказывало ему, что происходящее является наиболее важным событием во всей истории человечества.

Из динамика раздался дребезжащий голос Каттера:

— Ник? «Голубой Бык»к старту готов.

— Прекрасно, — отозвался Ник.

— О'кей. Но, должен заметить, — они безоружны.

— У них есть ядерный двигатель, верно? И вдобавок к нему мощные позиционные двигатели. Если им требуется что-либо посерьезнее, значит, мы добиваемся войны.

Он сидел задумавшись. Прав он или нет? Да-

же водородная бомба — не столь эффективное оружие, как ядерный двигатель с его громадной разрушительной мощью. К тому же, водородная бомба — оружие, которое невозможно утаить. Оскорбление для миролюбиво настроенного Постороннего. К тому же…

Ник вернулся к досье Бреннана. Оно было тоненьким. Жители Зоны не терпели бы правительства, которое собирало бы о них сведения более необходимого минимума.

Джон Фитцджеральд Бреннан выглядел типичным зонником. Сорок пять лет. Две дочери — Эстелла и Дженнифер. Постоянная подруга — Шарлотта Лэй Виггз, профессиональный механик, специалистка по ремонту сельскохозяйственных машин в Конфайнементе. Бреннан располагал некоторым капиталом, хотя дважды расставался с ним, выделяя долю своим детям. По вине золотомундирников его дважды лишали груза радиоактивной руды. Один случай был типичным. Над контрабандистами-глупцами жители Зоны посмеиваются, но тот, кто не попадался ни разу, может быть заподозрен, что он даже не пытался. Мужества не хватило.

Эмблема скафандра: «Мадонна порта Ллигат». Ник нахмурился. Иногда шахтеры теряли чув-

ство реальности. Но Бреннан был жив и здоров, доходы его считались вполне приличными, и он никогда ни в какие истории не впутывался.

Двадцать лет назад он работал в бригаде, добывающей жидкое топливо на Меркурии. Меркурий был богат ценными цветными металлами. Но магнитные поля Солнца обуславливали использование специальных кораблей. Солнечный ветер мог поднять металлическое судно и отбросить его на много миль. Бреннан считался полноправным членом бригады и зарабатывал хорошие деньги, но через девять месяцев он ушел и никогда больше в бригаду не возвращался. По-видимому, ему не нравилось работать с другими.

Почему он позволил Постороннему захватить себя?

Черт побери, но он, Ник, сделал бы то же самое. Посторонний явился сюда в Систему. Кто-нибудь обязательно должен был с ним повстречаться. Бегство было бы признанием того, что Бреннан не способен управлять событиями. Мысль о семье не смогла бы его остановить. Они были обитателями Зоны. Следовательно — способны сами о себе позаботиться.

Но лучше бы он удрал — подумал Ник. Пальцы его выбивали нервный ритм по крышке стола.

Бреннану было так одиноко в этом тесном пространстве.

Путешествие казалось кошмаром. Балансируя пузырем с заключенным внутри Бреннаном, Посторонний прыгнул прямо в космос, стреляя из реактивного пистолета. Опустились они через двадцать минут. Пока они достигали хвостового отсека, Бреннан чуть было не задохнулся. В памяти его осталось, как чужак прикасался к обшивке отсека каким-то плоским предметом, а затем протащил и себя, и Бреннана сквозь упругую поверхность, которая внешне выглядела как металлическая. Чужак расстегнул пузырь и, пока Бреннан беспомощно барахтался в воздухе, повернулся и прыгнул. Он исчез, пройдя сквозь стену.

Воздух здесь напоминал воздух в кабине, но странный запах ощущался гораздо сильнее. Бреннан дышал полной грудью. Чужак оставил мешок в отсеке. Сейчас мешок плыл к нему, словно полупрозрачный призрак, одновременно угрожающий и не страшный. Бреннан громко расхохотался, но смех его напоминал рыдание.

Он решил осмотреться.

Освещение было более зеленым, чем привычный свет солнечных трубок. Отсек, в котором он

плавал, был размером с кабину его собственного корабля. Никакого оборудования в нем не было. Справа от Бреннана стояло несколько прямоугольных ящиков, материал, из которого они были изготовлены, напоминал дерево. Слева от него возвышался массивный прямоугольный предмет с крышкой, очень похожий на большой холодильник. Над ним и вокруг него шла изогнутая стена.

Значит, он был прав. Этот отсек — грузовой. Но половина этого отсека, имеющего форму капли, была отгорожена.

Воздух был пропитан странным запахом, что-то вроде незнакомых духов. Запах в отсеке жизнеобеспечения был запахом зверя, запахом Постороннего. Здесь пахло иначе.

Под ним, в грубо сплетенной сетке, громоздились предметы, внешне напоминающие какие-то желтые корни. Бреннан видел, что они занимали большую часть помещения. Бреннан подплыл к ним и протянул руку к сети, чтобы рассмотреть их повнимательнее.

Запах резко усилился. Бреннан никогда не ощущал, даже вообразить себе не мог запаха такой интенсивности.

Да. Они в самом деле были похожи на бледно-

желтые корни. Нечто среднее между сладким картофелем и лишенными коры корнями деревьев. Они были плотными, широкими, волокнистыми, заостренными с одного конца и плоскими с другого. Бреннан просунул руку в сеть, подцепил двумя пальцами один из них и попытался вытянуть его сквозь ячейку. Ничего не получилось.

Он завтракал как раз перед тем, как повстречался с Посторонним. Но в животе у него неожиданно забурлило, он почувствовал зверский голод. Бреннан оскалился. Вновь сунул руку в ячейку сетки и попытался достать корень. Но ячейки были слишком малы. В ярости он начал рвать сеть. Сеть оказалась прочнее, нежели человеческая плоть. Ему не удалось разорвать ее, хотя он пустил в ход ногти. Он закричал в гневе. Этот крик привел его в чувство.

Предположим, он вытащит корень. И что дальше?

Он его съест. Рот Бреннана наполнился слюной.

Корень может его убить. Чужое растение из чужого мира. Растение, используемое, вероятнее всего, в качестве пищи чужой расой. Ему бы следовало думать о том, как отсюда выбраться.

Но его пальцы продолжали рвать сеть. Брен-

нан заставил себя опомниться. Он «голодный». Ошметки его скафандра остались в кабине Постороннего, и вместе с ними — шлем с водяными и пищевыми шлангами. Найдется ли здесь вода? Может ли он без опасений ее пить? Догадывается ли Посторонний, что ему необходим продукт окисления водорода?

Как он сможет добывать себе пищу?

Он должен отсюда выбраться.

Пластиковый мешок. Он так и плавал в воздухе. Бреннан выловил его, обследовал. Выяснилось, как мешок застегивается и расстегивается — снаружи. Превосходно. Подождите-ка, он же может вывернуть его наизнанку и застегнуть изнутри. А что дальше?

Он не сможет двигаться, сидя в пластиковом пузыре. Это просто невозможно. И даже будь у него скафандр, прыжок в восемь миль без ранцевого двигателя крайне рискован. И, в любом случае, как ему пройти сквозь стену?

Он должен чем-то набить свой желудок.

Та-ак. Почему содержимое этого отсека настолько ценно? Что в нем такого, что оно более ценно, чем жизнь пилота, который должен доставить его по назначению?

Надо еще раз осмотреть, что здесь находится.

Прямоугольный контейнер был изготовлен из какого-то блестящего, холодного материала. Бреннан без труда нашел рукоятку, но не смог даже пошевельнуть ее. Запах корней разбудил его голод, и он дернул ручку изо всех сил, которые придали ему ярость. Ручка издала резкий, дребезжащий звук. Она была рассчитана на силу Постороннего.

Контейнер был заполнен семенами, напоминающими миндаль, вмороженными в какую-то массу, очень холодными. Он пальцами выковырял одно из них. Когда он закрыл крышку, воздух в отсеке приобрел цвет сигаретного дыма.

Бреннан положил семя в рот, пытаясь слюной согреть его. Семя оказалось совершенно безвкусным. И очень холодным. Бреннан выплюнул его.

Итак. Зеленое освещение в воздухе, насквозь пропитанном странным запахом. Но воздух не слишком разрежен и не слишком инороден. А свет спокойный и не вызывает раздражения.

Если Бреннану подходят условия, в которых живет Посторонний, то Постороннему подойдут условия Земли. К тому же, он привез с собой семена для посева. Семена, корни и… Что еще?

Бреннан подошел к ящикам. Но всей силы его спины и ног не хватило на то, чтобы отодвинуть

хотя бы один ящик от стены. Они закреплены намертво? Весьма неохотно, с визжащим звуком крышка приподнялась, Бреннан с довольным видом налег на нее. Деревянная крышка отскочила. Бреннан не отказался бы узнать, из какого дерева она была сделана.

Внутри находился запечатанный пластиковый мешок. Пластиковый? Материал на вид и на ощупь был похож на многочисленные обертки, применяющиеся в торговле, только сморщившиеся от старости. Содержимое мешка напоминало плотно спрессованный мелкий порошок. Сквозь пластик он отливал темным.

Бреннан плавал возле ящика, одной рукой придерживая оторванную крышку. Хотел бы он знать…

Разумеется, автопилот. Посторонний только дублировал работу автопилота. И не имело значения, что с ним станется, он был всего лишь прибором, гарантирующим дополнительную безопасность груза. Этот автопилот вел груз семян к месту назначения.

К Земле? Но тогда груз подразумевает наличие других Посторонних.

Он должен предупредить Землю.

Правильно. Но надо хорошенько подумать.

Как?

Бреннан рассмеялся про себя. Был ли хоть один человек, попавший в такую основательную ловушку? Посторонний взял его в плен. Он, Бреннан, зонник, свободный человек, позволил превратить себя в чью-то собственность. Его смех сменился отчаянием.

Отчаяние было ошибкой. Запах, испускаемый корнями, только и ждал, чтобы наброситься на него.

…Боль привела его в себя. По рукам из порезов и ссадин текла кровь. Волдыри, синяки, растянутые сухожилья. Мизинец на левой руке крутило от боли. Он торчал под неестественным углом и распухал на глазах. Вывих или перелом? Но сеть была прорвана, и правая рука Бреннана вцепилась в волокнистый корень.

Он изо всех сил отшвырнул добычу, резко отвернулся и скорчился, обхватив себя за колени, словно это могло смягчить боль. Ярость и ужас охватили его. Каким образом этот проклятый запах мог влиять на него до такой степени, что он вел себя словно игрушечный робот?

Бреннан, обняв себя за колени, плавал по грузовому отсеку, как футбольный мяч, и кричал. Он был голоден и зол, он ощущал себя невероятно

униженным и напуганным. Посторонний поразил его своей невзрачностью. Тем ему хуже.

И все-таки, что посторонний намеревается с ним делать?

Что-то шлепнуло его по спине. Одним скользящим движением Бреннан схватил корень и отбросил его прочь. Но корень, срикошетировав, вернулся обратно. Жесткий и волокнистый, он оказался во рту Бреннана. Вкус его невозможно было описать, но он был вкусным.

В последний момент Бреннан вдруг с необычной ясностью понял, что теперь он скоро умрет. Но это его не слишком обеспокоило. Он откусил снова и проглотил.

Физпок с упрямой настойчивостью выстраивал цепочку ответов. Но каждый ответ вызывал еще большее количество вопросов. Пленный туземец пах скверно. Это был чужой звериный запах. Туземец не мог относиться к тем, кого разыскивал Физпок. Но, в таком случае, где же они?

Здесь их нет. Туземцы Цели Путешествия *N1 — 3*, если судить по имеющемуся экземпляру, не способны оказать колонистам сопротивление. Но защитники все равно истребят их, просто в качестве предосторожности. Нужно искать какую-то другую звезду. Какую?

Возможно, туземцы обладают достаточными астрономическими познаниями, чтобы подсказать ему это. С такими кораблями они, вполне может быть, добрались до ближайших звезд.

В поисках ответа на возникающие вопросы Физпок отправился к судну туземца. Прыжок занял около часа, но Физпок не торопился. Его отточенные рефлексы позволяли обходиться даже без реактивного пистолета.

Пленник, должно быть, еще жив. Неожиданно Физпоку захотелось выучить его язык и как следует порасспросить. Во всяком случае, это не причинило бы никакого вреда. Пленник был слишком слаб и слишком напуган. Ростом он был крупнее производителя, но физически слабее.

Корабль туземца был невелик. Физпок обнаружил лишь тесную кабину, длинную трубу ядерного реактивного двигателя, кольцеобразную длинную цистерну с жидким водородом и остывший реактор. Тороидальная цистерна была разделена на несколько секций, расположенных вдоль длинной и узкой трубы двигателя. По краям цилиндрической кабины шли грузовой отсек, подъемные краны, свернутые мелкоячеистые сети и крюки, втянутые в корпус.

На нескольких крюках был подвешен цилиндр

из легкого металла, на котором виднелись следы эрозии. Физпок обследовал его, но затем оставил в покое, так и не поняв его назначения. Очевидно, цилиндр был не нужен для работы судна.

Никакого оружия Физпок не нашел.

На корпусе двигателя он отыскал щит управления. Будь у него материалы, он за час мог бы установить на это место кристаллоцинковую трубу от своего реактивного двигателя. Это произвело на него впечатление. То ли туземцам просто везло, то ли они были более умны, чем он предполагал.

Сквозь овальный люк он забрался в кабину.

В кабине находилось противоперегрузочное кресло, расположенное полукругом, перед ним приборы, автоматическая кухня, вычислительное устройство того класса, какой применяли Пак в войне друг против друга. Позади кресла оставалось свободное место, достаточно много, чтобы там можно было расхаживать. Корабль не был военным. Компьютер — меньшей мощности, чем те, что имелись у Пак. За кабиной помещались аппаратура и емкости с жидкостью, обследованные Физпоком с большим интересом. Если эта аппаратура сконструирована хорошо, значит, цель путешествия *N1 — 3 обитаема*. Это

становилось несомненным. Разве что несколько большая сила тяжести. Но для тех, кому предстоит провести в путешествии 500000 лет, это препятствие может оказаться непреодолимым.

Если они доберутся сюда, им придется здесь и остаться.

Это делило поиски Физпока на две половины. Если смотреть отсюда, его цель лежит в направлении ядра Галактики. Они просто не могли продвинуться дальше.

Система жизнеобеспечения судна туземца весьма озадачила Физпока. Он обнаружил устройства, которые просто не мог понять, и которые никогда не смог бы понять.

Кухня, к примеру. Вес — крайне важный фактор в космосе. Наверняка туземцы могли бы запасаться пищей для полета, весящей немного, синтетической, в случае необходимости способной сохраняться неопределенно долгое время. Экономия мощности и горючего, расходуемого в чудовищно больших количествах, если судить по числу кораблей, которые он видел. Вместо этого они предпочитали брать с собой расфасованные продукты питания и сложные устройства для приготовления их. Для предохранения от порчи они использовали охлаждение, нет чтобы приме-

нять пищу в порошкообразном виде. Почему?

Или же картины. Физпок понимал, что такое фотография, понимал, зачем нужны графики и карты. Но три произведения искусства на задней стене не были ни тем, ни другим. Это были наброски, сделанные углем. На одном была изображена голова туземца, похожего на пленника, но с длинными волосами и странной окраской вокруг глаз и рта. На других, очевидно, были запечатлены более молодые экземпляры этой, несколько напоминающей Пак, расы. Зачем повешены эти картинки?

При иных обстоятельствах рисунок на скафандре Бреннана мог бы послужить ключом к разгадке.

Физпок видел этот рисунок и частично понял его. Членам группы, находящейся в космосе, полезно помечать свои скафандры яркими красками. Благодаря этому они могут различать друг друга на большом расстоянии. Рисунок туземца показался Физпоку излишне сложным, но не настолько, чтобы вызвать недоумение.

Просто произведений искусства, в качестве предмета роскоши, для Физпока не существовало.

Роскошь? Пак-производитель мог ценить

роскошь, но был слишком глуп, чтобы воспользоваться ею для себя. А у защитников не было побудительных стимулов к этому. Все желания защитника были неразрывно связаны с защитой своего рода.

Искусство? С самого начала истории Пак у них существовали рисунки и карты. Они находили применение в военном деле. В любом случае, различить своих близких по каким-либо внешним признакам невозможно. Только по запаху.

Воспроизводить их запах?

Физпок мог бы задуматься над этой проблемой, выгляди рисунок Бреннана несколько иначе. Выражай он какое-либо понятие. Например, способ, позволяющий защитнику оставаться живым и работоспособным после гибели его рода. Такое могло бы изменить всю историю Пак. Если только Физпок вообще смог бы дойти до понимания искусства…

Но что он мог понять из рисунка на скафандре Бреннана?

На груди скафандра была изображена светящимися красками копия картины Сальвадора Дали, «Мадонна порта Ллигат», горы над нежно-голубым морем. Горы, не подвластные силам тяготения. Их срезанные основания были ров-

ными и гладкими. И еще — сверхъестественно прекрасная женщина и младенец, окна — в их телах. Для Физпока это ровным счетом ничего не значило.

Одно он понял сразу же.

Он был очень осторожен с пультом управления. Он не хотел повредить что-нибудь до того, как поймет, каким образом астрономические данные проходят через компьютер. Прибор, предупреждающий о возникновении солнечного шторма. Физпок обнаружил, что прибор на удивление мал. Недоумевая, он продолжил свое обследование. Прибор был основан на использовании монополей.

Одним прыжком, словно кенгуру, Физпок перемахнул через межпланетное пространство. Он израсходовал на него половину запаса газа в своем реактивном пистолете. Потом — пятнадцать минут свободного падения.

Прыжок был нацелен на грузовой отсек. Необходимо привязать туземца, чтобы ускорение ему не повредило. Даже поверхностный осмотр корабля аборигенов сократил зону его поисков наполовину. А теперь он вынужден покинуть его. Вполне может быть, что туземцы обладают еще более ценными знаниями. И все же Физпок очень

жалел, что вынужден беспокоиться о жизни своего пленника. Поскольку любая потеря времени может подвести конец и его жизни, и его цели.

Туземцы используют монополи. Значит, они уже обнаружили его. Физпок взял в плен туземца — враждебный акт. А кроме того, на борту корабля Физпока монополей было больше, чем их можно отыскать по всей Солнечной Системе.

Вероятно, они его уже преследуют.

Но в ближайшее время туземцы не смогут захватить его. Их двигатели должны быть более мощные. Сила тяжести на Цели Путешествия *N1 — 3 составляет около 1*,09 от привычной ему. Но они не могут пользоваться таранно-черпающими полями. Их крупные корабли израсходуют горючее раньше, чем его догонят… Если он стартует вовремя.

Он затормозил, приблизившись к грузовому отсеку, и с помощью размягчителя проник сквозь корпус. Не глядя, он протянул руку к рычагу — он знал, где рычаг должен находиться, — глаза его искали туземца.

Он не нашел рычага. Он плыл по отсеку, и мышцы его слабели и размякали.

Туземец сумел разорвать сеть и теперь слабо копошился среди корней. Живот его выпирал

тяжелым раздувающимся пузырем. А глаза были бессмысленными.

Физпок, полный изумления и ярости, размышлял:

— Что же делать, если так все изменилось? Хватит об этом, я начинаю думать как производитель. Если бы я вовремя успел… — Физпок дотянулся до рычага, оттолкнулся и оказался рядом с Бреннаном. Бреннан лежал, обмякнув, глаза его были закрыты, виднелась лишь белая полоска из-под век. Рука его сжимала недоеденный корень. Физпок, поворачивая, обследовал его.

Все в порядке.

Физпок выбрался сквозь обшивку наружу. Неподалеку от меньшего конца яйцевидной секции он вновь проник внутрь и оказался в закутке, достаточно большом, чтобы вместить его.

Теперь ему следует отыскать укромное местечко.

Не могло быть и речи о том, чтобы теперь покинуть звездную систему. Свой корабль придется бросить. Пусть туземцы преследуют груз монополей, хранящийся в опустевшей двигательной секции.

Дело обстояло так, словно ему необходимо было спрятать своих детей, не имея для этого

достаточных средств. И все может повернуться еще более скверно. Оборудование грузового отсека было предназначено лишь для вывода на околопланетную орбиту. Но установленный в отсеке двигатель, гравитационный поляризатор, может доставить Физпока куда угодно в пределах системы цели путешествия *N1*. При том условии, что он все сделает правильно. И учитывая то, что посадку он сможет осуществить только однажды. Гравитационному поляризатору, используемому в качестве двигателя, присущи все достоинства и недостатки космического планера. Физпок может направляться куда угодно, даже если набранная скорость окажется для него смертельной, но направляться он должен обязательно вниз. Преодолеть силу тяжести и поднять отсек поляризатор не сможет.

В сравнении с приборами управления ядерным двигателем окружающие его сейчас устройства были значительно сложнее. Физпок опробовал их. Из щели на малом конце яйца вырвался язык пламени. Корпус отсека сделался прозрачным. И слегка пористым, лет через сто в нем вполне бы могла образоваться опасная утечка воздуха. Глаза Физпока, так похожие на человеческие, остекленели. Следующее усилие потребовало от

него максимальной затраты сил. Он не решился привязать пленника или каким-либо другим образом ограничить его свободу. Поэтому теперь ему приходилось выдерживать точнейшую балансировку между гравитационными полями внутри и снаружи корабля. При таких ускорениях корпус, увлекаемый поляризованным полем, может разрушиться.

На заднем экране дрейфовали остатки его корабля. Физпок слегка шевельнул узловатым пальцем — и они исчезли.

Куда теперь?

Скрываться предстоит неделями, а учитывая уровень технологии туземцев, он не может спрятаться на цели путешествия *N1 — 3*.

Но и в открытом космосе укрыться ему тоже не удастся.

Приземлиться он сможет только один раз. Там, где он опуститься, ему придется остаться. Если только не удастся соорудить какое-либо устройство для подъема корабля или передачи сигналов.

Физпок принялся обследовать небо в поисках подходящей планеты. Зрение у него было хорошее, планеты казались легко различимыми, большими и тусклыми пятнами. Он мог бы легко

спрятаться в кольцах гигантской планеты, окутанной атмосферой, но она осталась уже далеко позади. Другой состоящий из газа гигант, окруженный спутниками, виднелся впереди, но и до него было слишком далеко. Физпоку потребовались бы дни, а гнались за ним, должно быть, уже сейчас. Не имея телескопа, он не сможет их увидеть. А когда увидит, будет слишком поздно.

Вот она. Он успел изучить ее еще тогда, когда мог пользоваться телескопом. Маленькая, со слабой гравитацией и следами атмосферы. Вокруг нее вращались астероиды, а атмосфера все же была слишком плотной, чтобы допустить вакуумную цементацию. Атмосфера. Не безвоздушное пространство. Это хорошо, это означает, что там должны найтись глубокие впадины, заполненные пылью.

Ему следовало бы заранее изучить ее как следует. Может быть, там существует горнодобывающая промышленность. Может, имеются какие-либо колонии. Слишком поздно. У него не осталось выбора. Он лишен возможности выбирать, так как у него нет времени. Эта планета не станет его целью. Он понадеялся, что когда придет время покидать ее, туземец сможет подать сигнал своему племени. Хотя подобная идея не

очень-то нравилась Физпоку.

2

Робот представлял собой ровный четырехфутовый цилиндр, спокойно парящий в углу читального зала Клуба Струльдбругов. Выкрашенный в неяркие коричневые тона двух оттенков, он сливался с цветом стен и потому был почти незаметен. Внешне робот казался неподвижным. Но в его поблескивающем основании, повисшем в двух дюймах от пола, в негромко жужжащем, словно вентилятор, в безликом куполе, заменяющем ему голову, бесконечно вращались сканирующие устройства, держащие под наблюдением все углы помещения.

Не сводя глаз с экрана, Лукас Гарнер потянулся за стаканом. Он без труда нашарил его кончиками пальцев, поднял и попытался отпить. Стакан был пуст. Гарнер поднял его еще выше, помахал в воздухе и, по-прежнему не глядя, потребовал:

— Ирландский виски.

Робот уже порхал возле его локтя. Но не сделал и движения, чтобы взять стакан из двухслойного стекла. Вместо этого он издал мягкий звон. Гарнер нахмурился и, наконец, поднял глаза. На груди робота переливались строчки печатного текста:

«Очень сожалею, мистер Гарнер. Вы уже пре-

высили максимальную ежедневную норму потребления алкоголя».

— Отменяется, — бросил Люк. С этим разве поспоришь? — Пошел вон.

Робот удалился в свой угол. Люк вздохнул — в какой-то мере он и сам виноват — и вновь углубился в чтение. На ленте был записан последний выпуск медицинского вестника «Процессы старения человека».

В прошлом году он проголосовал вместе со всеми за то, чтобы автоматический дозиметр клуба был заменен обслуживающими роботами. И не станет теперь жалеть об этом. По законам клуба ни одному Струльдбругу не могло быть меньше ста пятидесяти четырех лет от роду. И каждые два года возрастной ценз увеличивался на год. Так что необходим постоянный и жесточайший медицинский контроль.

Люк сам по себе являлся первоклассным примером всему этому. Он готовился встретить — без особого энтузиазма — свой сто восемьдесят четвертый день рождения. Вот уже двадцать лет ему приходилось перемещаться с помощью инвалидного кресла. Ходить сам Люк уже не мог. И вовсе не потому, что что-либо случилось с его позвоночником. Просто нервы спинного мозга

погибли от старости. Ткани центральной нервной системы отмирают и не восстанавливаются. Дисгармония между тонкими, отвыкшими от работы ногами с одной стороны и массивными руками с широкими запястьями — с другой, делали его немного похожим на обезьяну. Люк об этом знал, и, пожалуй, ему это нравилось.

Он был полностью углублен в скорочтение своей ленты, когда ему вновь помешали. Неясный шепот, еле слышное бормотание голосов заполнили читальный зал. Люк раздраженно обернулся. Некто, явно не Струльдбруг, приближался к нему нарочито крупными шагами. Человек был тощим и длинным, словно до этого несколько лет провисел на дыбе. Тело его было смуглым, а кисти рук и лицо с тяжелыми чертами — черны, как беззвездная ночь. Черны, как космическое пространство. Его волосы были зачесаны на манер хохолка какаду. Снежно белые, они полоской дюймовой ширины спускались по затылку от макушки к шее. В клуб Струльдбругов вторгся обитатель Зоны. Ничего удивительного, что вокруг шепчутся!

Незнакомец остановился возле кресла Люка.

— Лукас Гарнер?

Голос и манеры зонника были степенными и

церемонными.

— Верно, — отозвался Люк.

Мужчина понизил голос:

— Я Николас Соул. Первый Председатель Политической Секции Зоны. Найдется ли здесь какое-нибудь местечко, где мы могли бы побеседовать?

— Пойдемте, — сказал Люк. Он коснулся рычажка, кресло приподнялось и на воздушной подушке заскользило к выходу.

Они расположились в нише главного зала.

— Ваше появление здесь вызвало немалый переполох, — сказал Люк.

— Вот как? Почему же? — Первый Председатель развалился в массирующем кресле, и крошечные механизмы начали работать над его телом, словно пытались придать ему новую форму. Говорил он быстро, в его голосе слышался всем знакомый акцент обитателя Зоны.

Люк не понял, была ли это шутка.

— По одной простой причине. Давным-давно почти никто из вас нигде не появляется.

— Вот и швейцар того же мнения. Видели бы вы, как он на меня вытаращился.

— Представляю.

— Вы знаете, что привело меня на землю?

— Да. В системе появился чужак.

— Я полагал, что это держится в секрете.

— Я служил в Вооруженных Силах и в Объединенной Национальной Полиции. И демобилизовался два года назад. У меня еще сохранились контакты.

— Так вот на что намекал мне Светляк Шеффер. — Ник открыл глаза. — Простите, если я кажусь вам невежливым. Я могу переносить вашу дурацкую гравитацию, лежа в противоперегрузочном кресле. Но стоять или ходить мне бы не хотелось.

— В таком случае расслабьтесь.

— Благодарю. Гарнер, похоже никто в ООН не понимает, насколько это серьезно. В системе находится чужак. Он уже совершил вражеский акт: похитил жителя Зоны. Он покинул свой корабль, и мы оба только можем догадываться, что это означает.

— Он намерен остаться. Вы это хотите мне сказать, не так ли?

— Совершенно верно. Вы уже знаете, что корабль Постороннего состоит из трех отдельных секций?

— Мне кажется, это многовато.

— Хвостовая секция — это капсула, предназна-

ченная для входа в плотные слои атмосферы. Через два с половиной часа после того как Посторонний и Бреннан вступили в контакт, хвостовая секция исчезла.

— Телепортация?

— Нет, благодарение Финейглу. У нас есть фотография, на которой видна расплывчатая полоса. Ускорение было огромным.

— Понимаю. Почему вы обратились к нам?

— Как? Гарнер, это дело касается всего человечества!

— Мне не нравится эта игра, Ник. Посторонний стал делом всего человечества в ту же секунду, как только вы обнаружили его. Но вы не обращались к нам до тех пор, пока он не исчез. С чего бы так? Или вы полагаете, что чужак станет лучше думать о человечестве, если первыми с ним повстречаются зонники?

— Мне нечего вам ответить.

— Тогда зачем же вы обратились к нам? Если Постороннего не могут обнаружить телескопы Зоны, то и никто не сможет.

Ник быстро повернулся в кресле и уселся, прямо изучая старика. Лицо Гарнера было ликом времени, маской, за которой таилось древнее зло. Лишь глаза и зубы казались молодыми. Зубы

были белыми и острыми. На этом лице они воспринимались как нечто неуместное.

Но говорил старик словно зонник — напрямую. Он не тратил лишних слов и не заботился о соблюдении приличий.

— Светляк сказал, что вы — способный человек. Мы обязаны разыскать его. Вот и вся проблема, Гарнер.

— А я проблемы все еще не вижу.

— Под конец своего полета Посторонний прошел через ловушку для контрабандистов. Мы ведем наблюдение за пташками, что взяли моду проходить через районы активного движения с выключенным двигателем. Чужака засек термоиндикатор. Камера следила за ним достаточно долго, чтобы определить скорость, ускорение и прочие параметры. Ускорение было огромным — в десятки «же». И почти наверняка цель его — Марс.

— Марс?

— Марс. Или — орбита Марса. Или его спутники. Если бы он остался на орбите, мы бы его уже отыскали. То же самое со спутниками: на обоих имеются стационарные обсерватории. Учитывая, что они принадлежат ООН…

Люк расхохотался. Ник, выражая страдание

всем своим видом, прикрыл глаза.

Марс считался никому не нужным хламом. В Системе и на самом деле существовало мало пригодных для использования планет. Земля, Меркурий и атмосфера Юпитера исчерпывала список. Более важными считались астероиды. А Марс демонстрировал полную свою бесполезность. Почти лишенная воздуха пустыня, усеянная кратерами и морями, заполненными тончайшей пылью. Атмосфера, слишком разреженная, чтобы ее можно было считать ядовитой. Где-то в Лазис Солис сохранилась покинутая база, память о третьей и последней попытке колонизировать ржавую планету. Никто не пожелал жить на Марсе.

После того, как была подписана Хартия Независимости Зоны, после того, как были испробованы эмбарго и пропаганда, утверждающая, что Земля больше нуждается в Зоне, чем Зона в Земле, в ООН остались Луна, Титан, кольца Сатурна, права на шахтные и исследовательские станции на Меркурии, Марс и его спутники.

Марс никому не был нужен. До сих пор Марс просто не принимался в расчет.

— Вы понимаете, в чем проблема, — сказал Ник. Он вновь включил массирующее устрой-

ство. Из-за непривычного притяжения Земли мелкие мышцы его тела громко заявили о своем существовании, а такое в жизни Ника случалось впервые. Массаж помогал.

Люк кивнул.

— Учитывая, что Зона постоянно требует, чтобы мы не смели касаться ее имущества, вы не можете порицать ООН за то, что мы несколько раздражены. У нас наберется пара сотен поводов для недовольства.

— Вы преувеличиваете. От момента подписания Хартии Независимости Зоны мы зарегистрировали около шестидесяти нарушений. Большая их часть незначительна, и мы сполна рассчитались за них с ООН.

— И что, по вашему мнению, должна делать ООН из того, чем она не занималась раньше?

— Мы хотим получить доступ к записям, которые делала Земля при изучении Марса. Черт побери, Гарнер, может быть, камеры на Фобосе уже зарегистрировали место посадки Постороннего, мы хотим получить разрешение на исследование Марса с низкой орбиты. И разрешение на посадку.

— А чем вы располагаете в настоящее время?

Ник фыркнул:

— Они дают согласие на два варианта. Мы вольны исследовать все, что мы пожелаем — из космоса. А чтобы получить доступ к их дурацким записям, мы, по их мнению, должны заплатить всего-навсего миллион кредиток!

— Заплатите.

— Сущий грабеж.

— И это говорит зонник? Почему вы не проводили наблюдений за Марсом?

— Мы им никогда не интересовались. Чего ради?

— Потому что это — отвлеченные знания.

— Иными словами — бесполезные.

— Тогда почему же отвлеченные знания вдруг стали оцениваться в миллион кредиток?

Ник медленно выдавил усмешку:

— Все равно это грабеж. Откуда, во имя Финейгла, Земля могла знать, что информация о Марсе понадобится?

— Вот в этом и заключается секрет отвлеченного знания. Человек приобретает привычку исследовать все, что он может исследовать. И по большей части эти сведения рано или поздно становятся полезными. На исследования Марса мы затратили миллиарды.

— Я добьюсь разрешения перевести миллион

кредиток Универсальной Библиотеке ООН. Получим ли мы право на посадку?

— У меня… У меня есть одна идейка на счет этого.

Идея нелепейшая. Ник ни за что бы не стал ее высказывать… если бы кто-нибудь мог их услышать. Клуб Струльдбругов был местом роскошным и тихим, звукоизолированным, увешенным драпировками. Его собственный дребезжащий смешок замер, едва сорвавшись с губ. Здесь редко кто-нибудь кричал или смеялся. Клуб был местом, где можно было спокойно отдохнуть на закате жизни… Только была ли эта жизнь спокойной?

— Вы можете пилотировать двухместный корабль? Модели «Звездный огонь».

— Разумеется. Приборная панель та же самая. Корабли Зоны снабжены двигателями, изготовленными на английском заводе «Роллс-Ройс».

— Вы наняты в качестве моего пилота. Плата — доллар в год. Я смогу получить полностью подготовленный корабль в течение ближайших шести часов.

— Вы с ума сошли.

— Только не я. Поймите, Ник. Каждый так называемый представитель в ООН знает, насколько

важно найти Постороннего. Но они застряли на мертвой точке. Не потому, что они в обиде на Зону. В этом только часть истины. Дело в инерции. ООН — мировое правительство. Механизм, управляющий жизнью восемнадцати миллиардов человек. Крайне громоздкий по самой своей природе. И что еще хуже — ООН создана отдельными нациями. Идея нации сейчас необоснованно популярна. Когда-нибудь, правда, не очень скоро, даже сами названия этих наций будут забыты. И я не уверен, что это хорошо… Но пока что о национальном престиже не забывают. Вам придется потратить недели, чтобы хоть в чем-то убедить их. Но как бы там ни было, не существует закона, запрещающего гражданину ООН направляться в любую точку пространства, куда он пожелает, а также нанимать на работу любого, кого он пожелает. Некоторые из них, обслуживающие лунные трассы, — зонники.

Ник потряс головой, как если бы это могло хоть что-нибудь прояснить.

— Гарнер, я вас не понимаю. Не надеетесь же вы, что мы сможем отыскать Постороннего с помощью двухместного судна? Я кое-что знаю о марсианской пыли. Он укрылся в одном из пылевых морей и разбирает там Джека Бреннана на

части. И нет способа заполучить его, кроме как исследовать пустыню дюйм за дюймом с помощью глубинного радара.

— Верно. Но когда политиканы поймут, что мы взялись за исследование Марса, как вы думаете, что они сделают? А наем вас в качестве пилота — вопрос чисто технический, очевидный для всех и каждого. Или вы решили, что мы уже обнаружили Постороннего? Зоне следовало бы проявить больше доверия.

Ник прикрыл глаза и попытался подумать. Ему еще не приходилось сталкиваться с такой изощренной логикой. Но, похоже, Гарнер прав. Если они только заподозрят, что он собирается на Марс, в компании с плоскостником или без оного… Ник Соул, Первый Председатель Зоны, имеет полномочия заключать договоры. А это скверно. Да, они тогда отправят целый Флот, чтобы начать поиски первыми.

— Значит, необходим плоскостник, который нанял бы меня в качестве пилота. Но почему вы?

— Я могу получить корабль немедленно. У меня есть связи.

— О'кей. Раздобывайте судно, потом подыщите надежного плоскостника — исследователя. Продайте судно ему. Он нанимает меня пилотом.

Правильно?

— Правильно. Но я не стану этого делать.

— Почему? — Ник посмотрел на собеседника. — Ведь не собираетесь же вы и в самом деле сопровождать меня?

Люк кивнул.

Ник рассмеялся:

— Сколько вам лет?

— Слишком много, чтобы тратить оставшиеся годы, посиживая в клубе Струльдбругов в ожидании смерти. Соглашайтесь, Ник. Давайте-ка вашу руку.

— М-м? Несомненно… Но… Юпитер! Все верно, черт побери, руки у вас очень крепкие. Все вы, плоскостники, излишне сильны.

— Эге, я и не собирался нажимать на кнопки. Извините. Просто мне хотелось продемонстрировать, что я не из слабаков.

— Договорились. Только без рукопожатий.

— К тому же, нам не придется ходить пешком. Нам предстоит летать или ездить, куда бы мы ни направились.

— Вы сумасшедший. Полагаете, что ваша жизнь на мне закончится?

— Скорее всего, вы меня намного переживете. Предсказываю.

— Сумасшедший. Впрочем, как и все вы здесь. Все потому, что вы живете в условиях повышенной гравитации. Она оттягивает кровь от вашего мозга.

— Я покажу вам, где телефон. Заплатите свой миллион кредиток, пока ООН не сообразили, куда мы собрались.

Физпок дремал.

Грузовой отсек он спрятал под слоем текучей пыли в районе Лазис Солис. Они будут здесь в безопасности до тех пор, пока не выйдет из строя система жизнеобеспечения. А это случится очень и очень не скоро.

Физпок остался в отсеке, где он мог наблюдать за пленником. После посадки он разобрал приборы и механизмы, чтобы произвести необходимый ремонт и регулировку. И сейчас он был занят только тем, что наблюдал за пленником.

Особого надзора за туземцем не требовалось. Он развивался почти нормально. Станет уродом, но, по-видимому, не калекой.

Физпок отдыхал, лежа на груде корней.

Через несколько недель он добьется давным-давно поставленной цели. Или потерпит поражение. В любом случае, он прекратит есть. И останется в живых ровно на то время, которое

необходимо на подготовку туземца. Он скоро умрет. Он уже был близок к смерти, три тысячи лет назад, по корабельному времени. Там, в ядре галактики…

Он видел летучий огонь над долиной Пичок и знал, что обречен на гибель.

Физпок пробыл защитником двадцать шесть лет. Его дети, те, кто выжил в погубленной радиацией долине, были от двадцати шести до тридцати пяти лет возрастом. Его прямые потомки были от двадцати четырех лет и старше. Теперь вся его жизнь зависела от тех, кто пережил взрыв бомбы. Он немедленно вернулся в долину и начал поиски.

Производителей в долине уцелело совсем мало, но те, кто выжил, нуждались в защите. Физпок и оставшиеся семьи Пичока заключили между собой мир. Они договорились, что они сами и их стерильные производители останутся жить в долине до самой смерти, а затем долина отойдет к Союзу Восточного Моря. Существовали методы частичной нейтрализации последствий радиоактивного поражения. Семьи долины Пичок прибегли к этим методам. Один защитник остался опекать уцелевших, остальные покинули долину.

Некоторые производители выжили. Все они были обследованы. И все оказались стопроцентно стерильными. Термин «стопроцентно» был использован для того, чтобы подчеркнуть, что если у них и появятся дети, дети эти окажутся мутантами. Пахли они скверно. И, не будь опекающего их защитника, все они были бы обречены на скорую гибель.

Из всех выживших потомков Физпока наиболее дорогой для него была самая юная — Ттусс, двухлетняя девочка.

Его время подходило к концу. В тридцать два года Ттусс достигла возраста изменений. Она поумнела, тело ее начало покрываться тяжелой броней. Кожу ее не брал медный нож, и она могла поднять в десять раз больше собственного веса. Она была идеально приспособлена для битвы, но сражаться ей было не за что.

Она перестала есть. И если бы она умерла, то Физпок тоже перестал бы есть. Гибель Ттусс означала его собственную гибель.

Но иногда защитник может воспринимать всю расу Пак в качестве своего потомства. По крайней мере, он может воспользоваться любым удобным случаем, чтобы отыскать цель в своей жизни. Для защитника, не имеющего детей, всегда царит

мир, у него нет причин воевать. И есть место, куда он может направиться.

Библиотека была так же стара, как и окружающая ее радиоактивная пустыня. Пустыня эта никогда не подвергалась рекультивации. Ни один защитник не жаждал захватить ее, так как все эти тысячелетия на ней осаждался радиоактивный кобальт. Защитники могли пересекать эту пустыню. У них не было половых генов, на которые разрушительно действовали ядерные частицы. Для производителей же пустыня была недоступна.

С каких пор существовала Библиотека? Физпок никогда не знал этого и никогда не хотел знать. Но возраст отдела, в котором хранились книги о космических путешествиях, насчитывал три миллиона лет.

Они вместе пришли в Библиотеку. Не друзья — просто товарищи по несчастью. Все они принадлежали к семьям, прежде жившим в долине Пичок; и все они лишились детей. Библиотека была огромной, в ней хранилась информация, собираемая Пак в течение, по крайней мере, трех миллионов лет. Информация по каждому предмету распределялась по соответствующим отделам. Конечно, одна и та же книга могла быть выстав-

лена сразу в нескольких отделах. Попутчики разошлись у входа, и Физпок не встречал никого из них на протяжении тридцати двух лет.

Он провел это время в огромном зале, перегороженном лабиринтом тянущихся до потолка книжных полок. По углам в беспорядке громоздились ящики с корнем дерева жизни, постоянно пополняемые прислужниками. Имелись там и другие продукты. Ассортимент их был, по-видимому, таким, какой был необходим бездетному защитнику, предпочитавшему смерти — Библиотеку.

Лучшая пища для защитника — корень жизни, хотя Физпок мог есть почти все.

И были книги.

Они были чуть ли не вечными, эти книги. Они появлялись словно метеоры, выброшенные взрывом водородной бомбы. Все они были написаны на ныне существующих языках. Библиотеки постоянно переписывали их по мере того, как менялись языки. В этом зале были книги, посвященные космосу и космическим путешествиям.

Там были труды, рассматривающие философские проблемы космических путешествий. Во всех трудах доказывалось одно фундаментальное положение: когда-нибудь расе Пак придется ис-

кать для себя новый дом. Следовательно, любой вклад в технологию космических перелетов является вкладом в дело бессмертия расы. Физпок мог и не принимать в расчет эти договоры. Он знал, что защитник, придерживающийся другого мнения, никогда не стал бы писать книгу. В Библиотеке хранились десятки тысяч записей о межпланетных и межзвездных перелетах. Первым в ряду стояло описание фантастического путешествия, совершенного группой Пак почти три миллиона лет назад. В выдолбленном изнутри астероиде они отправились в рукава Галактики, чтобы обследовать желтые карликовые звезды. Были там и технические тексты, касающиеся всего, что может пригодиться в космосе. Конструкция звездолетов, астронавигация, экология, миниатюризация, ядерная и субъядерная физика, пластмассы, гравитация и способы ее использования, астрономия, астрофизика, записи о горнодобывающей промышленности как в этом мире, так и в близлежащих системах, чертежи гипотетического двигателя Баззарда (защитник, который занимался этой проблемой, потерял к ней интерес на половине дороги), чертежи ионных двигателей, теория плазмы, паруса фотонных кораблей и так далее.

Начав с полок, расположенных слева, он взялся за дело.

Раздел космических путешествий Физпок выбрал в общем-то случайно. Просто здесь было меньше книг, чем на других полках. Физпоку не понравились романы о космосе, но он читал их, не приступая ни к чему другому. Ему была дорога каждая минута из этих подаренных ему судьбой тридцати четырех лет, и не имело значения, где именно он подберет себе дело. Через двадцать восемь лет он прочитал все книги из раздела астронавтики. И не обнаружил ничего, чем бы он мог заняться.

Осуществить план переселения? Но этот план пока еще не сделался необходимостью. Солнце Пак будет еще светить, по меньшей мере, сотни миллионов лет. Вероятно, дольше, чем просуществует сама раса Пак, учитывая перманентное состояние войны. И очень высока была вероятность неудачи. Желтые звезды редко встречались в ядре галактики. Путешествие к ним оказалось бы долгим… для команды из защитников, беспрестанно сражающихся между собой за контроль за судном. И, кроме того, ядра галактики иногда взрываются в цепной реакции образования сверхновых. В проектах переселения отдавалось

предпочтение уходу в рукава галактики.

Первая экспедиция, попытавшаяся это сделать, закончилась полным крахом.

Что же делать? Присоединиться к обслуживающему персоналу Библиотеки? Он не однажды задумывался над этим, и всегда приходил к одному и тому же ответу. Не имеет значения, что именно интересно для него в Библиотеке, его жизнь зависит от совсем иного. Чтобы сохранить волю к жизни, он должен знать, что его работа принесет пользу всем Пак. Поддайся он магии новых открытий, сделай их своим символом веры, и он обнаружит, что утратил чувство голода.

Потеря желания есть пугала. В последние десятилетия с ним это уже происходило несколько раз, и тогда он заставлял себя перечитывать сообщения из долины Пичок. И из каждого сообщения следовало, что, когда оно отправлялось, Ттусс еще была жива. Постепенно к Физпоку возвращался аппетит. Без Ттусс ему пришлось бы погибнуть.

Он разузнал о служителях Библиотеки. Их жизнь была необычайно короткой. Присоединение к ним ничего не давало.

Вот если бы он разыскал способ сохранить жизнь Ттусс? Если бы он смог добиться этого, то использовал бы тот же метод и для себя.

Взяться за изучение теоретической астрономии? У него были кое-какие идеи, но они ничем не могли бы помочь расе Пак. Пак не нуждались в отвлеченном знании. Горные разработки на астероидах? Астероиды и в этой, и в соседних звездных системах были полностью выработаны. Они были изрыты шахтами, как и поверхности планет. Разница состояла лишь в том, что на планетах следы разработок обычно сглаживались под воздействием ветра, рек и прочих природных факторов. Ему пришлось бы осваивать груды щебня. А менять область изучения было уже поздно. Взяться за создание шаровых орбитальных городов, чтобы обеспечить производителей новым жизненным пространством? Бессмысленно. Врагу слишком легко захватить эти города. Слишком легко эти города могут оказаться случайно разрушенными.

Физпок снова почувствовал потерю аппетита. Письма долины Пичок не помогли, он больше не верил им. Он подумывал о возвращении в долину, но понял, что еще в дороге умрет от истощения. Когда исход сделался совершенно ясен, Физпок сел у стены и начал ждать. Последний из группы защитников, переставших есть и теперь ожидающих смерти.

Прошла неделя. Служители Библиотеки обнаружили тела двух умерших защитников. Они подняли скелеты, обтянутые сухой сморщившейся броней, и вынесли их.

Тогда Физпок вспомнил о книге.

У него еще хватило сил дотянуться до нее.

Он читал очень внимательно, держа книгу в одной руке и корень — в другой. Он съел этот корень…

Корабль представлял собой неровный, напоминающий цилиндр астероид, почти полностью состоявший из железно-никелевого сплава, с каменным ядром. Корабль был примерно шести миль в длину и четырех в ширину. Группа бездетных защитников обтесала его, оборудовала солнечными зеркалами и системами контроля. Они встроили в астероид небольшой отсек жизнеобеспечения и несколько большую по размерам анабиозную камеру. Они позаботились о генераторе и аппаратуре для воспроизводства ядерного топлива, дирижабля с ионным двигателем, объемистой цистерне с цезием. Чтобы получить контроль над тысячей производителей, были истреблены все защитники ряда крупных семейств. Два защитника взяли на себя роль пилотов, остальные — более семидесяти — лежали в

анабиозной камере. С тысячью производителей, заботливо отобранных из лучших семей мира, они отправились на окраину галактики.

Хотя три миллиона лет назад наука была куда менее развита, чем во времена Физпока, у путешественников были веские доводы направиться во внешние рукава галактики. Там было больше шансов обнаружить желтые звезды. И больше шансов обнаружить двойную планету на приемлемом расстоянии. Из-за звездных пертурбаций двойные планеты встречались в ядре галактики крайне редко (расстояние между звездами составляло в среднем лишь половину светового года). Приходилось предполагать, что только луна большого размера может обладать атмосферой, необходимой для жизни расы Пак.

Ионный двигатель и некоторое количество цезия… Предполагалось, что путешественники разовьют небольшую скорость. Так и вышло. Относительно солнца Пак они двигались со скоростью тысячи миль в секунду. И слали в его сторону лазерные лучи сообщения, чтобы в Библиотеке знали, как ведет себя в полете ионный двигатель. Где-то на полках Библиотеки хранились записи о том, что в его конструкции следовало заменить.

Все это было Физпоку неинтересно. Он перешел к последнему разделу, касающемуся событий, происшедших через полмиллиона лет.

Это была запись лазерного сообщения. Из-за пылевых облаков и громадного расстояния сообщение с трудом было принято в системе Пак. Запись была искаженной, фрагментарной, на языке, на котором уже никто не говорил. Служители Библиотеки перевели ее и поместили перевод в последнем разделе. С тех пор ее, должно быть, переводили не одну сотню раз. И, должно быть, сотни исследователей, как и Физпок, читали ее и, поняв, что часть записи утеряна, переходили к изучению других книг…

Но Физпок проштудировал ее очень внимательно.

Путешественники далеко углубились в рукава галактики. К концу полета половина защитников умерла. Не насильственной смертью и не от голода, просто от старости. Это было настолько необычно, что в сообщение было включено подробное медицинское описание. Они пролетали мимо желтых солнц, не имеющих планет, мимо звезд, окруженных газовыми гигантами. Им встречались и желтые солнца с планетами, которые, возможно, были заселены; но все они

располагались слишком далеко от курса, чтобы их можно было достичь с сохранившимися запасами цезиевого топлива. Из-за космической пыли и гравитационных воздействий старинный корабль путешественников замедлял ход. Приходилось увеличивать расход топлива. По мере того как звезд становилось все меньше, небеса вокруг странников темнели все больше.

Они обнаружили планету.

Путешественники затормозили корабль. Оставшийся плутоний переместили в двигатели десантного судна и пошли на посадку. Окончательного решения принято не было, но если планета не оправдала бы их ожиданий, им пришлось трудиться не один десяток лет, чтобы вновь приспособить свою скалу к звездному перелету.

На планете оказалась жизнь. В определенной степени враждебная, но не такая, чтобы с ней нельзя было справиться. Отыскалась плодородная почва. Оставшиеся в живых защитники разбудили производителей, отвели их в леса, где и оставили, чтобы те плодились и размножались. Они развели сельскохозяйственные культуры, вырыли шахты, наладили выпуск машин для горных разработок и сельского хозяйства. Пугало

черное, почти беззвездное небо, но переселенцы сумели приспособиться. Непривычными были и постоянные дожди, но они не вредили производителям, так что все было в порядке. Места на планете хватало для всех, поэтому защитникам не пришлось даже сражаться между собой. Ни один из них не перестал есть. Нужно было бороться с хищниками и вредными микроорганизмами, нужно было создавать цивилизацию, сделать предстояло многое.

К весне и лету поспел урожай. И разразилась беда. С деревом жизни что-то произошло.

Колонисты не могли понять, что же случилось с урожаем. Произошло нечто непредвиденное. И на вкус, и внешне оно походило на дерево жизни, но пахло не так. Как на защитников, так и на производителей оно действовало одинаково — с тем же успехом они могли бы питаться сорняками.

Вернуться в космос они не могли. Небольшой сохранившийся запас корней был необходим, чтобы защитники сохранили способность работать. Они могли бы вновь заполнить емкости цезием. Могли бы даже за оставшиеся у них время наладить производство плутония, и могли бы отправиться на поиски другого мира, похожего на их собственный, но добраться до него — нет. К то-

му же, даже если бы они и смогли достичь его, то где гарантия, что дерево жизни там возродится?

Последние свои годы они затратили на монтаж лазерной установки, достаточно мощной, чтобы ее луч мог пройти сквозь пылевые облака, отделяющие их от ядра галактики. Они не знали, удалось ли им добиться успеха. И не знали, что же приключилось с урожаем. Они подозревали, что всему виной некоторые отличия в части солнечного спектра или же весь спектр в целом, но проведенные эксперименты ничего не дали. Они передали подробнейшую информацию о своих пассажирах-производителях и выразили надежду, что некоторым из них удастся выжить. И еще они просили о помощи.

Два с половиной миллиона лет тому назад.

Физпок сидел возле ящика с корнями, ел и читал. Он бы улыбнулся, если бы его лицо было способно на это. Он уже видел, что для его миссии потребуются усилия всех бездетных защитников, какие только отыщутся в мире.

Вот уже два с половиной миллиона лет эти производители живут без дерева жизни. Не имея никакой возможности дорасти до стадии защитника. Глупые животные.

И лишь Физпок знал, как разыскать их.

Предположим, вы летите из Нью-Йорка, США, в Питсбург, Северная Америка. И вдруг обнаруживаете, что Нью-Йорк смещается в одном направлении, Питсбург — в другом, а ураганный ветер сносит ваш самолет в третьем…

Кошмар? Конечно же. Но путешествия по Солнечной Системе отличаются от поездок по планете. Каждая отдельная скала движется в своем собственном направлении, словно хлопья масла в маслобойке.

Марс движется по почти круговой орбите. Астероиды пролетают вблизи него по орбитам более эллиптическим, либо догоняя красную планету, либо отставая от нее. На некоторых из них имеются телескопы. Операторам было приказало докладывать на Цереру, если они заметят какую-либо целенаправленную деятельность на поверхности Марса.

Сброшенный двигатель Баззарда двигался к Солнцу, описывая изогнутую гиперболу, проходящую сквозь плоскость Солнечной системы.

«Голубой Бык» шел с ускорением по кривой, которая должна была вывести его прямо к Постороннему.

На вспомогательном ракетном двигателе поднялся с Земли, из порта Долины Смерти, «У-Сант».

Весьма картинно он прошел над Тихим океаном. Поднялся на сто пятьдесят миль вверх и вышел на орбиту, как это предписывалось правилами. После чего Ник включил ядерный двигатель и направил корабль в пространство. Отброшенному вспомогательному двигателю он предоставил возможность искать дорогу домой самостоятельно.

Земля окуталась дымкой и исчезла. При ускорении в один «же» весь путь до Марса должен был занять четыре дня. С Цереры им сообщили, каких астероидов им следует опасаться по дороге.

Ник переключил управление кораблем на автопилот. «У-Сант» оказался не настолько плох, как он ожидал. Корабль предназначался для несения военной службы, обтекаемая корма явно компрометировала его. Но оборудование вроде бы отвечало своему назначению, а контрольные приборы были даже элегантны. Кухня же была просто превосходной.

— Закурим? — спросил Люк.

— Почему бы и нет? Вам можно не беспокоиться о смерти в молодые годы.

— ООН все еще не получила своих денег?

— Все в порядке. Деньги должны были быть переведены еще несколько часов назад.

— Прекрасно. Вызывайте ООН, назовите себя и сделайте запрос обо всем, что происходит на Марсе. Попросите, чтобы они показали вам все это на экране. Оплатите стоимость лазерной передачи. Таким образом, вы одним выстрелом убьете двух зайцев.

— Да?

— Это им скажет, куда мы направляемся.

— Верно… Люк, вы в самом деле считаете, что это их расшевелит? Я знаю, насколько неповоротливой может быть ООН. Был же инцидент с Мюллером.

— Посмотрите на это с другой точки зрения, Ник. Как вы сделались руководителем Зоны?

— Тесты показали, что у меня высокий коэффициент умственного развития и что я во всем подобен всем остальным людям. С этого и началась моя карьера.

— Мы прибегаем к голосованию.

— Соревнуетесь в популярности?

— Это срабатывает. Хотя имеются и недостатки. Но у какого правительства нет недостатков? — Гарнер пожал плечами. Каждый представитель в ООН олицетворяет собой одну нацию. Одну часть нашего мира. Он полагает, что это лучшая часть, населенная людьми. В противном случае, он не

был бы избран. Таким образом, представителей может набраться два десятка, и каждый будет считать, что только он знает, как следует поступить с Посторонним. Ни один из них ни в чем не уступит всем остальным. Престиж. При известных обстоятельствах они должны прийти к компромиссу. Но если они поймут, что штатский вместе с зонником может обскакать их в деле с Посторонним, они быстрее прекратят грызться. Понимаете?

— Нет.

— Ох, да займитесь же вы этим вызовом.

Через некоторое время передающий луч нащупал их. Они принялись за просмотр информации, накопленной Землей о Марсе.

Сведений было множество. Они охватывали столетия. Наконец Ник заявил:

— С удовольствием ушел бы в отпуск летом. Чего ради мы должны все это просматривать? Согласно вашим словам, мы просто организуем блеф.

— Согласно моим словам, мы организуем поиск. До тех пор, пока вы не придумаете что-нибудь получше. Блефовать надежней всего с четырьмя тузами на руках.

Ник отключил экран. Теперь лекция записыва-

лась на ленту. Им ничего не мешало.

— Давайте-ка поразмыслим вместе. За эти материалы я отдал миллион кредиток из капиталов Зоны. Плюс — добавочная оплата за передающий луч. Бережливый Соул — вот я кто такой, и поэтому чувствую себя обязанным найти применение этим материалам. Но весь предыдущий час мы потратили на изучение случая с Мюллером, а все это взято из архива Зоны.

Одиннадцать лет назад шахтер зоны по имени Мюллер попытался использовать притяжение Марса, чтобы резко изменить курс. Он подошел слишком близко к поверхности планеты и был вынужден пойти на посадку. Никаких проблем это не представляло. Легавые — золотомундирники взяли бы его на борт, как только получили распоряжение от ООН. Но там не торопились… И Мюллер был убит марсианами.

Вплоть до той поры марсиане считались мифом. Мюллер, должно быть, был изрядно удивлен. Но, задыхаясь в близкой к вакууму атмосфере, он ухитрился перебить с полдюжины марсиан, использовав цистерну с водой, чтобы сеять смерть во всех направлениях.

— Вовсе не оттуда. Мы изучили трупы марсиан, которые там обнаружили, — сказал Гарнер. — Та

информация может нам пригодиться. К тому же, мне хотелось бы понять, почему Посторонний выбрал именно Марс. Возможно, он что-то знает о марсианах. Возможно, намеревается вступить с ними в контакт.

— Много ему от этого пользы.

— Они пользуются копьями. Для меня это служит доказательством их интеллекта. Мы не знаем, насколько их интеллект высок, потому что никто никогда не пытался вступить в переговоры с марсианами. Может быть, у них даже есть что-то вроде цивилизации. Там, внизу, под слоями пыли.

— Цивилизованный народец, а? — в голосе Ника прорезалась жестокость. — Они разрезали палатку Мюллера, они выпустили воздух!

В Зоне не было преступления хуже.

— Я же не говорил, что они дружелюбно настроены.

«Голубой Бык» плыл в пространстве. Чужой корабль было видно невооруженным глазом, он приближался. Сзади. Это нервировало Тину до такой степени, что она не могла смотреть на чужака. То же самое можно было сделать и другим способом. Сейчас они приближались с той стороны, на которой у корабля Постороннего

не было окон. Три зонника освобождали катер Эйнара Нильсона из его огромного металлического укрытия.

— Я отпустила здесь зажимы, — сказала Тина. Она была вся покрыта испариной. Она почувствовала ветерок на своем лице, когда заработала система воздухообдува, предохраняющая щиток шлема от запотевания.

— Хорошо, Тина, — произнес Нат у нее за спиной.

— Четыре человека команды в кабине одноместного корабля… — буркнул Эйнар. — Проклятье! Встречать Постороннего придется двоим.

— Об этом, скорее всего, беспокоиться не следует. Постороннего в нем нет. Это мертвый корабль. — И все же в голосе Ника звучало беспокойство.

— А сколько народу из экипажа осталось на борту? Не могу поверить, что Посторонний отправился в межзвездное путешествие в одиночку. На одноместном корабле. Слишком уж это поэтично. И неразумно. Тина, через пять секунд толкай под трубой двигателя.

Тина уперлась плечами и включила двигатель ранца. Впереди, под кабиной, взметнулись факелы ее товарищей. Старое одноместное судно

медленно проплыло в огромные створки.

— Порядок. Нат, быстро на борт. Постарайся, чтобы между тобой и Посторонним все время был «Бык». Будем надеяться, что у него нет глубинного радара.

Они не могли видеть, как Тина недоуменно нахмурилась.

Женщины Зоны достигают, в среднем, шести футов роста. Но женщины Зоны тонки, гибки, худощавы. Тина Джордан была шести футов ростом и имела соответствующее телосложение. Соответствующее — по мерам плоскостников. Она была в хорошей форме и гордилась этим. Ее раздражало, что зонники все еще продолжают считать ее плоскостницей.

Она покинула Землю, когда ей исполнился двадцать один год. И уже четырнадцать лет прожила в Зоне. На Церере, Юноне, Меркурии, на станции Гера, вращающейся над Юпитером, в троянских точках. Зону и всю Солнечную Систему она считала своим домом, и ее нисколько не беспокоило, что ей не приходилось летать на одноместных кораблях. Многие из зонников тоже не летали. Шахтеры со своими одноместными судами представляли лишь одну сторону индустрии Зоны. Кроме них были и химики, и ядерщики,

астрофизики, политики, астрономы, чиновники, торговцы… И программисты ЭВМ.

Она когда-то слышала, что в Зоне нет предубежденного отношения к женщинам. И это оказалось правдой. На Земле женщины все еще занимались хуже оплачиваемой работой. Работодатели утверждали, что для ряда работ требуется физическое напряжение. Или, что в самый критический момент женщины увольняются, чтобы выйти замуж. Или даже, что если женщина работает, то страдает семья. Положение дел в Зоне обстояло иначе. И Тина была скорее удивлена, чем обрадована. Она боялась разочарования. А сейчас она, женщина и программист компьютера, является наиболее важным членом экипажа «Быка». Страх и восхищение. Страх за Ната, который еще слишком молод, чтобы идти на такой риск. Ведь уже один зонник повстречался с Посторонним, и с тех пор о нем никто ничего не знает. А кроме того, что Нату делать на борту судна?

Она помогла Эйнару выбраться из его скафандра. Он представлял собой настоящую гору мяса и, живя на Земле, не смог бы даже встать самостоятельно. Затем он помог ей.

— Думаю, каково будет Нату одному на борту Постороннего, — сказала она.

Эйнар, казалось, удивился:

— Что? Нату. Вам.

— Но… — Она пыталась подобрать нужные слова и, к своему ужасу, нашла их. («Но я девушка».) Но вслух она не сказала ничего.

— Подумайте сами хорошенько, — подчеркнуто терпеливо произнес Эйнар. — Может быть, корабль не пуст. Возможно, там вас подкарауливает опасность.

— Не исключено, — ответила она так же подчеркнуто.

— Кто бы ни находился там, на борту, защита обеспечена. Часть этой защиты — «Бык». Я оставляю двигатель теплым. Двигатель испарит ублюдка, если тот попытается что-либо предпринять. А на таком расстоянии переговорный лазер наделает в нем дыр. Правда, не исключено, что и «Бык» тоже окажется уничтоженным.

— Значит, катер готов к подвигам. — Тина жестом дала понять, что больше не задерживает Эйнара. — Я обдумаю все это. Мне кажется…

— Нет, не глупите. Вам никогда в жизни не приходилось летать на одноместном корабле. Выбор у меня не велик. Я поначалу хотел оставить Ната на «Быке», но, черт побери, это же мой корабль. А Нат хорошо разбирается в катерах. И оба эти

занятия не для вас.

— Я этого и не предполагала. — Внешне она держалась спокойно. Но холодный ком страха ворочался у нее в желудке.

— Во всяком случае, вы — лучший вариант. А поскольку вы — единственная, кто вступит в контакт с Посторонним, постарайтесь изучить его язык. Кроме того, вы плоскостница. Физически вы крепче всех нас.

Тина резко кивнула.

— Вы не можете оставаться в стороне. Вы это знаете.

— О, вовсе нет. Надеюсь, вы не подумали, что я струсила. Я просто не…

— Нет, вы просто не удосужились продумать все как следует. Но вы научитесь этому, живя в Зоне, — мягко сказал Эйнар. И черт с ним.

Марсианская пыль уникальна.

Уникальность ее — следствие вакуумной цементации. Некогда вакуумная цементация служила пугалом для космической индустрии. Крохотные детали космических ракет и научно-исследовательских станций, которые в воздушной среде легко скользили относительно друг друга, в вакууме сплавлялись в единое целое по мере того, как с их поверхностей испарялись

абсорбированные газы. Вакуумная цементация расплавляла детали первых американских спутников и советских межпланетных зондов. Вакуумная цементация не позволила замерить на Луне толщину метеоритной пыли. Частицы слиплись в твердую массу, в настоящий цемент под тем же молекулярным воздействием, которое сцепляет плитки Иогансена и образует из природного ила осадочные породы.

Но Марс обладает достаточной атмосферой, чтобы остановить этот процесс, хотя и недостаточной, чтобы задержать метеор. Большая часть планеты покрыта метеоритной пылью. Метеориты могут образовывать кратеры в пыли, но не в цементе, хотя цемент этот текуч, словно густое масло.

— Эта пыль будет для нас основной проблемой, — заметил Люк. — Постороннему даже не пришлось выкапывать себе нору. Он мог нырнуть в пыль на Марс где угодно.

Ник отключил лазерный приемопередатчик. После двух дней беспрерывной связи с Землей тот раскалился.

— Он мог спрятаться где угодно в Системе, но предпочел Марс. У него должна была быть на это причина. Может быть, найдется что-либо такое,

чем он не сможет заниматься под слоем пыли. Тогда ему придется скрываться в кратере или на возвышенности.

— Тогда его бы уже заметили.

Люк извлек фотографию из памяти автопилота. Она была из серии, сделанной ловушкой для контрабандистов. На ней было изображено тусклое металлическое яйцо. Меньший конец яйца был заострен. Яйцо двигалось большим концом вперед. Двигалось, словно ракета. Но выхлопа не было — во всяком случае, его не смог обнаружить ни один прибор.

— Достаточно большое, чтобы его можно было заметить из космоса, — сказал Люк, — а по посеребренному корпусу его удалось бы легко опознать.

— Да, все верно, он под пылью. Чтобы его отыскать, потребуется множество кораблей с глубинными радарами. И даже в этом случае ничего не гарантировано. — Ник провел ладонями по безволосому черепу. — Теперь нам можно было бы и убраться отсюда. Ваше правительство наконец-то очнулось от спячки и послало сюда корабли. У меня создалось впечатление, что они будут не слишком рады, если мы примем участие в их поисках.

В голосе его звучала неуверенность.

— Я предлагаю продолжить. А вы?

— Я тоже. Странной, однако, охоте посвятил я свой отпуск.

— Откуда бы вы предпочли начать поиск?

— Не знаю. Самая глубокая пыль на планете — в Трактус Альбус.

— Не настолько он глуп, чтобы выбирать самое глубокое место. Место, где он прячется, он выбрал случайно.

— Хотите предложить что-нибудь другое?

— Лазис Солис.

— О! Старая база плоскостников. Хорошая мысль. Возможно, ему необходимо иметь условия для поддержания жизни Бреннана.

— Я об этом даже не подумал. Если ему что-то может понадобиться — человеческая технология, вода, все, что угодно, — то существует лишь одно место на планете, куда нам и следует отправиться. Если его там и нет, то мы, по крайней мере, сможем использовать пылевые катера.

— «Голубой Бык» вызывает «У-Сант». «Голубой Бык» вызывает «У-Сант» из порта Долины Смерти.

В сообщении должны были содержаться директивы. Ник переключил автопилот на прицел

своего передающего лазера.

— На это у меня уйдет несколько минут, — сказал он. И добавил: — Хотел бы я знать, что произошло с Бреннаном.

— Сможем мы воспользоваться глубинным радаром в этих нагромождениях?

— Будем надеяться. Понятия не имею, что бы мы еще смогли использовать для поисков.

— Металлодетектор. У него на борту должен найтись металл.

— Николас Брустер Соул с борта «У-Сант» вызывает кого-нибудь (или всех) на борту «Голубого Быка». Что нового? Повторяю. Николас…

Эйнар включил передатчик.

— Эйнар Нильсон, командующий «Голубым Быком». Мы подошли к кораблю Постороннего. Тина Джордан готовится подняться к нему на борт. Переключаю вас на Тину.

Он переключил и откинулся в кресле, ожидая.

Тина ему нравилась. Он был наполовину уверен, что она найдет способ свернуть себе голову. Нат резко протестовал, но не смог отыскать ни единой лазейки в доказательствах Эйнара. Эйнар сидел и смотрел на то, что передавала камера, вмонтированная в шлем Тины.

Корабль Постороннего выглядел покинутым.

Он имел асимметричную форму. Буксировочный канат ослаб и начал загибаться петлей. Тина не замечала ни малейшего движения в линзе отсека, похожего на громадное глазное яблоко. Она затормозила в нескольких ярдах от иллюминатора и удостоверилась, что ее рука лежит на ключе зажигания реактивного двигателя.

— Говорит Тина. Я нахожусь вблизи того, что напоминает мне управляющий модуль. Сквозь стекло — если это стекло — я могу видеть противоперегрузочное кресло и приборы возле него. Посторонний, должно быть, несколько похож на человека.

Двигательный модуль слишком горяч, чтобы приближаться к нему. Управляющий модуль представляет собой гладкую сферу. С большим иллюминатором, с кабелями, отходящими в обоих направлениях. Вы можете все это увидеть, «У-Сант».

Она описала медленную петлю вокруг шара. Не торопясь. Зонники торопились только тогда, когда это было действительно необходимо.

— Не могу обнаружить никаких признаков воздушного шлюза. Чтобы проникнуть внутрь, придется прожигать отверстие в корпусе.

— Через иллюминатор. Если вам не захочется

прожигать свою дыру через что-нибудь взрывоопасное, — прозвучал голос Эйнара.

Прозрачное вещество имело точку плавления в две тысячи градусов по шкале Кельвина, так что о применении лазера, ясное дело, не могло быть и речи. Тина использовала раскаленное острие, водя им снова и снова по кругу. Постепенно она углубляла отверстие.

— Из разреза на меня идет дым, — докладывала она. — Ага, уже прорезала.

Трехфутовый прозрачный круг окутался белым туманом и выпустил остатки воздуха. Тина подхватила круг и скользящим движением направила его к «Быку» для последующего исследования.

Раздался дрогнувший голос Эйнара:

— Не пытайтесь пока что проникнуть внутрь.

— Я и не пытаюсь.

Она подождала, пока края остынут.

Прошло пятнадцать минут, ничего не происходило. Должно быть, на борту «У-Сант» беспокоятся, подумала она. Внутри по-прежнему не наблюдалось никакого движения. Они ничего не обнаружили, когда просвечивали модуль глубинным радаром. Но стенки были толстыми, и что-нибудь не слишком плотное, например, вода,

могло остаться не обнаруженным.

Времени прошло достаточно. Она нырнула в отверстие.

— Нахожусь в маленькой кабине управления, — сказала Тина и повернулась, чтобы камера могла дать полный обзор. Кристаллики ледяного тумана плыли к дыре, проделанной в иллюминаторе. Она была совсем маленькой. — Пульт управления очень сложен. Сложен настолько, что, мне кажется, у Постороннего не было автопилота. Ни один человек не смог бы управиться со всеми этими приборами и регуляторами. Я вижу только одно противоперегрузочное пилотское кресло, и ни одного чужака здесь сейчас нет — не считая меня.

Прямо возле кресла пилота стоит ящик со сладким картофелем. По крайней мере, это выглядит как сладкий картофель. В данной секции это единственная кухонная принадлежность. Попробую продвинуться дальше.

Она попыталась открыть люк в задней стенке приборного отсека. Давление воздуха не позволило сделать ей это. Тина снова пустила в ход раскаленное острие. Люк резался легко, много легче, чем материал, из которого был сделан иллюминатор. Она подождала, пока кабина за-

полнится туманом, и толкнула люк. Тумана стало еще больше.

— Это помещение размером примерно с кабину управления. Видимость плохая. Похоже, оно предназначено для физических тренировок во время полета. — Тина провела камерой вдоль помещения, подошла к одному из механизмов и попыталась привести его в действие. Это было то же самое, как если бы человек пытался разогнуться, преодолевая сопротивление пружины. Тине не удалось даже пошевелить рычагом.

Она сняла камеру и укрепила ее на стене, нацелив на тренажер.

— Либо я что-то делала неправильно, — сказала она слушателям, — либо Посторонний может поднять меня одним пальцем. Давайте посмотрим, что здесь отыщется еще.

Она огляделась. И тут же произнесла:

— Странно.

В отсеке ничего больше не было.

Только люк, ведущий к кабине управления.

Двухчасовые поиски, проведенные Тиной и Натом Ля-Пэном, лишь подтвердили ее открытие. Модуль жизнеобеспечения состоял из:

— управляющей кабины, размером с кабину одноместного корабля;

— помещения для спортивных занятий пилота, такого же размера;

— ящика с корнями;

— громадной цистерны для воздуха; предохраняющих устройств, способных остановить утечку в случае повреждения, не было; цистерна была пуста, она, должно быть, уже почти опустела, когда корабль достиг Солнечной системы;

— огромной сложной машины для очистки воздуха, спроектированной, видимо, так, чтобы улавливать даже самые слабые следы биохимической деятельности организма; машина неоднократно подвергалась ремонту;

— столь же сложного комплекса оборудования для консервации жидких и твердых отходов.

Невероятно. Посторонний, как получалось, путешествовал в одиночку, проводя время в двух крохотных помещениях, питаясь одним видом пищи и не располагая даже корабельной библиотекой, которая могла бы развлечь его. И без автопилота-компьютера, который вел бы корабль в требуемом направлении, заботился о запасах топлива и уводил от метеоритов. А ведь продолжалось это путешествие, по меньшей мере, десятилетиями. Учитывая сложность очистительной установки, огромный воздушный бак

предназначался исключительно для возмещения потерь воздуха, ушедшего в космос через стенки.

— Вот что, — сказал наконец Эйнар. — Возвращайтесь обратно, вы оба. Подождем и запросим инструкции с «У-Санта». Нат, сунь-ка эти корешки в герметическую коробку. Их мы исследуем.

— Обыщите судно еще раз, — распорядился Ник. — Может, вы отыщете примитивный автопилот — не компьютер, а простенький прибор для сохранения курса корабля. Проверьте все отверстия для болтов и так далее — в общем, любое место, где Посторонний мог что-либо спрятать. Заодно попытайтесь проникнуть в воздушный бак. В гнездах для болтов может оказаться что-либо весьма неожиданное, — он перебросил рычажок вниз и посмотрел на Люка. — Разумеется, они ничего не обнаружили. Да разве и можно было рассчитывать на что-нибудь другое?

— Мне бы хотелось, чтобы они сделали анализ состава воздуха. У них найдется оборудование?

— Да.

— И стекло иллюминатора. И химический состав этого корня.

— С корнем они закончат одновременно с другими исследованиями. — Ник передвинул рычажок вверх. — Когда закончите с анализами,

можете поразмыслить, как отбуксировать корабль к дому. Оставайтесь на «Быке»и держите свой двигатель теплым. В любом критическом положении используйте его пламя. Соул закончил.

Экран потемнел, но Ник еще какое-то время продолжал смотреть на него. Внезапно он сказал:

— Суперкатер. Очи Финейгла! Не могу в это поверить.

— И управляемый кем-то вроде суперзонника, — добавил Люк. — Одиночкой. Не нуждающемся в развлечениях. Не заботящемся о том, что он ест. И здоровенным, как Кинг-Конг. Гуманоидом.

Ник улыбнулся:

— Не хотите ли вы изобразить его этаким представителем сверхрасы?

— Я не решился бы с ним спорить. Я говорю все это, по крайней мере, серьезно, Ник. Нам остается наблюдать и ждать.

Бреннан менялся.

Он часами не двигался. Лежал на спине в ящике с корнями, закрыв глаза. Живот его раздулся, тело согнуло дугой, кулаки были крепко сжаты. Но вот он пошевелил рукой, и Физпок тотчас же насторожился.

Бреннан дотянулся до корня, сунул его в рот, откусил и проглотил. Откусил и проглотил под изучающим глазом Физпока. Глаза самого Бреннана оставались закрытыми.

Рука Бреннана выронила оставшийся дюйм корня. Он перевернулся и затих.

Физпок расслабился. И снова задремал.

Несколько дней назад он прекратил есть. Он убеждал себя, что еще слишком рано, но организм не верил ему. Просто он уже прожил слишком долго. Физпок дремал.

…он сидел на полу в библиотеке, с куском корня во рту и древней книгой на вздутом колене. Перед ним лежала расстеленная на полу карта. Карта галактики, но сама галактика со временем изменилась. Звездные ядра были показаны в положении, в котором они находились три миллиона лет назад, а рукава галактики были на полмиллиона лет моложе. Персонал Библиотеки потратил чуть ли не год, готовя эту карту для Физпока.

— Предположим, они ушли на расстояние X, — говорил он себе. — Учитывая воздействие межзвездной пыли, электромагнитных полей и гравитации, их средняя скорость должна составлять 0,06748 световой дуги. Сигнал их лазера

передавался со скоростью света. Представь их путь в пространстве. Дай им столетие на постройку лазера. Они должны были посвятить этому все свое время. Тогда X=3210 световых лет.

Физпок взял циркуль и начертил дугу, использовав в качестве центра солнце Пак. Доверительный интервал: 0,001, тридцать световых лет. Они на этой дуге.

Теперь предположим, что от центра галактики они уходили по прямой. Исходное допущение: в том направлении много звезд, а солнце Пак расположено далеко не в самом центре. Физпок нарисовал радиальную линию. Наибольшее поле ошибки находится здесь. Исходная ошибка: курс менялся… Теперь прямая линия изогнулась, потому что галактика вращается, словно сворачивающееся молоко. Они явно не должны были выходить из плоскости галактики. Зато теперь они где-то вблизи вот такой точки. И я их разыщу… Сподвижники Физпока, словно армия муравьев, устремились в Библиотеку. К его поискам присоединился каждый из защитников, находившихся в пределах досягаемости. Это секция астронавтов, Ф.З.К. Ищи! Нам нужны чертежи таранно-черпающего двигателя. Ттусс, мне необходимо знать, что происходит, когда защит-

ник становится старым. В каком возрасте, какие сопутствующие факторы. В медицинской секции, вероятно, сохранилась копия того донесения. Мы должны узнать, что в том рукаве галактики помешало правильному развитию. Тебе потребуются результаты астрономических и медицинских наблюдений. Химические и астрофизические исследования. Используй для своих экспериментов долину Пичок, но помни, что среда должна оставаться обычной! Попробуй поэкспериментировать с почвой, уменьши интенсивность солнечного света, понизь уровень радиации! Вы, которые в секциях физики и инженерного дела. Мне понадобится ядерный двигатель для маневров внутри системы. Кораблю, который мы построим, потребуются стартовые устройства. Спроектируйте их! Каждый бездетный защитник на планете искал смысл своей жизни. Цель ее. И Физпок дал ее им…

…наконец-то завершенный корабль состоял из трех частей. Он стоял на песке, неподалеку от Библиотеки. Нам нужны монополи, нам нужны семена и корни дерева жизни, нам нужно много водородного горючего — двигатель не сможет работать, пока не набрана определенная скорость. В Заливе Метеора мы найдем все, в чем

нуждаемся. В первый раз за двести тысячелетий бездетные защитники Пак объединились, чтобы вести войну…

…Изобретенный им вирус — «двойное Кью»— косил производителей. Особый отряд охотился за уцелевшими. Защитники, оказавшиеся без потомства, переходили на сторону Физпока и присоединялись к армии. Хартчи слал донесения о раскрытии тайн дерева жизни…

Что-то трижды ударило по корпусу корабля.

Сперва он решил, что стук раздался в его мозгу. Он ведь был так далеко… Но он тут же вскочил на ноги, глядя вверх, в точку за изогнутой стеной отсека. Мысли его метались.

Он знал, что на поверхности пылевого слоя происходит процесс, напоминающий неорганический фотосинтез. Сейчас мозг его экстраполировал: течения в пылевом слое, наверху происходит фотосинтез, течения несут пищу вниз, более развитым формам жизни. Ему следовало догадаться об этом раньше, следовало проверить, а он, Физпок, углубился в себя. Старость и навязчивые мечты слишком рано притупили его бдительность.

Три размеренных удара донеслись почти из-под его ног.

Он одним прыжком пересек отсек и мягко, бесшумно приземлился. Поднял плоский ключ размягчителя. Он ждал.

Предположим: некто разумный простукивает грузовой отсек, чтобы уловить эхо. Размер: неизвестен. Уровень развития интеллекта: неизвестен. Вывод: вероятно, обитатели низших слоев. Должно быть, они слепы, если у них вообще есть глаза, отсутствие зрения должно компенсироваться хорошо развитым слухом. Эхо от ударов могло рассказать им о многом, что происходит внутри. И что дальше?

Они, вероятно, попытаются проломить обшивку. Разумные существа должны быть любопытными. Корпус был прочен, но материал может когда-то и не выдержать.

Физпок прыгнул вверх, в люк, оказался в кабине управления. Ему не хотелось оставлять пленника, но выбора не было. Он закрыл дверь в трюм и проверил, заперта ли она. Быстро влез в скафандр.

Три размеренных удара откуда-то снизу. Пауза.

Стук рядом, справа. Физпок приблизил размягчитель к стенке. Удар — и сантиметров тридцать грубо обработанного орудия из блестящего материала прошло сквозь обшивку. Изо всех сил

Физпок дернул его на себя, прошел сквозь стенку и вцепился во что-то мягкое. Втащил добычу за собой.

Туземец несколько напоминал Пак, но был меньше и плотнее. В руках он сжимал древко копья. Физпок резко ударил его по тому месту, где голова соединялась с плечами. Что-то сломалось, туземец обмяк. Физпок ощупал его, выискивая незащищенные места. В центре тела обнаружился участок, не прикрытый костями. Физпок изо всех сил вцепился в это место и не разжимал пальцев до тех пор, пока туземец не перестал сопротивляться. Очевидно, он был мертв.

Вдруг туземец начал дымиться.

Физпок наблюдал. Что-то, присутствующее в атмосфере грузового отсека, заставило тело туземца задымиться. Это давало определенные надежды. Копье свидетельствовало о невысоком уровне цивилизации. Вероятно, у них не было орудий, способных пробить стенку модуля. Ему не хотелось рисковать, но единственная возможность — выпустить наружу необходимый для дыхания воздух. Воздух мог бы сделать пыль, в которой они находились, ядовитой.

Он на мгновение приоткрыл шлем, принюхался и тут же быстро закрыл его. Но успел уловить

запах, который был чем-то знакомым… Физпок подумал, набрал немного воды и брызнул на ногу туземца. Вспыхнуло пламя. Физпок отпрыгнул. Из отсека он наблюдал, как горит туземец.

Выход оказался достаточно прост.

Физпок подсоединил шланг к цистерне с водяными запасами, а потом, пустив в ход размягчитель, вывел шланг наружу. Затем снова сделал корпус непроницаемым и включил воду. По всей обшивке бешено стучали. Внезапно стук прекратился.

В песок пришлось выпустить большую часть имевшейся у него воды.

Физпок подождал еще несколько часов, пока визг воздушной системы не упал до нормального. Потом он стащил с себя скафандр и надел на Бреннана. Пленник не обратил на это никакого внимания.

Вода должна была некоторое время удерживать туземцев от нападения. Но возможности Физпока были уже практически исчерпаны. Корабля у него больше не было, имеющийся двигатель был бесполезен, сам он погребен под слоем пыли. А теперь иссякли и запасы воды. Нить его жизни на глазах приближалась к завершению.

Физпок дремал.

«Голубой Бык», обогнув Солнце, оказался с противоположной стороны Системы. Он держал путь в открытый космос. Запаздывание связи между «Быком»и «У-Сантом» достигло тридцати минут. Соул и Гарнер ждали, зная, что любая информация дойдет до них с получасовым опозданием.

Марс был виден на заднем экране — диск в три четверти и неправдоподобно громадный.

Они уже задали все имеющиеся у них вопросы, приблизительно прикинули возможные ответы, нанесли на карту маршрут поиска. Маршрут пролегал в районе Лазис Солис. Люк скучал. Он забыл вмонтировать в свое кресло некоторые необходимые для физиологии устройства. Он думал, что Ник тоже скучает, но ошибался в этом. В космосе Ник молчал по привычке.

Экран вспыхнул, и на нем появилось лицо женщины. Динамик прокашлялся и заговорил:

— «У-Сант» вызывает Тина Джордан с «Голубого Быка»…

Люк понял, что женщина с трудом держит себя в руках. Тина справилась со своим голосом, после чего выпалила:

— У нас неприятности. Мы подвергли корень Постороннего лабораторному анализу, а Эйнар взял и откусил от него кусок. Эта проклятая шту-

ковина стала в вакууме на манер асбеста. Но он откусил кусок и проглотил прежде, чем мы успели остановить его. Не могу понять, зачем он это сделал. Это ужасно.

Эйнару плохо, очень плохо. Он пытался меня убить, когда я отбирала у него корень. Сейчас он впал в кому. Мы поместили его под наблюдение корабельного медика. Медик говорит, что имеющихся сведений недостаточно…

Они слышали ее прерывистое дыхание. Люк подумал, что смог бы увидеть, как на горле женщины проступают синяки.

— Мы просим разрешения отправить его к врачу-человеку.

Ник выругался и включил передатчик:

— Говорит Ник Соул. Отправляйте его. Затем заканчивайте с анализом этого корня. Не напоминает ли вам что-нибудь его запах? Соул закончил. — Ник отключил передатчик. — Что это на него нашло?

Люк пожал плечами:

— Проголодался?

— Эйнар Нильсон, во имя Финейгла! До того, как оставить политику, он в течение года был моим начальником. С чего его потянуло на этот самоубийственный фокус? Он же не дурак — Ник

шлепнул ладонью по подлокотнику кресла и начал нащупывать переговорным лазером Цереру.

За полчаса до того, как «Голубой Бык» повторил вызов, Ник получил досье на всех трех членов его команды.

— Тина Джордан — плоскостница, — сказал он. — Это объясняет, почему они дожидались приказа.

— Разве это нуждается в объяснении?

— Большинство зонников повернули бы обратно, как только Эйнару стало плохо. Корабль Постороннего пуст, транспортировка его никаких проблем не представляет. Ни одной причины для задержки. Но Джордан все еще плоскостница, ей все еще на каждую мелочь требуется спросить разрешения, а Ля-Пэн, вероятно, не счел свое мнение достаточно веским, чтобы спорить с ней.

— Возраст, — сказал Люк. — Нильсон был у них самым старым.

— И что из этого?

— Не знаю. К тому же, он из них самый высокий. Возможно, после того, как он почувствовал непривычный вкус… нет, черт побери, не могу я в такое поверить…

— «Голубой Бык» вызывает «У-Сант». Мы на обратном курсе. Идем на Весту. Анализ корня не

показал ничего необычного. Высокое содержание углеводов, включая правосторонние сахара. Белки, похоже, обычные. Витаминов нет вообще. Мы обнаружили два соединения, нам неизвестные, как утверждает Нат. Одно напоминает гормон тестостерон, но это определенно не тестостерон.

Запах корня ни на что не похож. Возможно, он несколько напоминает запах простокваши или сметаны. Воздух на корабле Постороннего был разряженный, с нормальным содержанием кислорода, без каких-либо ядовитых соединений. В воздухе по меньшей мере два процента гелия. Спектральный анализ материала, из которого сделан иллюминатор, показал… — Тина перечислила спектры элементов, больше всего оказалось кремния. — Медик по-прежнему расценивает заболевание Эйнара как неизвестную болезнь, сейчас, правда, состояние его стало несколько легче. Но, как бы там ни было, дела плохи. Еще вопросы?

— Не сейчас, — ответил Ник. — Пока не вызывайте нас, мы будем слишком заняты посадкой. — Он дал знак окончания передачи и принялся барабанить по корпусу приемопередатчика длинными, сужающимися к концу пальцами. — Гелий. Это кое-что должно для нас прояснить.

— Маленький мирок, не имеющий спутника, — предположил Люк. — Крупные спутники обычно сдирают с планеты ее атмосферу. Земля, не будь у нее большой Луны, до сих пор походила бы на Венеру. А гелий улетучивается первым, так ведь?

— Возможно. Будь эта планета маленькой, он тоже улетучился бы первым. Но не забывайте о силе Постороннего. Он явился к нам не с планеты-малышки.

Ник и Люк относились к породе людей, которые привыкли сперва думать, а потом говорить. Разговор на борту «У-Санта» прервался, чтобы потом продолжиться с того же места.

— Значит?

— Откуда-нибудь из газового облака с высоким содержанием гелия. В том направлении, откуда он появился, находится ядро галактики. И в том же направлении находится множество пылевых и газовых облаков.

— Вы не могли бы прекратить барабанить?

— Это помогает мне думать. Как вам курение.

— Тогда барабаньте. Но ведь это страшно далеко.

— На дальность расстояния, которое он прошел, ограничений нет. Чем быстрее движется корабль, оснащенный таранно-черпающим двигателем

Баззарда, тем больше горючего ему приходилось брать с собой.

— Ограничение должно распространяться на скорость. Она не может быть меньше той, при которой газ входит во взаимодействие с таранным полем.

— Верно. Расстояние должно быть не меньше того, что преодолел Финейгл при своем вознесении. Воздушный бак у него огромен. Посторонний проделал не близкий путь.

Автоматический медик был встроен в заднюю стенку над одной из трех больничных коек. Эйнар лежал на этой койке. Его рука была погружена в медика почти по плечо.

Тина рассматривала лицо Эйнара. Состояние его быстро ухудшалось. Но это не выглядело как болезнь, это напоминало постарение. За последние часы Эйнар состарился на десятилетия. Он нуждался в срочной помощи врача-человека. Но более сильное ускорение убило бы его, и поэтому все, чем они располагали, был все тот же «Бык».

Могли ли они остановить его? Если бы она закричала сразу… Но Эйнар сдавил ей горло, а потом было слишком поздно. Откуда у Эйнара взялись такие силы? Он мог бы убить ее.

Грудь Эйнара перестала двигаться.

Тина взглянула на указатели медика. Панель была сплошь покрыта этими датчиками. На космических кораблях имелось достаточно оборудования, чтобы вести наблюдения, не отвлекая внимания экипажа. Час за часом, через каждые пять минут, Тина поднимала глаза на эти приборы. Сейчас они все светились красным светом.

— Он умер, — произнесла она, услышала удивление в собственном голосе и изумилась этому. Стены кабины начали расплываться и удаляться.

Нат рывком выбрался из кресла пилота и склонился над Эйнаром:

— И вы только сейчас это заметили? Да он, должно быть, умер уже час назад.

— Нет, клянусь, я… — Тина глубоко вздохнула, борясь с подступающим обмороком.

— Посмотрите сами на его лицо и повторите то, что сказали!

Тина встала, ноги ее были как ватные. Она посмотрела на лицо Эйнара. Эйнар, мертвый, выглядел на сотни лет старше. Захлестываемая и горем, и чувством вины, и отвращением, она коснулась мертвой щеки.

— Он еще теплый.

— Теплый? — Нат дотронулся до трупа. — Да

он горячий. Лихорадка. Должно быть, он был жив еще несколько секунд назад. Простите меня, Тина. Я поспешил с выводами. Эй! С вами-то все в порядке?

— Насколько опасна посадка?

— К чему эта легкая дрожь героизма в голосе? — поинтересовался Ник. Это было чистейшей клеветой: Люк не проявлял ничего, за исключением интереса. — За мою жизнь мне приходилось делать пару сотен точно таких же. Для большего впечатления могу добавить, что так и не смог отыскать ничего такого, что заставляло бы вас сопровождать меня из Порта Долины Смерти.

— Вы утверждаете, что торопитесь?

— Утверждал, Люк. А теперь не могли бы вы в течение нескольких минут понаслаждаться тишиной?

— Ага!

Красная планета догоняла их, разворачиваясь, словно кулак, изготовившийся к драке. Добродушное настроение Ника улетучилось. Лицо его и взгляд сделались каменными. Он не был до конца искренен с Люком. За свою жизнь он сделал несколько сотен посадок, это верно. Но опускаться ему приходилось на астероиды, где гравитация равнялась нулю или около того.

Мимо них, в направлении, известном среди технического персонала под названием «выше корабля» прошел Деймос. Ник слегка потянул рычаг на себя. Марс сделался плоским и тут же на мгновение исчез, когда они повернули к северу.

— База должна быть вон там, — сказал Люк. — На северном конце этой дуги. А, вроде, вот она, в том маленьком кратере.

— Используйте телескоп!

— М-м… Черт побери. Там она. Видите ее, Ник?

— Да.

База напоминала выброшенный кем-то лопнувший воздушный шарик небесно-голубого цвета.

Навстречу пламени их двигателя, крутясь, поднялось облако пыли. Ник зло выругался и дал ускорение. Теперь Люк понял, насколько Ник изощрен в причудливом богохульстве. Когда он клялся Финейглом, это делалось шутки ради или для большей выразительности. Когда же он матерился, по христианскому обычаю, то именно таковы и были его намерения.

«У-Сант» замедлил ход и завис над поверхностью планеты. Сперва он находился над пылью, затем — в пыли, но постепенно оранжевые клубы сделались более разреженными и опали. По окружности к горизонту пронесся песчаный

вихрь. В первый раз за миллионы лет обнажилось скальное основание. Оно было коричневое, усеянное глыбами, в трещинах. В пламени двигателя окружающие скалы полыхнули белым пламенем, с резкими черными тенями. Там, куда било пламя, камень таял.

— Придется приземляться в кратере, — сказал Ник. — Как только я отключу двигатель, пыль потечет обратно.

Он повернул влево и убрал пламя. Пол ушел у них из-под ног. Они падали.

Они падали строго отвесно, соплом вниз. Коснувшись поверхности, корабль тяжело подскочил.

— Прекрасная работа, — заметил Люк.

— А я все время только такой и занимаюсь. Пойду обследую базу. Вы все увидите через камеру шлема.

Перед ним возвышалась кольцевая стена. Вся из округлых, древних, вулканического происхождения камней. Пыль капля за каплей со всех сторон стекалась обратно. Она текла словно патока, следуя малейшему наклону, чтобы лужей собраться вокруг вздрагивающих опор корабля. Кратер был в полмили диаметром. Примерно в центре его возвышался купол, окруженный

алчным морем пыли.

Ник, хмурясь, оглядывался. Похоже, до купола не добраться, не пересекая слой пыли, который мог быть не таким мелким, как казался. Кратер был древним, может быть, немного моложе самой планеты. Кроме того, его крест-накрест пересекали трещины более позднего происхождения. Края некоторых трещин были чуть ли не заостренными. Воздух был слишком разрежен, а пыль слишком тонкой, чтобы геологическое размывание происходило быстро. Прогулка здесь может плохо закончиться.

Ник начал обходить базу, начав с кольцевой стороны. Он шел осторожно. Некоторые трещины могут скрываться под пылью.

Над кратером в темно-фиолетовом небе висело маленькое яркое солнце.

От дальней стороны купола к кольцевой стене вела узенькая тропинка, выжженная в пыли лучом лазера. Должно быть, она была сделана переговорным лазером базы. Вдоль тропинки были пришвартованы лодки, но Ник не стал задерживаться для их осмотра.

В стене купола виднелось множество продольных разрезов. Внутри Ник обнаружил двенадцать высохших тел. Марсиане — персонал базы свыше

столетия назад. И, после того как Мюллер вновь наполнил купол воздухом, они убили Мюллера.

Ник по очереди обыскал маленькие строения. В некоторых местах ему пришлось проползать под прозрачными складками купола. Но никакого Постороннего ему не встретилось. Ни малейшего признака чьего-либо присутствия с тех самых времен, когда здесь побывал Мюллер.

— Я закончил, — сообщил он. — Что дальше?

— Вам придется таскать меня на загривке, пока мы не найдем песчаную лодку.

Лодки покрывала пыль. Были видны только широкие плоские их очертания того же цвета, что и окружающая пустыня. Двенадцать лет лодки ожидали следующей волны исследователей.

А исследователи утратили интерес к Марсу и ушли восвояси.

Увидеть их было все равно, что повстречаться с привидениями. Египетский фараон мог бы обнаружить такие привидения, поджидающие его в загробном мире: немые, ряд за рядом, сохранившие веру, идущие перед ним и ждущие, ждущие.

— Отсюда они выглядят неплохо, — заметил Люк. Он поудобнее устроился на плечах Ника. — Нам везет, Синдбад.

— Не говорите «гоп» раньше времени!

Ник направился к куполу, пересекая пылевое озеро. Сидящий на его плечах Люк был легким, и его собственное тело весило здесь мало. Но вместе они весили слишком много.

— Если я начну падать, то постарайся упасть на обочину.

— А вы не падайте.

— Пыль не принесет нам вреда. Вероятно, сюда должен подойти флот ООН. Чтобы забрать лодки.

— Мы их опередили. Вперед!

— Тропинка скользкая. Она вся покрыта пылью.

Три лодки выстроились в ряд с западной стороны. На каждой было по четыре сидения. На корме, ниже уровня пыли, укреплено по два винта, от скал в глубине их защищала сетка. Лодки были такими плоскими, что их утопила бы малейшая зыбь на море. Но на тяжелой пыли они держались хорошо.

Ник, не особенно церемонясь, свалил свою ношу на одно из сидений.

— Приглядите за ней, Люк, если она поедет. Я пошел в купол за горючим.

— Это, должно быть, гидравлик. С сжатым марсианским воздухом в качестве окислителя.

— Я просто поищу что-нибудь с надписью «го-

рючее».

Люку удалось включить компрессор, но мотор не заводился. Вероятно, высохли баки, решил он и выключил двигатель. Он обнаружил, что пузырчатый купол с задней стороны поврежден. Убедившись, что починку можно произвести вручную, он закрепился привязным ремнем от сиденья и заделал прореху. Его длинные руки с широкими запястьями никогда не теряли борцовской хватки. Вероятно, по краям будет течь, но если закрыть смотровой люк, а за ним поставить конвертор, превращающий окись азота наружной атмосферы в пригодные для дыхания азот и кислород…

Ник вернулся, неся на плече зеленый бак. Через инжекторный наконечник он заправил лодку. Лодка попыталась тут же уехать без Ника. Люк отыскал переключатель, перевел его на нейтральное положение, потом дал задний ход. Ник ждал, пока он вернется.

— Как мне пройти сквозь стенку купола?

— Полагаю, никак. — Люк разорвал оболочку, отклеил одну стенку для прохода Ника и заклеил ее снова. Купол начал медленно раздуваться.

— Лучше нам не снимать скафандры, — сказал Люк. — Пройдет час, а то и два, прежде чем мы

сможем здесь дышать.

— Тогда вы можете разорвать его снова. Надо было прихватить запас с корабля.

Прошло два часа, прежде чем они наполнили купол и начали искать проход в круговой стене. Проход окаймляли темные утесы песчаника. Утесы были старыми и чистыми — их очистил взрыв, между куполом и стеной пролегла искусственная, словно стеклянная, дорожка. Ник с комфортом устроился в одном из пассажирских кресел. Одна нога закинута на другую; глаза впились в экран опущенного вниз глубинного локатора.

— Кажется, глубина достаточная, — сказал он.

— Тогда я включаю, — ответил Люк. Винты завертелись. Корма сперва глубоко осела, потом выровнялась. Они скользили по пыли со скоростью десять миль в час, в кильватере за ними тянулись две прямые невысокие полосы.

Глубинный радар выявлял плотные объекты, на экране они показывались в трех измерениях. Под ними проплывало гладкое дно, правильной формы впадины и возвышенности, на которых за миллионы лет не осталось ни одной не сглаженной линии или точки. Вулканическая активность на Марсе была слабой.

Пустыня была плоской, как зеркало. Округлые

серо-коричневые скалы пробивались на поверхность нелепыми обелисками. Кратеры посреди пыли напоминали плохо изготовленные глиняные пепельницы. Некоторые были несколько дюймов в поперечнике. А другие — настолько большими, что увидеть их можно было лишь с орбиты. Горизонт казался прямым и близким. И острым как бритва. Он горел желтым светом понизу и кроваво-красным наверху. Ник посмотрел на удаляющийся катер.

Глаза его расширились, зрачки поехали к переносице. Что там?

— Черт… Держите его, — закричал он. — Поворачивайте! Скорей поворачивайте влево!

— Обратно к кратеру?

— Да.

Люк выключил один мотор. Нос лодки развернулся влево, но она по инерции продолжала скользить по пыли боком вперед. Затем включился правый винт. Лодка повернула обратно.

— Вижу его, — сказал Люк.

На таком расстоянии предмет был чуть больше точки, но ясно выделялся на однотонной поверхности пылевого моря. И предмет двигался. Двигался рывками, перекатываясь на боку на бок, останавливался передохнуть и двигался снова.

От кратера его отделяло несколько сотен ярдов.

Они приблизились, стало видно отчетливее. Предмет был цилиндрической формы, вроде короткой гусеницы, и полупрозрачным. И гибким, можно было видеть, как он изгибается, двигаясь. Он направлялся к проходу в стене кратера.

Люк передвинул рукоятку регулятора вниз. Песчаная лодка замедлила ход, осела глубже. Когда они проходили мимо, в руках Ника оказался сигнальный пистолет.

— Это он, — сказал Ник. В голосе его звучал благоговейный страх. Он пригнулся с пистолетом наготове.

Гусеницей оказался прозрачный, наполненный газом мешок. Внутри находилось что-то раскрашенное, медленно вращающееся, старающееся поближе подобраться к борту лодки. Стало ясно, что это чужак, именно такой, каким его показывали потом на экранах телевизоров. Он был гуманоидом, насколько может быть гуманоидом фигура, нарисованная из палочек. И он весь состоял из вздутий. Локти, колени, плечи, скулы выпирали шариками, грейпфрутами. Высилась, покачиваясь, лысая голова, словно голова гидроцефала.

Он ударился о лодку и остановил свое враще-

ние.

— Он выглядит достаточно беспомощным, — сказал Ник с сомнением в голосе.

— Что ж, выпустим наш воздух. — Люк раскрыл колпак лодки. Они вдвоем перегнулись через борт, подняли герметический мешок и бросили его на дно лодки.

Лицо чужака не изменило своего выражения. Вероятно, оно не могло изменяться.

Лицо это выглядело застывшим. Но произошло нечто странное. Протянулась рука, похожая на черную, в бороздах, древесину орехового дерева, большой и указательный палец соединились, образовав кружок.

— Должно быть, он научился этому от Бреннана, — сказал Ник.

— Ник, посмотрите на его строение. Полное подобие человеческого скелета.

— Слишком длинные руки для человека. И спина изогнута больше.

— Да-а-а. Что ж, мы не можем вернуться с ним сейчас на корабль и не можем объяснить ему дорогу. Придется ждать, пока пространство под колпаком вновь наполнится воздухом.

— Кажется, большая часть нашего времени уходит на ожидания, — сказал Люк. Ник кивнул.

Пальцы его барабанили по спинке сиденья. Уже двадцать минут маленький конвертор лодки заполнял пространство под колпаком, перерабатывая разряженную, ядовитую атмосферу.

Чужак вообще не двигался. Люк наблюдал за ним. Чужак лежал в своем воздушном мешке на дне лодки и ждал. Спрятанные в жестких морщинах человеческие глаза следили за Ником и Люком. Именно так, именно с таким терпением может ждать мертвец Судного дня.

— Но, по крайней мере, сейчас он в невыгодном положении, — сказал Ник.

— Нас ему не удастся похитить.

— Мне кажется, он сумасшедший.

— Сумасшедший? Побуждения его, может быть, и несколько странные.

— Вот вам доказательство. Он явился в Систему на корабле, словно специально созданном для того, чтобы доставить его именно сюда. Его воздушный бак был почти пуст. Нет никаких данных, что на его борту были хоть какие-то приборы безопасности. Насколько мы можем судить, он не делал попыток вступить с кем-то в контакт. Он убил либо похитил Бреннана. Затем он бросил свой корабль и отправился на Марс, вероятно, чтобы спрятаться. Теперь он покидает

свой спускаемый отсек… То, что осталось от Бреннана, тоже. В многослойном мешке он катится по марсианской пустыне, чтобы добраться до места, где скорее всего совершит посадку любой исследовательский корабль. Он — псих. Он сбежал из какого-то космического сумасшедшего дома.

— Вы упорно говорите «он». А ведь это — оно. Оно, задумайтесь над этим и вы поймете, что действовать оно должно непривычным для нас образом.

— Не имеет значения. Вселенная — есть рациональность. Чтобы выжить, их наука тоже должна быть рациональной, вне зависимости от того, кто это существо — «он», «она» или «оно».

— Еще пара минут, и мы сможем…

Чужак зашевелился. Его рука распорола мешок во всю длину. Ник мгновенно вскинул свой сигнальный пистолет. Мгновенно… Но чужак выбрался из длинного разреза и отобрал пистолет прежде, чем Ник успел на это среагировать. И все это без малейшего признака спешки. Он сел и положил пистолет на корму лодки.

Он заговорил. Речь его была полна щелканья, бульканья, шелеста. Плоский, твердый клюв, должно быть, мешал говорить. Но понять его было можно.

Чужак сказал:

— Доставьте меня к вашему руководителю.

Ник опомнился первым. Он прочистил горло и заявил:

— Путешествие туда займет несколько дней. А тем временем добро пожаловать в заселенную человеком часть космоса.

— Не бойтесь, — произнес монстр. — Очень жаль, но я должен вас разочаровать. Меня зовут Джек Бреннан, я — зонник. А вы — Ник Соул?

Страшную тишину взорвал смех Люка.

— А вы думали о нем, как о чужаке, приготовились встретить чужака… Ха-ха-ха…

Ник почувствовал, как панический страх сдавливает ему горло:

— Вы… Вы — Бреннан?

— Да. А вы Ник Соул. Я вас видел однажды. Но я не узнаю вашего друга.

— Лукас Гарнер. — Люк овладел собой. — Ваши фотографии на вас не похожи, Бреннан.

— Я сделал одну глупость, — сказал Бреннан-монстр. Голос его больше не был человеческим, он пугал не меньше, чем его внешность. — Я отправился на встречу с Посторонним. Вы пытались сделать то же самое, не так ли?

— Да, — в глазах и в голосе Люка проскальзы-

вало сардоническое веселье. Вне зависимости от того, верил он Бреннану или не верил, Люк наслаждался сложившимся положением. — Что такое Посторонний на самом деле, Бреннан?

— Если вам угодно играть определениями…

Ник Соул прервал их:

— Бреннан, ради бога, что с вами произошло?

— Это долгая история. Мы очень торопимся? Разумеется, нет — вам еще нужно запустить мотор. Прекрасно, я вам расскажу, что же произошло. Итак, соблюдайте почтительную тишину и помните, что именно к этому вы стремились. Стремились изо всех сил. — Бреннан тяжело посмотрел на обоих мужчин. — Я ошибся. Вы не подойдете. Вы оба слишком стары.

— Итак, наберитесь терпения. В ядре галактики, вблизи края шарового звездного скопления, живет раса двуногих…

Самое важное, что их созревание включает три стадии. Детство, что самоочевидно. Стадия производителя — то есть просто двуногие, со слаборазвитым умом, назначение которых — наплодить как можно больше потомства. И стадия защитника.

В возрасте примерно сорока двух лет, по нашему времяисчислению, индивид, находящийся

на стадии производителя, ощущает настоятельную необходимость поедать корень кустарника определенного вида. Вплоть до этого возраста производитель избегает питаться этим корнем, так как его запах представляется ему омерзительным. Кустарник растет по всей планете. Реальных шансов на то, что производитель, проживший достаточно долго и захотевший этот корень съесть, не мог его получить — нет.

Корень служит причиной определенных изменений — как физиологических, так и психологических. До того, как я перейду к подробностям, открою вам важный секрет. Раса, о которой я говорю, называет себя… — Бреннан-монстр резко щелкнул роговым клювом, — Пак. Мы называем ее «Нооа».

— Что? — Нику показалось, что его насильно, против его воли заставляют подняться. Но Люк, продолжая сидеть, уперся ему в грудь своими бессильными ногами, скаля зубы с видом колоссальнейшего наслаждения.

— Была послана экспедиция, которая совершила посадку на Земле около двух с половиной миллионов лет назад. Кустарник, который они привезли с собой, дал непригодные корни, так что ни один Пак на Земле не достиг стадии за-

щитника. Я достиг.

Когда производитель съедает корень, происходит ряд изменений. У него или у нее исчезают вторичные половые признаки. Размягчается череп, и мозг начинает расти. Он растет до тех пор, пока не становится намного больше и сложнее, чем ваш, джентльмены. Затем череп затвердевает и формируется костяной гребень. Зубы выпадают, все до единого. Десна и губы срастаются вместе, образуя твердый, почти плоский клюв. Мое лицо слишком плоское. Развитие «хомо хабилис» идет лучше. Выпадают все волосы. Очень разбухают суставы, что обеспечивает громадное увеличение мускульной силы. Увеличивается момент силы, понимаете? Кожа твердеет, покрывается морщинами, формируя подобие брони. Ногти превращаются во втяжные когти, кончики пальцев приобретают гораздо большую чувствительность. Сами пальцы становятся более приспособленными для производства орудий. Там, где отходят к ногам вены, формируется простое двухкамерное сердце. Точка соединения, как бы, черт возьми, ее не называли, и будет сердцем. Вы заметили, что в этом месте моя кожа толще? Ну, есть и другие, менее драматические изменения, но все они необходимы для того, чтобы

защитник представлял собой мощную, высокоразумную боевую машину. Гарнер, вы, кажется, больше не удивлены?

— Все это выглядит ужасно знакомым.

— Хотел бы я знать, заметили ли вы, что… Очень велики эмоциональные изменения. Защитник — это тот, кто не чувствует никаких обязанностей по отношению ко всему потомству Пак… Единственная для него настоятельная потребность — защищать потомство своего рода. Он узнает их по запаху. В данном случае его возросший интеллект большой роли не играет, поскольку его мотивациями управляют гормоны. Ник, вам не приходит в голову, что все эти изменения — лишь крайняя степень того, что происходит со всеми мужчинами и женщинами по мере их старения? Гарнер давно это понял.

— Да, но…

— Добавочное сердце, — вмешался Люк. — Как насчет него?

— Подобно увеличению мозга, оно не может формироваться без корня дерева жизни. Обычное человеческое сердце после пятидесяти, без современной медицинской помощи, перестает адекватно исполнять свои функции. В конце концов оно останавливается.

— А?...

— Вы, двое, находите это убедительным?

Люк решил приберечь свое мнение:

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Честно говоря, меня больше интересует, убедился ли Ник. Мое гражданство жителя Зоны зависит от того, смог ли я вас убедить, что я — Бреннан. Не говоря уже о банковском счете, моем корабле и грузе. Ник, я нашел сброшенный бак из-под горючего от «Маринера — 20». Он пришвартован к моему кораблю, который, когда я его оставил, шел на большой скорости сквозь Солнечную Систему.

— Он до сих пор делает то же самое, — ответил Ник. — Так же, как и судно Постороннего. Нам следовало бы что-нибудь предпринять для их возвращения.

— Очи Финейгла, да корабль Постороннего спроектирован не лучшим образом, я смог бы усовершенствовать его с завязанными глазами. Но за груз монополей можно купить всю Цереру.

— Сперва — первоочередное, — пробормотал Гарнер.

— Гарнер, этот корабль удаляется. А, понимаю, что вы подразумеваете. Вы боитесь, что инозвездное чудовище окажется вблизи космического ко-

рабля, пригодного для полета. — Бреннан-монстр коротко глянул на пистолет, затем, по-видимому, отказался от мысли силой завладеть лодкой. — Мы останемся здесь до тех пор, пока вы во всем не убедитесь. Договорились? Приходилось вам когда-нибудь заключать лучшую сделку?

— Только не с зонником, Бреннан; имеются веские доказательства, что человек находится в родстве с остальными земными приматами.

— В этом я не сомневаюсь. У меня есть некоторые соображения.

— Рассказывайте.

— Это касается той забытой колонии. Сюда прибыл большой корабль. Приземлились четыре посадочных судна примерно с тридцатью защитниками и большим количеством производителей. Годом позже защитники знали, что ими выбрана планета, не годящаяся для их планов. Необходимый им кустарник рос неправильно. С помощью лазера они послали сообщение, прося о помощи. Затем они погибли. Смерть от голода — обычная смерть для защитника, но, как правило, она добровольна. Здесь она наступила помимо их воли. — Ни в голосе, ни на похожем на маску лице Бреннана-монстра не отразилось никаких эмоций.

— Они погибли. Производители размножались бесконтрольно. Они располагали обширным пространством, а защитники, должно быть, уничтожили все опасные для них формы жизни. Что было дальше — не трудно предположить. Защитники умерли, но производители были приучены к их опеке и остались рядом с кораблем.

— И что же?

— Без наблюдения защитников ядерный реактор стал источником сильной радиации. Там должны были быть искусственно полученные расщепляющиеся элементы. Возможно, произошел взрыв. Возможно, нет. Радиация вызвала мутации, в результате которых появились различные формы — от лемуров до обезьян, от шимпанзе до древнего и современного человека.

— Это одна из теорий, — продолжал Бреннан-монстр. — Другая состоит в том, что защитники намеренно вызвали мутации среди производителей, чтобы те, приобретя новую форму, имели шанс выжить, пока не придет помощь. Результат получается тот же самый.

— Я в это не верю, — заявил Ник.

— Поверите. Вы уже поверили. Тому достаточно доказательств, особенно в религиозных верованиях и народных сказках. Какой процент

человечества на самом деле ожидает жизни вечной? Почему так много религий рассказывает о расе бессмертных существ, постоянно воюющих друг с другом. Как объяснить преклонение перед предками? Вы знаете, что происходит с человеком без помощи современной гериатрии: по мере старения его клетки мозга начинают отмирать. Почему же люди демонстрируют тенденцию уважать и слушаться стариков, откуда взялись ангелы-хранители?

— Память расы?

— Вероятно. Трудно предположить, что предания могут просуществовать так долго.

— Южная Африка, — сказал Люк. — Они должны были приземлиться в Южной Африке. Где-нибудь в районе Национального парка Олдувай-Годж. Там встречаются все виды приматов.

— Не обязательно. Может быть, одно из суден приземлилось в Австралии. Из-за металлов. Знаете, защитники могли просто рассыпать радиоактивную пыль и так все и оставить. Без естественных врагов производители размножались словно кролики. Радиация способствовала их изменениям. Со смертью защитников в них развились новые качества. Некоторые стали сильнее. Другие — подвижнее, третьи — умнее.

Разумеется, большая часть гибла. Шли мутации.

— Я, кажется, вспоминаю, — сказал Люк, — что процесс старения человека может быть сопоставлен с окончанием программы космического зонда. Поскольку зонд выполнил свое задание, не имеет значения, что с ним произойдет дальше. То же самое с нами, когда мы перешагнули возраст, в котором способны иметь детей…

— Эволюция идет через нас. Она дает вам толчок, и вы продолжаете двигаться только по инерции. Охраняете направление движения, но лишены корректирующих механизмов, — кивнул Бреннан-монстр. — Разумеется, корень обеспечивает программу для третьей стадии. Хорошее сращивание.

— Есть какие-нибудь соображения насчет того, что произошло на Земле с корнем? — спросил Ник.

— О, никакой тайны. Хотя некоторое время это и сводило с ума защитников Пак. Не удивительно, что такая маленькая колония не смогла выполнить эту задачу. В корне живет вирус. Вирус содержит гены, необходимые для того, чтобы производитель мог превратиться в защитника. Он не может существовать без корня, поэтому защитнику необходимо поедать этот корень все

время. Если в почве нет таллия, корень продолжает расти, но вируса в нем уже нет.

— Это очень сложно.

— Вы когда-нибудь работали на гидропонных фермах? Взаимосвязи в устойчивых экологических системах могут быть сложными. В мире Пак никаких проблем не возникало. Таллий — редкий элемент, но в звездных системах вторичного происхождения он достаточно распространен. И там корень растет повсюду.

— Откуда произошел Посторонний? — спросил Ник.

Свист и щелчок клювом:

— Физпок!

Потом:

— Физпок обнаружил старые записи, включая призыв о помощи. За два с половиной миллиона лет он был первым защитником, нашедшим способ отыскать Солнце, или, по крайней мере, сузить район поисков. И у него не было потомства, так что ему следовало поскорее определить для себя цель, пока не исчезла потребность в еде. Именно это происходит с защитником, если его род погибает. Полное отсутствие программы. Между прочим, можете отметить, что раса Пак обладает сильным иммунитетом против мута-

ции. Мутанты пахнут неправильно. Это может быть крайне важным в ядре галактики, где сильная радиация.

— Значит, он пришел оттуда с полным трюмом семян?

— И с мешками окиси таллия. Окись более пригодна для перевозок. Я удивлялся конструкции его корабля, но теперь вы сами можете понять, почему грузовой отсек располагался позади отсека жизнеобеспечения. Получить небольшую дозу радиации для него не страшно. Он уже не мог иметь детей.

— Где он сейчас?

— Мне пришлось его убить.

— Что? — Гарнер казался потрясенным. — Он на вас напал?

— Нет.

— Тогда… Я не понимаю.

Бреннан-монстр вроде бы заколебался. Потом сказал:

— Гарнер, Соул, послушайте меня. В двенадцати милях отсюда примерно под пятьюдесятью футами пыли находится часть чужого космического корабля, наполненная корнями, семенами, мешками с окисью талия. Корни, которые я могу вырастить из этих семян, сделают человека чуть

ли не бессмертным. Что дальше? Что мы будем делать со всем этим?

Два человека переглянулись. Люк, который, казалось, хотел сказать что-то, не открыл рта.

— Трудный вопрос, правда? Но не трудно догадаться, на что Физпок рассчитывал, не так ли?

Физпок дремал.

Он знал, что ровно через день ему придется разбудить Бреннана. Разумеется, он мог ошибиться. Но если он ошибся, значит, племя Бреннана, мутируя, стало слишком отличным от народа Пак.

Физпок мог дремать, зная, сколько времени у него в запасе. Марсиане не представляли опасности, хотя, возможно, против них и следовало что-либо предпринять. Дремота — это тонкое искусство защитника. Он продремал около десяти дней. В прошлом он дремал неделю, вплоть до того дня, когда он покинул планету Пак. Сенсорная стимуляция сокращала время его путешествия. Он летел в будущее.

Физпок дремал.

Все начнется, когда проснется пленник. Видно, что мозг его будет больше мозга Физпока, поскольку лицевой угол изменен выпуклостью лба. Пленник научится быстро. Физпок научит его как быть защитником, что делать с семенами и

корнями дерева жизни.

Были ли у производителя дети? Если да, то он сохранит секрет, используя дерево жизни для создания защитников из числа своих собственных потомков. Это было бы правильно. Если у него хватит разума, чтобы способствовать распространению своей семьи (избегая близкородственного скрещивания), то его род поглотит большую часть расы Пак этой звездной системы.

Вероятно, он убьет Физпока, чтобы сохранить тайну. Это тоже будет правильно.

В дремах Физпока присутствовал оттенок кошмара. Поскольку пленник выглядел не так, как надо. Его ногти развивались неправильно. Его голова, определенно, была неправильной формы. Эта лобная выпуклость… И клюв, такой же плоский, как и его лицо. Спина пленника не согнулась, ноги были не той формы, руки — слишком короткие. Его племя слишком долго мутировало.

Но на корень он реагирует правильно.

Будущее неопределенно… Если не считать будущего самого Физпока. Обучить пленника всему, что необходимо, если он только сможет. Придет день, когда Земля станет вторым миром Пак. Физпок сделал все, что было в его силах. Он обучит, а затем умрет.

Бреннан пошевелился. Согнутое тело распрямилось, он потянулся, раскрыл глаза. Он, не мигая, глядел на Физпока, глядел так, будто читал мысли защитника. Так смотрели все новые защитники, ориентированные на память. Только теперь они начинали приходить к пониманию.

— Я был бы удивлен, если бы вы поняли, как быстро это происходило, — сказал Бреннан-монстр. Он пристально посмотрел на стариков, один вдвое старше другого, но оба уже перешагнули возраст изменений. И удивился, что они могут быть его судьями.

— За два дня мы изучили языки друг друга. Его язык намного быстрее моего и более пригоден для моего речевого аппарата. Так что мы говорили на его языке. Он рассказывал мне историю своей жизни. Мы обсудили проблему марсиан, выбрали наиболее эффективный способ их уничтожения…

— Что?

— Их уничтожения, Гарнер. Черт побери, ими уже убито тридцать человек. Мы разговаривали практически безостановочно. И все это время мы упорно работали. Моя физическая подготовка. Воздух и воду, вплоть до последнего атома, мы переместили из системы жизнеобеспечения на

базу. Костюм Физпока, чтобы в нем можно было плавать в пыли. Я никогда прежде не видел базы. Мы экстраполировали план базы и выяснили, как вновь наполнить ее воздухом и как ее защищать.

На третий день он объяснил мне, как вырастить урожай дерева жизни. Он открыл ящик и рассказал, как разморозить семена, не повредив их. Он приказывал мне, словно я был всего лишь микрофоном компьютера. Я чуть было не спросил его: «У меня нет права выбора?» Но права выбора у меня не было.

— Не понимаю, — сказал Гарнер.

— У меня не осталось никакого выбора. Я стал слишком разумен. Вот что происходило каждый раз с момента моего пробуждения. Я узнавал ответ прежде, чем успевал сформулировать вопрос. Откуда взяться выбору, если я все время видел наилучший ответ? В чем моя свобода воли? Вы не можете поверить, насколько быстро это происходило. В одно мгновение я мог проследить всю логическую цепочку. Я ударил Физпока головой о край холодильника. Времени его беспамятства мне хватило на то, чтобы тем же краем перерубить ему горло. Затем я отпрыгнул, на тот случай, если он атакует меня. Я высчитал, что смогу про-

держаться, пока он не умрет от удушья. Но он не атаковал. Он не понимал, все еще не понимал.

— Бреннан, это выглядит как убийство. Ведь он же не собирался нападать на вас?

— Даже тогда — нет. Я был его самой главной надеждой. Он не мог даже защищаться из страха повредить мне. Он был старше меня, и он знал, как надо сражаться. Если бы он захотел, он бы мог меня убить, но он не смог захотеть. Тридцать две тысячи лет реального времени он нес к нам эти корни. И он полагал, что завершением его трудов являюсь я.

Думаю, он умер, веря, что достиг своей цели. Он наполовину ожидал, что я его убью.

— Почему, Бреннан?

Бреннан-монстр пожал похожими на дыни плечами:

— Он ошибся. Я убил его потому, что узнай правду, он постарался бы истребить человечество.

Он сунул руку в разрез кокона, в котором проделал путь в двенадцать миль по текучей пыли. Вытащил и показал своим судьям что-то, тихо жужжащее устройство для возобновления воздуха, изготовленное из приборов корабля Физпока. Затем он вытащил половину корня. Корень напоминал сырой сладкий картофель. Бреннан сунул

картофель под нос Гарнеру:

— Понюхайте.

Люк понюхал:

— Пахнет приятно. Запах похож на ликер.

— Соул?

— Приятно, а как на вкус?

— Если вы знаете, что он превратит вас в нечто, похожее на меня, станете вы его есть? Гарнер?

— Непременно. Мне бы хотелось жить вечно, я боюсь старости.

— Соул?

— Нет. Я не смог бы отказаться от секса.

— Сколько вам лет?

— Семьдесят четыре. День рождения был два месяца назад.

— Вы уже слишком стары. Вы были слишком стары уже в пятьдесят. Съели бы вы его добровольно в сорок пять?

Соул засмеялся:

— Вряд ли.

— Ну, вот вам и половина ответа. С точки зрения Физпока, мы — ошибка. Другая его половина состоит в том, что некий душевнобольной мог бы заняться распространением корня. На Земле. Или в Зоне. Или еще где-либо.

— Хотелось бы надеяться, что этого не будет. Но

позвольте выслушать ваши доводы.

— Война. Во все времена своей истории мир как никогда не был свободен от состояния войны. И естественно, что не был свободен, поскольку любой защитник нацелен на экспансию и на защиту своего рода от экспансии со стороны всех прочих. Знания постоянно теряются. Раса не способна ни минуты действовать совместно, если каждый защитник видит свою выгоду в том, чтобы переиграть остальных. Из-за этого не прекращающегося состояния войны никакой прогресс для расы Пак невозможен.

И мне заняться распространением этого корня на Земле? Можете вы вообразить себе тысячу защитников, каждый из которых решил, что их внукам необходимо больше пространства? Ваши восемнадцать миллиардов плоскостников и без того живут слишком тесно; свои возможности вы исчерпали.

Кроме того, на самом-то деле нам ни к чему дерево жизни. Гарнер, когда вы родились? В тысяча девятьсот сороковом или что-то в этом роде?

— В тридцать девятом.

— Гериатрия развивается настолько быстро, что мои потомки смогут жить тысячу лет. Мы станем долговечными и без дерева жизни, ничем

не жертвуя при этом.

— Теперь посмотрим на это с точки зрения Физпока, — продолжал Бреннан-монстр. — Мы — мутанты. Мы заселили Солнечную Систему и начали создавать межзвездные колонии. Мы нуждаемся в корне, и, даже если нам навязать его силой, защитники-мутанты в результате окажутся необычными. Физпок мыслил долговременными категориями. Мы — не Пак, мы не сможем принести пользу Пак и, надо полагать, когда-нибудь сможем достичь ядра галактики. Пак атакуют нас в то же мгновение, как только обнаружат и мы дадим им отпор. — Он пожал плечами. — И мы победим. Среди Пак нет единства. У нас оно есть. А наша технология окажется лучше, чем их технология.

— Наша лучше?

— Я говорил вам, что они не в состоянии развивать науку. То, что не может быть использовано немедленно, останется без применения до тех пор, пока кто-нибудь не передаст записи об этом в Библиотеку. Военные сведения не фиксируются никогда. Семьи хранят их в строжайшей, глубочайшей тайне. А те, кто обращается в библиотеку, — это бездетные защитники. Их мало, и уровень мотивации у них низок.

— А если бы вы попробовали найти с ними общий язык?

— Гарнер, мне его с вами не найти. Если бы он только начал понимать, он тут же бы убил меня. Он умел убивать защитников. У меня не осталось бы ни единого шанса. А после этого он постарался бы уничтожить человечество. Мы для него намного хуже, чем просто враждебно настроенные чужаки. Мы — искажение расы Пак.

— Но он не смог бы этого сделать. Он был один.

— Я придумал с полдюжины способов, которыми он мог бы воспользоваться. Ни один из них не дает полной гарантии, но рисковать я не имел права.

— Назовите хотя бы один.

— Засеять деревом жизни весь национальный парк Конго. Создать защитников из шимпанзе и мартышек.

— Но здесь он был как на необитаемом острове.

— Он смог бы захватить ваш корабль. Смог бы отобрать ваш дурацкий сигнальный пистолет так же быстро, как и я. Джентльмены, могу я обратить ваше внимание на то, что скоро заход Солнца? Не думаю, что вам понравится вести лодку обратно к кратеру в темноте.

Люк включил мотор.

— Мартин Шеффер на Церере вызывает Ника Соула на борту «У-Санта». Ник, не знаю, как идет ваша охота, но Фобос сообщает, что вы благополучно приземлились возле базы Олимп. Они все время следят за вашей песчаной лодкой. Вероятно, когда вы вернетесь, вы все найдете на ленте.

— Мы послали «Голубого Быка» вам навстречу, полагая, что вам может понадобиться компьютер в качестве транслятора. Командует Эйсаку Икеда.

— Эйнар Нильсон умер. О результатах вскрытия сообщим позднее.

— К судну Постороннего выслан корабль с горючим и оборудованием. Его уже сопровождают два одноместных корабля. Судно Постороннего оснащено надежными буксировочными канатами. Для его буксировки мы можем использовать и одноместные буксировочные корабли. Хотя это будет более трудоемким и потребует больше времени. Доставить его домой, в Зону, раньше, чем через пару лет, мы не сможем.

— Ник, когда подойдет «Бык», будь поосторожнее с Тиной Джордан. Не травмируй ее. Думаю, она винит себя за то, что случилось с Эйнаром. Она и без того перенесла сильное потрясение.

— Повторяю…

Люк причалил лодку, когда уже почти совсем стемнело.

— Вам придется подождать здесь, Бреннан, — сказал он. — Ник не сможет перенести нас обоих.

— Я покачусь, — ответил Бреннан-монстр.

Ник сошел на тропу и, неестественно торопясь, обогнул пылевую лужу.

— Успокойтесь, — недовольно предупредил Люк. — При таком освещении вам не удастся скакать рысью. Упадете и разобьете нам шлемы.

— Он намеревается первым войти в корабль, — резко произнес Ник.

Бреннан, катящийся прямо по пыли, на мгновение остановился.

— Помедленней. Вам не удастся обогнать его, а он не сможет подняться по трапу.

— Если он только не придумал способ. Если он… А, черт. — Ник замедлил шаг, Бреннан вкатился на откос и остановился в футе от лестницы «У-Санта». Смахивающий на полупрозрачную сосиску, он ожидал их.

— Ник, вы ему доверяете?

Прошло какое-то время, прежде чем Ник ответил:

— Я полагаю, его рассказ — правда. Он зонник. Или — бывший зонник.

Ругаясь, он не поминал Финейгла.

— Я, порой, тоже. И он узнал меня. Нет, говорю вам, он и в самом деле меня убедил. Он не спросил о жене, поскольку она сама о себе может позаботиться. Он спросил о грузе. Он — зонник.

— Тогда мы принимаем его историю. Антропологию и все прочее. Уф-ф.

— Его историю — да. Люк, я подниму вас наверх, а потом спущусь за Бреннаном. Но я не отправлюсь за ним до тех пор, пока вы не переговорите с Церерой. Я хочу, чтобы все это было записано прежде, чем я позволю ему подняться на борт судна. Я все еще не понимаю его побуждений.

— А-а.

— Он сам об этом сказал. У защитников другие побуждения.

Гарнер уже закончил, когда Бреннан выбрался из своего застегивающегося баллона. О задержке он упоминать не стал. Сказал только:

— Если вы беспокоитесь об оборудовании, то я могу обойтись без противоперегрузочного кресла. Кстати, я могу лететь даже снаружи, в грузовой сетке, если вы снабдите меня радиопередатчиком. Если моя собранная по кусочкам воздушная

установка откажет, то мне понадобится быстро оказаться внутри.

— Это не обязательно. Мы бы так и сделали, будь здесь тесно, но места хватает, — ответил Ник. Он протиснулся мимо Бреннана, содрогнулся, прикоснувшись к его сухой, жесткой коже, и опустился в кресло.

— Кажется, мы получили сообщение.

В тишине они прослушали голос Светляка Шеффера.

— Скверно насчет Нильсона, — сказал после этого Бреннан. — У него было немного шансов на то, что ему позволят съесть достаточное количество корня, даже если бы он не оказался слишком стар.

Никто не ответил.

— А знаете Шеффер прав. Действуя таким образом, вы в самом деле потратите пару лет, чтобы прибуксировать корабль Физпока.

— У вас найдется лучшая идея?

— Разумеется, у меня найдется лучшая идея. Вы глупец, Ник. Я смогу долететь до дома на этом корабле сам.

— Вы? — Ник уставился на него. — Когда это Посторонний обучил вас управляться с его механизмами?

— Он этого никогда не делал. Но я их видел, и они не кажутся мне безнадежно непонятными. Просто — более сложными. Я уверен, что смогу разобраться, как пилотировать корабль Постороннего. Все, что от вас требуется, — это доставить на корабль горючее и меня.

— Х-мм… А что будем делать с грузовым отсеком? Оставим, где он есть?

— Нет. Отсек снабжен гравитационным поляризатором.

— Да?

— Не говоря уже о запасе корней, который необходим мне, даже если вам он не нужен. Прибавьте сюда семена. Джентльмены, если вы наконец-то поняли, насколько возрос мой интеллект, то вам должно стать ясно, что представляют собой эти семена. Они гарантируют безопасность человеческой расы. Если нам действительно когда-нибудь потребуется лидер, то мы сможем просто подобрать бездетного сорокалетнего добровольца и предоставить ему или ей клочок земли, засеянный деревом жизни.

— Не уверен, что мне это нравится, — сказал Гарнер. — И тому же, гравитационный поляризатор не менее важен. Вы — вместе с флотом ООН — можете забрать его, пока мы с Ником добира-

емся до судна Физпока…

— Совсем просто… — заметил Соул.

— Какое-то время вам не придется тревожится насчет марсиан. Как раз перед тем, как оставить судно Физпока, я выпустил в пыль остатки воды. Никому не позволяйте входить в отсек без скафандра. Подробнее объяснять нужно?

— Нет, — сказал Гарнер. Он чувствовал себя как новичок, вставший на лыжи. Где-то он утратил контроль, и теперь события развивались слишком стремительно.

Ник заговорил, не скрывая раздражения:

— Погодите-ка. С чего это вам пришло в голову, что мы вам позволим лететь на корабле Постороннего?

— Потратьте немного времени и подумайте, — ответил Бреннан. — У вас в залог остаются мои запасы корня. И куда бы я направился с двигателем Баззарда? Кому бы я смог его продать? Где мне спрятаться — с моим-то лицом?

Лицо Ника утратило настороженное выражение. Где было его желание сотрудничать?

— Вероятно, это самый ценный артефакт во всей доступной человечеству Вселенной, — продолжал Бреннан. — Он удаляется со скоростью в несколько сотен миль в секунду. Каждая мину-

та, которую вы потратите на то, чтобы принять решение, обернется для вас лишними двумя часами возвращения корабля из межзвездного пространства. Вам придется расплачиваться за это перерасходом горючего и припасов. И часами человеческого труда. И задержкой. Не теряйте времени даром. Думайте.

Бреннан-монстр обладал способностью к саморасслаблению. Но когда-нибудь в будущем для него наступят периоды бешеной активности.

Они оставили Лукаса Гарнера на Фобосе, дозаправились и продолжили путь. После этого Гарнер не видел Ника семь месяцев. С Бреннаном он не встречался больше никогда.

Весь остаток своей жизни он помнил этот невероятный разговор. Бреннан на спине, задрав вверх колени, в чрезвычайно неудобной позе, бормотал позади кресла Гарнера своим наполовину нечеловеческим голосом. У него были трудности со звуками «в»и «у», но Гарнеру удавалось понять его. Голос Бреннана был полон щелкающих звуков.

Неясное напряжение, излучаемое Ником, прекратилось, когда корабль перешел на свободное падение. Марс медленно уменьшался, яркий и разнообразный ландшафт его краснел по мере

того, как смазывались детали.

— Дети. У вас есть дети, — внезапно вспомнил Люк.

— Я помню. Но не бойтесь. На их счет у меня нет особых намерений. Без этого у них будет больше шансов на счастье.

— Гормональные изменения не подействовали?

— Я как трутень — среднего рода. А они должны действовать еще долго. Я склонен думать, что необходимость смерти защитника после гибели его рода — искусственная. Обучение. У меня этого обучения нет. Нет и убеждения, что производитель не может быть счастлив или не находится в безопасности без того, чтобы предки постоянно указывали ему, что нужно делать. Ник, вы можете объявить, что Посторонний меня убил?

— Что? Зачем?

— Так будет лучше для детей. Я не могу повидаться с ними и не оказать воздействия на всю их жизнь. И для Шарлотты так тоже будет лучше. Я не могу надеяться в таком виде снова войти в человеческое общество. Для меня в нем больше ничего нет.

— В Зоне не станут к вам относиться как к калеке, Бреннан.

— Нет, — сказал Бреннан твердо. — Выделите мне астероид. Я поставлю купол и стану выращивать дерево жизни. Установите со мной ежемесячную связь с Цереры, чтобы я мог последовательно информировать вас о том, как оно развивается. Я оплачу все это новыми открытиями. Думаю, я смогу спроектировать управляемый человеком аппарат таранного типа. Лучший, чем у Физпока.

— Вы назвали его деревом жизни? — спросил Гарнер.

— Это хорошее название. Помните, Адам и Ева ели с дерева познания добра и зла. В соответствии с Книгой Бытия причина, по которой они были изгнаны вон, в том, что они могли так же вкусить от дерева жизни и жить вечно. «И стать как один из нас»— это сделало бы их равными ангелам. Сейчас это выглядит, словно оба эти дерева были одним и тем же.

Люк отыскал сигарету:

— Не сказал бы, что мне нравится идея о получении урожая дерева жизни.

— Мне еще меньше нравится идея о государственном секрете, — сказал Ник. — В Зоне никогда не было общегосударственных секретов.

— Надеюсь, мне удастся вас убедить. Я не могу

защищать своих детей, но я могу попробовать защитить всю человеческую расу. Если я буду необходим — я буду там. Если необходимость возрастет — у нас будет корень.

— Лекарство, весьма вероятно, окажется хуже болезни. — Люк щелкнул зажигалкой. — Ф-фу…

Узловатая рука протянулась из-за затрещавшего кресла, вытащила сигарету у него из губ и загасила о стенку.

Это потрясло Люка. Он с содроганием вспоминал об этом, проходя через двойные воздушные шлюзы, расположенные вдоль главной оси астероида Фермера.

Некогда астероид Фермера представлял собой глыбу железо-никелевого сплава приблизительно цилиндрической формы, двигающуюся между орбитами Марса и Юпитера. Затем его преобразовала техника зоны: заставила вращаться, разогрела металл почти до жидкого состояния и создала внутри пустоты. Астероид превратился в цилиндрический пузырь с радиусом в пять миль. Сила его тяготения, составляющая половину земной, обуславливалась его вращением. Здесь выращивались многие пищевые культуры Зоны.

Люк однажды уже посещал астероид Фермера. Он был в восторге от пейзажа его внутренней сто-

роны, с озером, похожим на обручальное кольцо, квадратами полей, рассыпанными перед ним, и над ним, и по бокам. Полей, которые вспахивали и бороздили крошечные трактора, — в десяти милях над его головой.

Воздушный люк, расположенный вдоль оси, пропустил его. Здесь было холодно. Масса астероида отгораживала его от Солнца, и сюда никогда не доходило тепло, идущее от продольного ядерного реактора. Здесь громоздились ледяные горы, сконденсировавшиеся из воздуха. Гора разламывалась, ее осколки катились по откосам вниз и таяли, давая начало рекам. По специально проложенным руслам реки стекали в похожее на обручальное кольцо озеро, которое опоясывало астероид Фермера. Здесь его встретил Соул и помог преодолеть склон, на котором Люка ждала инвалидная коляска.

— Могу догадаться, зачем вы здесь, — сказал Ник.

— Официально я по поручению Объединенного Совета Межзвездных Колоний. Он получил ваше требование послать предупреждение в Страну Чудес. Совету, правда, далеко не ясно, какое создалось положение, и я не смог оказать ему особой помощи.

— Вы получили мое сообщение, — немного резковато сказал Ник.

— Ник, в сообщении сказано немного.

Помедлив, Ник кивнул:

— Моя вина. Мне просто не хотелось говорить об этом… И сейчас не хочу, но раз уж об этом пошла речь… Было уже слишком поздно. Но вы знаете, мы просто так не сдаемся. Мы его проследили.

— Ник, что произошло?

— Когда мы прибыли с Бреннаном на место, уже была проделана значительная работа. Идея состояла в том, чтобы соединить воедино два одноместных судна, развернув их двигатели под углом в десять градусов. Затем к этой конструкции кабелем пришвартовать корабль Пак. На расстоянии восьми миль от отсека жизнеобеспечения. На небольшом ускорении мы смогли бы дотянуть его до нас. Но Бреннан сказал, что двигатель Пак способен развивать ускорение в десять раз большее.

Тогда мы высадились на этом шаре, отсеке жизнеобеспечения Пак, и Бреннан начал колдовать с приборами. Наблюдая за ним, я провел там пару суток. Оказалось, что можно делать прозрачным или весь корпус, или часть его. Это мы обнаружи-

ли попутно. Мы расширили отверстие, которое проделала Тина Джордан, и приспособили к нему воздушный шлюз.

Прошли два попусту потраченных дня, и Бреннан заявил, что он во всем разобрался, и от нас требуется только одно — заправить горючим секцию жизнеобеспечения. Он сказал, что если мы попытаемся буксировать судно назад, то нарушим работу всех систем безопасности. Гарнер, черт побери, разве я знал…

— Вы и не могли знать. Однако теперь это не имеет значения.

Ник провел рукой спереди назад по своему белому чубу.

— Был наспех сооружен трубопровод для перекачки горючего на корабль Пак. Бреннан настаивал на том, чтобы всю работу проделать самостоятельно. Но даже ему пришлось пользоваться противорадиационным скафандром и щитом. Его собственное судно мы пришвартовали с помощью буксировочного каната, просто на тот случай, если что-нибудь случится по дороге домой. Это была моя идея, Гарнер.

— Ха-ха.

— Он отправился в путь, взяв направление на Солнце. Мы пытались идти рядом, но он начал

маневрировать, чтобы опробовать приборы корабля. Мы сохраняли дистанцию. Тогда — он просто развернулся и пошел в межзвездное пространство.

— Вы пытались его поймать?

Ник взвыл:

— Что значит: «пытались». Мы летели рядом с ним. Я не хотел предпринимать ничего угрожающего, но он не выходил на связь, а у нас кончалось горючее. Я приказал Дубчеку и Тортону использовать их двигатели как оружие, если он не сменит курс.

— И что?

— Думаю, он включил поле таранно-черпающего двигателя Баззарда. Электромагнитный эффект оказался достаточным, чтобы наши приборы сгорели. Мы остались в космосе без аппаратуры и оборудования. Повезло, что хоть двигатели не взорвались. В конце концов до нас добрался заправочный корабль, и мы ухитрились произвести кое-какой ремонт. Все это время Бреннан набирал скорость.

— Великолепно.

— Черт побери, откуда мне было знать? Его запасы продовольствия остались у нас. Тот ящик с корнями был почти пуст. Оригинальный способ

самоубийства? Или он испугался того, что мы можем натворить, обладая пилотируемым судном, оснащенным двигателем Баззарда?

— Я так не думаю. И, Ник, вы знаете, что это такое. Помните, как он уничтожил мою сигарету?

Ник хмыкнул:

— Конечно. Он все время извинялся, но не мог допустить, чтобы вы курили. Я думаю, вам хотелось его ударить.

— Он — защитник. Чтобы он ни делал, все это для нашей пользы. — Люк нахмурился, вспоминая кого-то… Нет, это было все, что он мог вспомнить о ней. Учительница средней школы? — Он не хотел, чтобы мы владели кораблем Пак. Или не хотел, чтобы мы могли узнать о чем-то, заполучив это судно. Или же не хотел, чтобы мы что-то могли узнать от него.

— Тогда почему он потратил два месяца, оставаясь за орбитой Плутона? С двигателем Баззарда нельзя останавливаться на полдороге. Это влечет за собой добавочный расход горючего. И там вообще не было ничего, что…

— Так называемый кометный пояс. Большая часть комет основное свое время находится именно за орбитой Плутона. Плотность пояса невелика, но дело не в этом. Там также находится

десятая планета.

— Он не проходил вблизи Персефоны.

— Но он мог пройти вблизи каких-либо планет.

— …Верно. О'кей, он провел там два месяца, два своих последних месяца, насколько могли определить наши детекторы монополей. А прошлый месяц он снова начал двигаться. Мы следили за ним достаточно долго, чтобы убедиться в этом. Он идет с ускорением к Альфе Центавра. К Стране Чудес.

— Сколько ему потребуется времени, чтобы туда добраться?

— О, во всяком случае, лет двадцать двигатель развивает небольшое ускорение. Но мы можем предупредить их и принять решение, чтобы наши передатчики через пятнадцать лет повторили предупреждение. Просто на всякий случай.

— Отлично. Это сделать мы сможем. Что еще? Как вам известно, мы откопали грузовой отсек.

— Это всем известно. ООН тоже умеет хранить секреты.

— Мы уничтожили корни и семена. На самом-то деле эта идея никому не нравилась, но мы их уничтожили.

Прошло немало времени, прежде чем Ник

ответил:

— Хорошо.

— Хорошо или плохо, но мы это сделали. С гравитационным поляризатором мы вообще не смогли разобраться. Если это гравитационный поляризатор — Бреннан мог сказать и не правду.

— Это гравитационный поляризатор.

— Вы откуда знаете?

— Мы проанализировали запись курса Постороннего к Марсу. Его ускорение менялось в соответствии с изменением гравитационных градиентов: не только скорость, но так же и направление.

— Великолепно, это нам поможет. Что мы еще сможем сделать?

— Что касается Бреннана — ничего. Скорее всего, он умрет от голода. Тем временем мы постоянно будем знать, где он находится.

— Или где находится источник монополей.

— У него нет корабля без груза монополей, — сказал Ник, теряя терпение. — В настоящее время у него нет запасов пищи. Он мертв, Гарнер.

— Я все время не забываю, что он умнее нас. Если он найдет способ впасть в спячку, он доберется до Страны Чудес. Процветающая колония… И что же? Что он намерен делать со Страной Чудес?

— Что-то, о чем мы и думать не можем.

— Я так никогда и не узнаю — что. Я умру раньше, чем Бреннан достигнет Страны Чудес. — Люк вздохнул. — Бедный Посторонний. Проделать такой долгий путь, чтобы доставить нам корни.

— У него были благие намерения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИНТЕРЛЮДИЯ

Как описать промежуток в два столетия? Мера времени — события. За двести двадцать лет произошло многое. Иссохший труп Физпока закончил свой путь в Смитсонианском институте. Много спорили, к какому классу гоминид он относится. Его история — поскольку Бреннана не было — передавалась теперь из третьих рук. Но его скелет соответствовал скелету гоминид. Кость соответствовала кости. Лукас Гарнер умер, когда корабль Пак достиг середины пути. Поворотов корабль не делал. Двумя годами позже Ник Соул наблюдал, как магнитный след судна Бреннана миновал Страну Чудес и, по-прежнему с ускорением, Бреннан направился в никуда. А Ник хотел бы знать — куда именно.

База Олимп на Марсе была реконструирована, чтобы грузовой отсек корабля Физпока можно было изучать на месте. Это было легче, чем попытаться поднять его, противоборствуя притяжению планеты (гравитационный поляризатор все еще не работал). Исследовательская группа неохотно прекратила работу, так и не поняв, как

поляризатор действует. Для защиты от марсиан использовался помещенный в стационарную точку одноместный корабль, который двигателем расплавил пыль под базой.

Население Зоны значительно увеличилось. Множились покрытые куполами миры, некоторые из них были оборудованы двигателями, служащими для передвижения. Более трудной стала разработка шахт: наиболее богатые жилы были истощены. На всех астероидах возникли города. На одноместных кораблях летало все меньшее число зонников.

С Марсом столкнулся большой ледяной астероид. В результате возникли пылевые бури и не слишком сильные землетрясения, повредившие базу Олимп.

Колонии в межзвездном пространстве развивались и процветали. Широкое развитие вакуумной индустрии на Приносящем Несчастье привело к тому, что ландшафт планеты окутался атмосферой, подобной атмосфере Ист-Энда. На плато возникло общество угнетения. Население Страны Чудес увеличилось, и малочисленные поселения распространились по всему большому материку. Городам там предстоял долгий путь развития. Но мы добились, цивилизации развивались под

Землей — приходилось избегать зимних и летних ураганных ветров. Дом — один из таких миров, был заселен и процветал, извлекая выгоду из своей новой техники и ошибок, допущенных более старыми колонистами мира.

Лучи лазера поддерживали связь между Землей и ее колониями. Изредка на Юнону уходили автоматы таранного типа с линейным ускорителем. Автоматы несли с собой груз новых знаний. Почти сразу же большинство доставленных звездолетами «подарков» авансом оплачивались биологическими новинками — семенами и замороженными эмбрионами. Новости из колоний поступали редко, хотя Приносящий Несчастье и Дом обладали превосходными переговорными лазерами.

Проблема наркотиков на Земле начала исчезать еще во времена Люка Гарнера. Потенциальные наркоманы предпочитали мозговые электроды. Ощущения оказывались богаче, а цена — после первоначальных расходов на операцию — невелика. Мозговые электроды никому не причиняли беспокойства. Проблема электродов так никогда и не стала серьезной. К 2340 году она была практически решена. Люди научились справляться с ними.

Численность населения Земли сохранялась на стабильном уровне. Если в этом возникала необходимость, она поддерживалась силой оружия.

Гравитационный поляризатор, казалось, выходил за пределы человеческого понимания.

Получила развитие аллопластика. Она прошла долгий путь, решив проблему нехватки трансплантатов. Вместо органических трансплантатов использовались приборы. Граждане ООН даже постановили считать смерть лишь наказанием за определенного рода преступления. За уклонение от уплаты подоходных налогов, за незаконную рекламу. Непререкаемая власть, которой обладали армия и объединенная полиция наций, была во многом урезана.

Войн большого масштаба в эти времена не происходило.

Жизнь обитателей Солнечной Системы сделалась почти идиллической.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВАНДЕРВЕКЕН

1. Упрямство Вселенной имеет тенденцию
стремиться к максимуму.
2. Если что-то может происходить неправильно,
оно происходит неправильно.

Первый и второй законы Финейгла

Он проснулся. Холод жег его нос и щеки. Он проснулся мгновенно, открыл глаза и увидел черноту ночи и яркие ясные звезды. В огромном изумлении он сел. На это потребовалось некоторое усилие. Он был во что-то завернут — словно куколка в своей оболочке.

Тени горных вершин ползли по мере того, как передвигались звезды. Вдали за глыбистым горизонтом пылали огни города.

В то утро он шел по вершине — после недельного путешествия с рюкзаком за плечами. Он проделал весь маршрут, он шел по пещерам, милю за милей вверх по узким тропинкам, где его окружали безумие и пустота. Вверх, туда, где должны быть металлические поручни и го-

лые ступени, вырубленные прямо в скале. Свой последний ленч он съел там, на самой высокой вершине. Подготовка к спуску заняла много времени, его ноги протестовали против новой работы. Странное геологическое образование. Вершины вертикально тянулись вверх, словно пальцы, показывающие в небо. Потом… Что потом?

Однако теперь, по-видимому, он находился здесь, на полпути к вершине горы. Спальный мешок, в котором он очнулся, лежал посередине тропы.

Он не помнил, как заснул.

Контузия? Падение? Он высунул руку из мешка, ощупал себя в поисках повреждений. Ни одного. Он чувствовал себя прекрасно, никаких травм у него не оказалось. Воздух обжег холодом руку, и он удивился.

День был таким жарким.

А свой рюкзак он оставил в машине. Неделю назад он поставил машину на стоянке, тем же утром вернулся и засунул все свое снаряжение в багажник. Вместе со спальным мешком. Как мешок мог попасть сюда?

Путь сквозь вершины был достаточно опасным и при дневном свете. Элрой Трусдейл ничуть не

считал себя способным состязаться с вершинами в темноте. Он достал из рюкзака еду (из рюкзака, который тоже должен был находиться в машине, но сейчас, покрытый росой, лежал рядом с его головой) и начал ждать рассвета.

С рассветом он направился дальше. Ноги хорошо отдохнули, ему радостно было смотреть на пустые безлюдные скалы. Когда он преодолел невероятной трудности тропу, то громко запел. Никто не орал на него, чтобы он заткнулся. Ноги не болели, когда к полудню он преодолел подъем. Он подумал, что находится в прекрасной форме. Хотя только дурак отправился бы с рюкзаком по этим тропам. Не говоря уже о том, что ему захотелось дойти лишь до половины горы.

Когда он добрался до стоянки, Солнце стояло высоко.

Машина была надежно заперта, в таком виде он и оставил ее. Теперь он не насвистывал. Начиналась бессмыслица. Некий добрый самаритянин нашел его, лежащим без сознания на тропе (или сам его оглушил). Он не стал звать на помощь. Взломал машину Трусдейла, достал оттуда рюкзак, дотащил его до середины горы, чтобы завернуть Трусдейла в его же Трусдейла собственный спальный мешок. Какого черта?

Кому-нибудь потребовалась машина Трусдейла, чтобы потом его обвинили в каком-либо преступлении? Когда он открыл багажник, то чуть ли не ожидал увидеть там труп убитого. Но там ничего не было. Даже пятен крови. Он почувствовал облегчение и разочарование.

На музыкальном комбайне машины лежала кассета с посланием. Трусдейл вставил ее и прослушал.

«Трусдейл, говорит Вандерхэвен. Теперь вы, может быть, поняли, что из вашей юной жизни исчезли четыре месяца. Прошу меня извинить за это. Мне это было необходимо, а вы могли позволить себе эти четыре месяца потерять. И я намерен за эти месяцы заплатить вам по справедливости. Короче, всю вашу оставшуюся жизнь вы каждые три месяца будете получать по пятьсот кредиток ООН. При том условии, что вы не станете делать попыток узнать, кто я.

По возвращении домой вы найдете кассету с подтверждением от «Баретта, Хаббарда и Ву». Они ознакомят вас с деталями.

Поверьте мне, за эти четыре месяца вы не совершили ничего преступного. Вспомнить вы ничего не сможете. Вы занимались тем, что вы сами сочли бы интересным. Кроме того, вы полу-

чите за это деньги.

В любом случае, вы обнаружите, что идентифицировать меня было бы затруднительно. Образец голоса вам ничего не даст. Баретт, Хаббард и Ву обо мне ничего не знают. Ваша попытка потребовала бы затрат и оказалась бы бесплодной. И я надеюсь, что такую попытку вы не станете предпринимать «.

Элрой даже не шевельнулся, когда от кассеты с записью начал, клубясь, подниматься едкий дым. В какой-то мере он ожидал этого. В любом случае, голос этот он узнал. Его собственный. Должно быть, он наговорил эту ленту для… Вандерхэвена… в тот период, о котором ничего не помнит.

Он заговорил, обращаясь к почерневшей ленте:

— А ты не врешь сам себе, Рой, не врешь?

Он вылез из машины, дошел до туристского бюро и купил утреннюю ленту новостей. Комбайн все еще работал, хотя катушка с посланием превратилась в обугленный комок. Он прокрутил ленту до даты 9 января 2341 года.

А это произошло с ним 3 сентября 2340 года. Он пропустил и Рождество и Новый год. На что он потратил четыре месяца? Гнев нарастал в нем. Трусдейл поднял телефонную трубку. Кто зани-

мается похищениями людей? Местная полиция или армия?

Какое-то время он держал трубку в руке. Потом положил ее обратно.

Он понял, что и не собирался звонить в полицию.

Пока машина несла его обратно в Сан-Диего, Элрой Трусдейл бился в своего рода ловушке.

Он лишился своей первой (и вплоть до настоящего времени — единственной) жены из-за присущего ему нежелания тратить деньги. Она достаточно часто говорила ему, что это существенный недостаток. Так никто не делал. В мире, где никто не умирал от голода, стиль жизни был более важным, чем надежный кредит.

Он не всегда был таким.

От рождения Трусдейлу была определена твердая сумма, которая по замыслу могла сделать всю его жизнь пусть не богатой, но комфортабельной. Так могло и быть, но Трусдейлу хотелось большего. В возрасте двадцати пяти лет он уговорил своего отца выдать ему все деньги. Он хотел сделать некоторые капиталовложения.

Если бы дело удалось, он стал бы богачом. Но всему помешало жульничество. Где-то на Земле или в Зоне жил в роскоши человек, которого то ли

можно, то ли нельзя было именовать Лоуренсом Сент-Джоном Мак-Ги. Даже при его образе жизни он не мог растратить все, что имел.

Может быть, реакция Трусдейла была слишком сильной. Но у него не было подлинных талантов, он не мог с уверенностью на себя полагаться. Теперь он это знал. Он стал продавцом в обувном магазине. А до этого работал на станции обслуживания, снабжая батареями проходящие машины и проверяя, как у них работают моторы и пропеллеры. Он был заурядным человеком. Он следил за своей формой потому, что так делали все. Полнота и вялые мускулы рассматривались как легкомыслие по отношению к себе. После того как Лоуренс Сент-Джон Мак-Ги украл его счастье, Трусдейл отказался от бороды. Превосходнейшей бороды. У работающего человека нет времени отрастить добротную бороду. На жизнь — две тысячи в год. Трусдейл не мог отказаться от денег.

И теперь он оказался в ловушке, запертый туда своим собственным «существенным недостатком». Проклятый Вандерхэвен. Он, должно быть, продавая себя, вступил с Вандерхэвеном в соглашение. Это был его собственный голос на ленте с посланием.

Подожди. Может, там никаких денег и нет…

Просто дешевое обещание, чтобы сплавить Трусдейла на несколько сотен миль на юг, чтобы Вандерхэвен получил несколько добавочных часов.

Трусдейл позвонил домой. В запоминающем устройстве телефона его ожидает цена четырех месяцев. Он назвал шифр «Баретт, Хаббард и Ву»и ждал, пока запоминающее устройство отыщет искомое.

Сообщение было на месте. Он прослушал его. В нем говорилось то, что он и ожидал.

Он вызвал лучшее Деловое Бюро.

Да, у них есть сведения о «Баретт, Хаббард и Ву». Это фирма, завоевавшая репутацию в своей области, специализирующаяся в общем законодательстве. Он получил от информатория их номер.

Баретт оказалась элегантно одетой женщиной средних лет. Она вела себя уверенно и резко. И не пожелала ему вообще ничего сообщить даже после того, как он удостоверил свою личность.

— Все, что я хочу знать, — сказал он, — это — гарантирует ли ваша фирма выплаты. Этот Вандерхэвен обещал мне по пятьсот кредиток каждый квартал. Если он прекратит выплату вам, то, тем самым, он прекратит ее и мне, не так

ли? Невзирая на то, согласен ли я с условиями договора.

— Это не так, мистер Трусдейл, — холодно ответила дама. — Мистер Вандерхэвен выплачивает вам ежегодную ренту. Если вы нарушите заключенные с ним условия договора, рента перейдет… Разрешите посмотреть… Навсегда перейдет к институту реабилитации преступности.

— Ого! И условия договора таковы, что я не должен пытаться узнать о том, кто такой мистер Вандерхэвен.

— Грубо говоря, да. Это можно было вполне ясно понять из сообщения, которое…

— Я его знаю.

Он повесил трубку. И задумался. Две тысячи в год, всю жизнь. И это оказалось на самом деле. Прожить на такие деньги было бы трудновато, но они явятся таким милым дополнением к его жалованью. Он уже придумал с полдюжины способов, на что можно будет потратить первые выплаты. Можно будет даже подыскать себе другую работу…

Две тысячи в год. Непомерная цена за четыре месяца работы. Работы какого рода? Что он делал эти четыре месяца?

И откуда Вандерхэвен знал, что этого окажется

достаточно?

«Вероятно, я рассказал ему о себе, — раздраженно подумал Трусдейл. — Сам себя предал».

По крайней мере, его не обманули. Пять сотен каждые три месяца. Приобщиться к роскошной жизни… И до самого ее конца испытывать желание узнать. Но обращаться в полицию он не станет.

Он не мог припомнить, чтобы его так раздирали когда-нибудь противоречивые желания.

Он принялся за прослушивание других сообщений, накопившихся в запоминающем устройстве телефона.

— Но вы это сделали, — сказал лейтенант Армии. — Вы здесь.

Лейтенант был мускулистым человеком с квадратными челюстями и недоверчивыми глазами. Взгляните в эти глаза попристальнее — и вы сами начнете сомневаться во всем том, о чем вы ему только что ему рассказали.

Трусдейл пожал плечами.

— Что заставило вас изменить решение?

— Снова деньги. Я начал прослушивать сообщения в своем телефоне. Там было извещение от другой юридической фирмы. Вам знакомо имя «Миссис Джакоб Рендолл»?

— Нет. Минутку. Эстелла Рендолл? Президент клуба Струльдбругов до… Хм.

— Она была моей пра-пра-пра-пра-бабушкой.

— И она умерла в прошлом месяце. Мои соболезнования.

— Спасибо. Я… Я, понимаете, не часто виделся с Большой Стеллой. Может быть, дважды в год. Раз — на праздновании ее дня рождения, раз — на Рождество или что-нибудь в таком духе. Вспоминаю, как мы вместе завтракали вскоре после того, как я обнаружил, что потерял все свои деньги. Она была вне себя. Ох, парень… Она предложила меня финансировать, но я отказался.

— Гордость? Это могло бы случиться с каждым. Лоуренс Сент-Джон Мак-Ги занимается старой и изысканной профессией.

— Я знаю.

— Она была самой старой женщиной в мире.

— Знаю.

Президентом Клуба Струльдбругов становился самый старый его член. Это был почетный титул. Делами обычно занимался действующий Президент.

— Когда я родился, ей было семьдесят три года. Дело в том, что никто из нас никогда не верил, что она умрет. Полагаю, это звучит не глупо?

— Нет. Много ли людей умирают в двести лет?

— Затем я прокрутил эту ленту от Бекета и Холлинтбрука. Она умерла! И я унаследовал около полумиллиона кредиток. Из невероятного, должно быть, состояния. У нее было столько пра-пра… правнуков, что их число могло бы превысить любую нацию в мире. Вы бы видели приемы в ее дни рождения.

— Понимаю, — глаза военного пристально уставились на него. — Итак, теперь деньги Вандерхэвена вам не нужны. Сейчас для вас две тысячи в год — семечки.

— И из-за этого сукиного сына я пропустил ее день рождения.

Военный откинулся назад.

— Вы рассказали странную историю. Я никогда не слышал о такой амнезии, после которой вообще не остается воспоминаний.

— Я тоже. Это — как если бы я уснул и проснулся через четыре месяца.

— Но вы даже не помните, как засыпали.

— Именно.

— Так могла бы оглушить пуля… Ну, мы подвергаем вас глубокому гипнозу и посмотрим, что у нас из этого получится. Полагаю, у вас нет никаких возражений? Вам придется письменно

зарегистрировать свое разрешение.

— Прекрасно.

— Да, вот еще, вам может не понравиться то, что мы обнаружим.

— Я знаю. — Трусдейл уже подготовил себя к тому, что может быть обнаружено. Голос был его собственный. Что может испугать его, если он вспомнит о себе?

— Если в то время, о котором вы можете вспомнить, вы были замешаны в каком-либо преступлении, вам, возможно, придется понести наказание. Для алиби ваша амнезия не оправдание.

— Рискну.

— Отлично.

— Думаете, я это сфальсифицировал?

— Такая мысль у меня мелькнула. Узнаем.

— О'кей. Просыпайтесь, — сказал голос. И Трусдейл очнулся, словно человек, слишком внезапно разбуженный. Сны умирали в его мозгу.

Голос принадлежал Микаеле Шортер, широкоплечей, чернокожей женщине в свободной голубой рабочей блузе.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Прекрасно, — ответил Трусдейл. — Удачно?

— Очень странно. Вы не просто ничего не

помните, что произошло за эти четыре месяца. Вы даже не сознавали течения времени. Как если бы вы все это время спали.

Лейтенант Армии сидел в стороне. Трусдейл не видел его, пока лейтенант не заговорил:

— Вам известно о каких-либо медикаментах, которые могли бы вызвать такое?

Женщина покачала головой.

— Доктор Шортер — специалист в области судебной медицины, — пояснил лейтенант Трусдейлу. — Похоже, что кто-то выдумал нечто новое.

Затем он обратился к доктору Шортер:

— Это может быть что-то совершенно новое. Почему бы вам не воспользоваться компьютером?

— Воспользовалась, — коротко ответила доктор. — Во всяком случае, таких медикаментов не выявлено. Выглядит это так, словно он, будучи оглушенным, уснул, а затем провел четыре месяца в замороженном состоянии. За исключением того, что тогда можно было бы выявить следы оттаивания: разрывы клеток ледяными кристаллами и тому подобное. — Она быстро взглянула на Трусдейла. — Не поддайтесь опять моему голосу.

— Не поддамся. — Трусдейл встал. — Чтобы ни

было сделано со мной, это делалось в лаборатории, не так ли? Если это было таким новым. Это несколько сужает район поисков, верно?

— Сужает, — согласилась доктор Шортер. — Я бы поискала побочный продукт генетических исследований. Что-то способное разлагать РНК на составные части.

— Мы думали, что тот, кто схватил вас в горах, — проворчал лейтенант, — тоже должен был оставить какие-нибудь следы. Но и их не было. Машина была бы засечена радаром. Вандерхэвену пришлось нести вас вниз на себе, до стоянки, а это около… м-м… Четырехсот метров. И когда вокруг никого не было.

— Это же невероятно опасно — на тех тропинках.

— Знаю. У вас есть лучшее объяснение?

— Неужели вы ничего не узнали?

— Насчет денег? Ваша машина оставалась на стоянке потому, что плата за нее была внесена авансом. То же самое и с вашей ежегодной рентой. Все взято со счета, зарегистрированного на имя Вандерхэвена. Счет новый, и он уже закрыт.

— Вымышленное имя?

— А вам это имя ничего не напоминает?

— Нет. Голландец, наверно.

Лейтенант кивнул и поднялся. Взгляд доктора Шортер выражал нетерпение. Ей хотелось поскорее вновь стать хозяйкой своего кабинета.

Полмиллиона кредиток — изрядная сумма. Трусдейл потешил себя идейкой послать своего босса ко всем чертям… Но вопреки традиции, Джером Линк не заслуживал обхождения такого рода. Не следует показывать, что ему, Трусдейлу, не терпится подать на расчет. И Трусдейл (как и положено, за месяц) написал заявление об увольнении.

Став временной, работа оказалась более приятной. Продавец в обувном магазине… Он встретил здесь столько интересных людей. Однажды он пристально уставился на машину, которая отливала обувь по мерке. Замечательное, восхитительное приспособление. Раньше он никак не мог понять этого.

В свободные от работы часы он планировал, как, освободившись, он посвятит свое время осмотру достопримечательностей.

Когда завещание Большой Стеллы вступило в силу, Трусдейл возобновил знакомство с бесчисленными родственниками. Те не заметили его ни на похоронах, ни на последнем приеме, устроенном в честь ее дня рождения. Где он был?

— Отвратительный случай, — ответил Трусдейл. И в тот же вечер ему пришлось рассказывать свою историю с полдюжины раз. Это доставляло ему извращенное удовольствие: ведь Вандерхэвен не желал гласности.

Удовольствие, им испытываемое, дало трещину, когда сводная троюродная сестра заметила ему:

— Так вас снова обокрали. Похоже, вы испытываете склонность к тому, чтобы вас обворовывали, Рой.

— Больше такое не повторится. Собираюсь изловить этого сукиного сына, — сказал Трусдейл.

За день до этого он зашел в Штаб Армии. С трудом вспомнил имя мускулистого лейтенанта. Робинсон, вот как его звали. Робинсон кивнул ему из-за изогнутого стола и сказал:

— Заходите. Наслаждаетесь жизнью?

— Отчасти. Как дела? — Трусдейл сел. Его офис был меньше, но комфорта было больше, со встроенными в стол кранами для кофе и чая.

Словно бы довольный вторжением, Робинсон откинулся за своим столом:

— Результаты, в основном, отрицательные. Мы все еще не знаем, кто вас похитил. Мы не смогли проследить путь денег, но убедились, что

они исходят не от нас. — Он поднял глаза. — Вы, кажется, не удивлены?

— Я был уверен, что вы меня проверите.

— Верно. Предположим на мгновение, что некто, кого мы будем именовать Вандерхэвеном, обладает особым средством, вызывающим амнезию. Он может продавать его тем, кто намеревается совершить преступление… Вроде убийства родственницы с целью получения от нее наследства.

— Я не убивал Большую Стеллу.

— Несмотря на то, что вы этого не делали, Вандерхэвен мог бы даже заплатить вам и здоровенную сумму. Нелепая идея. Кроме того, что вы этого не делали, мы обнаружили еще два случая селективной амнезии вашего типа. — На столе имелся ввод компьютера. Лейтенант включил его. — Первый произошел с Мари Боесалс, исчезнувшей на четыре месяца в 2220 году. Она не сообщила об этом. Армия заинтересовалась ею потому, что она перестала лечиться от болезни почек. Казалось вероятным, что она получила человеческий трансплантат. Но она рассказала очень странную историю, весьма напоминающую вашу. Включая годовую ренту.

Затем был Чарльз Моу, исчезнувший в 2241

году и вернувшийся через четыре месяца. Он также получил годовую ренту, но выплаты прекратились по той причине, что деньги присвоило себе «Страхование судьбы». Это привело Моу в такую ярость, что он обратился к нам. Естественно, Армия начала выявлять другие аналогичные случаи, но не обнаружила ничего. В течение столетия. Пока не появились вы. — И выплата вашей ренты прекращена. В двух предыдущих случаях деньги переходили на исследование проблем протезирования. Сто лет назад еще не существовало реабилитации преступного поведения. Преступников пускали на органические трансплантаты.

— Верно.

— В других отношениях эти случаи были точно такими же. Похоже на то, что мы разыскиваем Струльдбруга. Соответствует время: самый ранний случай произошел сто двадцать лет назад. Соответствует имя Вандерхэвен. Соответствует интерес к проблемам протезирования.

Трусдейл задумался. Струльдбругов было немного. Минимальный возраст для принятия в члены этого чрезвычайно изысканного клуба застыл на ста восьмидесяти одном годе.

— Конкретно вы кого-нибудь подозреваете?

— Если бы даже так и было, я не имел бы права сказать вам об этом. Но — нет. Миссис Рендолл, определенно, умерла естественной смертью, и она, так же определенно, не была Вандерхэвеном. Если она и была каким-то образом с ним связана, то обнаружить этого мы не смогли.

— Вы проверили Зону?

Робинсон резко взглянул на него.

— Нет. Зачем?

— Просто подумалось.

Удаление во времени равно удалению в пространстве?

— Ну, мы можем послать запрос. Может быть, и у них были такие случаи. Я, лично, не знаю, что можно предпринять еще. Мы не знаем ни почему это делалось, ни как.

Для всех потенциальных туристов-рюкзаконосцев, живших на Земле в 2341 году, места не хватало. Не хватало всех взятых вместе национальных и интернациональных парков. Список на очередь в джунгли Амазонки растянулся на два рода. В других парках существовали такие же списки.

Элрой Трусдейл пронес свой рюкзак через Лондон, Париж, Рим, Мадрид, Марокко, Каир. От города к городу его доставляли сверхзвуковые

поезда. Он ел в ресторанах, в которых кредитные карточки предъявлялись раньше, чем обезвоженные продукты. Это было тем, о чем он мечтал долгое время, когда денег у него не было.

Он видел пирамиды, Эйфелеву башню, Лондонский Тауэр, Пизанскую башню, и все это было настоящее. Он видел Долину Упавших. Вместе с дюжиной иноплеменников он прошел по дорогам Рима.

Повсюду встречались другие рюкзаконосцы. На ночь они разбивали лагерь в местах, отведенных для них городами — обычно в старых гаражах или на заброшенном шоссе. Они разжигали лагерный костер, каждый давая огонь из своих переносных печурок, а потом сидели вокруг костра и учили друг друга песням. Когда они начинали надоедать ему, Трусдейл останавливался в гостинице.

Он износил свои носки для пеших прогулок, купленные по бешеной цене, и приобрел новые у лагерного торгового аппарата. Ноги его стали твердыми как дерево.

Месяц такой жизни — но Трусдейл и не думал ее прекратить. Что-то влекло его повидать все, что есть на Земле. Отказавшись от других возможностей, он отправился в необжитой район Австралии, вероятно, наименее популярный из

всех национальных парков. Он провел там неделю. Он нуждался в тишине и пространстве.

Затем — Сидней. И девушка с прической зонницы.

Ее спина была обращена к нему. Он видел «конский хвост» ее остриженных волос, черных и волнистых, почти достигающих талии. Большая часть ее черепа была голой и дочерна загоревшей (как и ее тело). Посередине — хохол, шириной в два дюйма.

Лет двадцать назад это действовало бы на нервы. Носить хохол жителя Зоны считалось причудой. Но это прошло, и теперь девушка выглядела отзвуком далекого прошлого… Или настолько отдаленного расстояния? Она была высокой, как все зонницы, но с гораздо лучше развитой мускулатурой. И была одна. Она не присоединилась к группе, собравшейся вокруг лагерного костра на другом конце восьмого этажа десятиэтажного гаража.

Прозвучала неожиданная песня, эхом отразившись от бетонного пола и потолка. «Я родилась около десяти тысяч лет назад… Когда мы высадимся на Луне, я покажу им, как…»

Настоящая зонница? Туристка?

Через лабиринт спальных мешков Трусдейл

пробрался к ней.

— Простите, — сказал он. — Вы зонница?

Она повернулась:

— Да. Что из этого?

Глаза ее были коричневыми. Лицо ее было привлекательным на любой вкус, но отнюдь не любезным. На приглашение она отреагировала отрицательно. Возможно, ей не нравились плоскостники? И, наверняка, ей уже изрядно надоели заигрывания.

— Я хочу рассказать жителю Зоны одну историю.

Она сдвинула брови: жест раздражения.

— Почему бы вам не отправиться в Зону?

— Мне никак не попасть туда сегодня вечером, — резонно возразил он.

— Прекрасно. Начинайте.

Трусдейл рассказал ей о похищении на вершинах. Он говорил гладко. Быстро. И уже жалел, что не отправился просто спать.

Она слушала с плохо скрытым терпением, потом поинтересовалась:

— Чего ради вы все это мне рассказали?

— Ну, были еще два случая похищения такого же рода. Оба очень давно. Я хотел бы знать, не случалось ли чего-нибудь подобного в Зоне?

— Не знаю. Возможно, есть записи в архивах золотомундирников.

Он лежал в своем спальном мешке, закрыв глаза, скрестив руки на груди. Завтра… Бразилия? Остальные все еще пели:

«Ведь раз меня заметил Амра, мне остается лишь проклясть мою, почти потерянную, жизнь.

Потому что когда начинается сражение, кровь течет как вода.

Я всего лишь смола, которую раздавил корабль команды Вандерхэвена…»

Глаза Трусдейла широко распахнулись.

«… И это самая странная вещь, которую когда-либо сделает человек.

Похоже на то, что он подыскал себе скверное местечко «.

Рюкзаконосцы склонны вставать с рассветом. Некоторые предпочитают отыскать ночной ресторан для завтрака. Другие готовят себе еду сами. Когда девушка поднялась, Трусдейл как раз варил замороженно-обезвоженные яйца.

— Помните меня? Меня зовут Алис Джордан.

— Рой Трусдейл. Берите яйца.

— Благодарю.

Он передал ей пакет, содержимое которого перемешал с водой и налил ей вместе с осадком.

Наутро она была другой: отдохнувшей, более молодой на вид и не такой грозной.

— Я кое-что вспомнила этой ночью. О случаях, похожих на ваш. Они действительно были. Я — золотой мундир, и я слышала о подобных происшествиях, но ни разу не удосужилась поинтересоваться подробностями.

— Вы — золотой мундир?

Легавая? Кстати, она с него ростом. С такими мускулами она справится с любым зонником.

— Я к тому же и контрабандистка, — ответила она, оправдываясь. — Но однажды я решила, что налоги Зоне нужнее, чем контрабандисты.

— Возможно, теперь и мне придется отправиться в Зону, — небрежно заметил он. А сам подумал при этом: «Или сказать Робинсону, чтобы тот затребовал архивы». Яйца были готовы. Он подал их в чашках, которые все рюкзаконосцы носили на своих поясах.

— Расскажите мне поподробнее о случае с Вандерхэвеном, — попросила она.

— Больше мне не о чем рассказывать. Я бы предпочел об этом забыть.

«Это»в течение месяца поглощало все его мысли. Он был ограблен.

— Вы сразу же обратились в полицию?

— Нет.

— Вот что я вспомнила. Похититель брал свои жертвы из главной Зоны, держал у себя четыре месяца или около того, затем подкупал их. В большинстве случаев взятка оказывалась достаточно большой. Надеюсь, в вашем случае было не так.

— Почти. — Рассказывать чужестранке о Большой Стелле он не собирался. — Но если большинство из них приняли взятку, то как вы их обнаружили?

— Ну, утаить исчезновение корабля нелегко. Большинство кораблей исчезло в главной Зоне, затем через четыре месяца вновь появилось на других орбитах. Но если телескопы не могут их обнаружить на протяжении четырех месяцев, кое-кто может начать задавать вопросы.

Они выплеснули из чашек остатки и наполнили их кофейным порошком и кипятком.

— Было несколько случаев такого рода, — продолжала она, — и все они остались неразгаданными. Некоторые зонники думают, что это Посторонний, берущий образцы.

— Посторонний?

— Первое чуждое человечество, с которым мы когда-нибудь повстречаемся.

— Вроде Морской Статуи? Или того чужака,

который приземлился на Марсе во время…

— Нет, нет, — нетерпеливо сказала она. — Морская Статуя была извлечена из континентального шельфа самой Земли. Она пролежала там свыше миллиарда лет. Что же касается Пак, то, насколько можно судить, они представляют собой ветвь человечества. Нет, мы все еще ждем настоящего Постороннего.

— И вы думаете, что он берет образцы, чтобы установить, готовы ли мы принять цивилизацию? Что он явится, когда мы будем готовы?

— Я не говорила, что верю в это.

— А во что?

— Не знаю. Мне представлялось, что это очаровательная и немного странная история. Мне никогда не приходило в голову, что он начнет брать образцы и из плоскостников.

Он засмеялся:

— Благодарю.

— Не обижайтесь.

— Отсюда я направляюсь в Бразилию, — сказал он. Это было не совсем предложение.

— Я остаюсь. День работы, день отдыха. Для зонницы я крепка, но я просто не могу идти день за днем, — она заколебалась. — Вот почему я не могу ни с кем путешествовать. Мне делали пред-

ложения, но мне ненавистна даже мысль, что я могу оказаться слабее кого-то.

— Понимаю.

Она встала. Встал и Трусдейл. Ему показалось, что она выше его, но это только показалось.

— Где вы живете? — спросил он. — Церера?

— Веста. Пока.

— Пока.

Он пересек Бразилию, Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро. Он видел Чичен-Ица и, по обычаю, отведал перуанской кухни. Мысль о четырех месяцах, украденных из его жизни, все еще зудела в его мозгу, когда он оказался в Вашингтоне, округ Колумбия.

Центр Вашингтона был накрыт погодным куполом. Ему не разрешили войти туда с рюкзаком. Вашингтон был деловым городом: под его управлением находилась значительная часть планеты Земля.

Трусдейл направился прямо в Смитсонианский Институт.

Морская Статуя представляла собой не совсем гуманоидную фигуру с зеркальной поверхностью. Она стояла на громадных косолапых ногах, две трехпалые руки подняты, отражая какую-то опасность. Несмотря на века, проведенные на

дне моря, на ней не было заметно признаков коррозии. Она выглядела словно изделие какой-то предшествующей цивилизации… Она и была им. Была скафандром, способным генерировать очень сильное стасис-поле. Находящийся внутри генератор представлял большую опасность. Когда-то этот скафандр потеряли.

Пак оказался древней, сморщенной мумией. Лицо его было твердым и нечеловеческим. На этом лице отсутствовало какое-либо выражение. Его голова была повернута под странным углом, руки слабо раскинуты по сторонам, не поднявшиеся против того, что сломало его горло. Трусдейл прочел в путеводителе его историю. И почувствовал жалость. Пак пришел из такого далека, чтобы спасти нас всех…

Итак… Экземпляры извне имелись. Вселенная достаточно велика, чтобы в ней отыскалось все, что угодно. Если кто-то и берет образцы человечества, то ради чего? Зачем он утруждает себя еще раз, возвращая их обратно?

Нет, еще хуже. От этих вопросов прямо зуд начинается: зачем отправляться на Землю за плоскостниками? Достаточно много богатых парочек проводит свой медовый месяц на Титане, под грандиозным чудом колец Сатурна. Навер-

няка было бы гораздо легче похитить ракету с молодоженами. И зачем похищать зонников именно из главной Зоны? Достаточно много их уходят на шахтные разработки в других направлениях.

Какой-то слабый проблеск… Но это ничего не прояснило. Он выкинул пришедшую мысль из головы…

Путешествие вдоль Миссисипи и подъем на скалы. Там он сломал ногу, и пришлось лететь в ближайший городок, расположенный в неровном каньоне. Врач вправил ногу и срастил кость. После этого Трусдейл улетел домой. С него было достаточно.

Полиция Сан-Диего не имела новых сведений о Лоуренсе Сент-Джоне Мак-Ги. Они уже привыкли к розыскам Трусдейла и, если называть вещи своими именами, несколько устали от него. Трусдейлу стало ясно, что они никогда и не надеялись разыскать Мак-Ги и его, Трусдейла, деньги.

— Он накупил достаточное количество трансплантатов лица и кончиков пальцев, — как-то сказал ему один из офицеров. Теперь же они просто разыгрывали утешающую видимость деятельности и ждали, когда же он уберется. Последний раз он заглядывал сюда с год назад.

Трусдейл направился в Штаб Армии. Его больше устраивало такси, а не движущиеся тротуары. Нога все еще побаливала.

— Мы работаем над этим, — сказал ему Робинсон. — Такого рода случаи могут быть позабыты. Так что — не беспокойтесь.

— Что?

Военный вроде бы усмехнулся:

— Никакой реальной связи. Я запросил компьютер о других нераскрытых преступлениях. Связанных с новейшей технологией и произошедших в любое время. Вы когда-нибудь слышали о копии Стоунхенджа?

— Разумеется. Я был там полтора месяца назад.

— Разве не удивительно? Какой-то шут воздвиг эту копию за одну-единственную ночь. На следующее утро Стоунхенджа оказалось два. Нельзя обнаружить никаких отличий, за исключением местоположения: копия на несколько сот ярдов севернее. На копии даже вырезаны те же самые имена.

Трусдейл кивнул:

— Знаю. Это, должно быть, самая дорогостоящая шутка, которую когда-либо разыгрывали.

— На самом же деле мы не знаем, который из них подлинный Стоунхендж. Предположим,

шутник поменял оба Стоунхенджа местами. У него же хватило сил для перетаскивания камней при постройке копии. Все, что ему оставалось сделать, — это сдвинуть камни, являющиеся настоящим Стоунхенджем, и поместить на его место копию.

— Только никому об этом не говорите.

Военный рассмеялся.

— Получили что-либо из зоны?

Улыбка исчезла с лица Робинсона:

— Да. Полдюжины установленных случаев похищения и амнезии, и все — нераскрытые. Я все еще думаю, что мы разыскиваем Струльдбруга.

И все — нераскрытые. Это сулило неудачу и в деле Трусдейла.

— Старый Струльдбруг, — сказал военный. — Кто-то, кто уже сто двадцать лет назад был достаточно стар, чтобы решить, что знает все для разрешения всех проблем человечества. Или, может быть, чтобы написать книгу, определяющую характер человеческого прогресса. Тогда-то он и начал брать образцы.

— И он все еще занимается этим?

— Или внук, продолживший его дело. — Робинсон вздохнул. — Не беспокойтесь. Мы его заполучим.

— Не сомневаюсь. Просто для этого вам потребуется еще сто двадцать лет.

— Не дурите, — попросил Робинсон. И Трусдейл послушался.

Центр активности золотомундирной полиции располагался там же, где и административный центр: на Церере. Штабы полиции на Палладе, Юноне, Весте и Астрее были в определенном смысле лишними. Но крайне необходимыми. Пять астероидов могли охватить всю главную Зону. Случалось, что все они в одно и то же время оказывались по одну сторону от Солнца. Но такое происходило редко.

Из этих пяти астероидов Веста была самой маленькой. Ее города располагались прямо на поверхности, под четырьмя большими двойными куполами.

Один купол был трижды продырявлен за всю его историю. Это не из тех вещей, которые забываются. Все здания на Весте были герметичны. Некоторые были соединены с герметическими трубами, идущими через весь купол.

Окончив обычное антиконтрабандное патрулирование, Алис Джордан вошла в военный воздушный шлюз полиции Военного Города. Здесь помещались две комнаты и прихожая. Она

сняла скафандр, повесила его. На груди — самка дракона, выдыхающая пламя.

Она доложила своей начальнице, Винни Гарсиа:

— Не повезло.

Винни усмехнулась. Она была темнокожей, тонкой и гибкой. С длинными и узкими пальцами. Намного более типичная зонница, чем Алис Джордан.

— Вам повезло на Земле.

— Сыграла в шутку Финейгла. Вы получили мой рапорт.

Алис отправилась на Землю в надежде разрешить нарастающую социальную проблему грез плоскостников — мозговые электроды, направляющие электроток прямо в центры мозга, начавшие распространяться и в Зоне. К несчастью, решение проблемы электродов на Земле тоже заставляло себя ждать. Лет через триста земляне ее решат… Но это вряд ли удовлетворит Алис Джордан.

— Я не это имела в виду. — Винни сделала паузу. — В вашем кабинете вас дожидается плоскостник.

— Плоскостник?

На Земле она переспала с одним мужчиной,

но это не доставило удовольствия ни ему, ни ей. Гравитация и недостаток опыта. Он проявил тактичность, но больше они не встречались.

Алис встала:

— Я вам еще нужна?

— Нет. Позабавьтесь.

Когда она вошла, он попытался встать. Его несколько сбивала с толку низкая гравитация, но он ухитрился достать ногами до пола, а все остальное выпрямить.

— Хелло. Рой Трусдейл, — сказал он прежде, чем она отыскала в памяти его имя.

— Добро пожаловать на Весту, — ответила Алис. — В конце концов, вы объявились. Все еще охотитесь на похитителя?

— Да.

Она села за стол:

— Расскажите. Вы уже кончили ваши странствия с рюкзаком за плечами?

Он кивнул.

— Думаю, лучше всего были скалы, и попасть туда нетрудно. Вам следовало бы попробовать. Скалы не считаются национальным парком, и немногие разбивают там свои палатки.

— Постараюсь, если снова попаду на Землю.

— Я видел других Посторонних… Знаю, что они

не настоящие Посторонние, но, черт возьми, они чужие. Если настоящий Посторонний на них похож…

— Раньше вы склонялись к мысли, что Вандерхэвен — человек.

— Верно, склонялся.

— И затратили много сил, чтобы его найти. — Она проанализировала мысль, что Трусдейл явился, разыскивая некую женщину, обитательницу Зоны. Эта мысль ей льстила…

— Кажется, с законами считаются не везде, — сказал он. — Хуже того, похоже, что охота на Вандерхэвена или кого-то вроде него идет на протяжении ста двадцати лет. Я разозлился и записался на корабль, идущий на Весту. Решил разыскать Вандерхэвена самостоятельно. Знаете, а попасть к вам нелегко.

— Знаю. Слишком многим плоскостникам хочется полюбоваться астероидами. Нам приходится ограничивать их число.

— Мне пришлось ждать три месяца, пока не подвернулся аварийный катер. Я все еще не знал, куда мне направиться. В конце концов, всегда можно отказаться от своего решения… А затем произошло кое-что еще, — при одном воспоминании у него сжались челюсти. — Лоуренс

Сент-Джон Мак-Ги. Десять лет назад он завладел почти всем, что у меня имелось. Мошенничество.

— Случается. Мои сожаления.

— Его поймали. Он назвал себя Эллери Джонсом из Сент-Луи. Затеял новую аферу в Топеке, штат Канзас, но кто-то выдал его, и его схватили. У него были новые отпечатки пальцев, новый рисунок кожи, новое лицо. Пришлось провести анализ волн мозга, чтобы убедиться, что это он. Я даже могу получить обратно мои деньги.

Она улыбнулась:

— Ну, это просто прекрасно!

— На него указал Вандерхэвен. Еще одна взятка.

— Вы уверены? Он назвал имя?

— Нет. Будь он проклят, затеявший игру с моим мозгом! Он, должно быть, решил, что я за ним охочусь потому, что он меня ограбил. Он забрал четыре месяца моей жизни. А теперь швырнул мне Лоуренса Сент-Джона Мак-Ги, так что мне можно перестать беспокоиться об этом упущенном мною времени.

— Вам не нравится, что его арестовали по подсказке?

— Да. Мне это не нравится, — он не смотрел на

Алис. Его руки сильно сжимали подлокотники гостевого кресла. При этом мышцы на руках вздувались, перекатывались. Многие зонники делали вид, что они презирают мускулы плоскостников.

— Вандерхэвен может оказаться слишком велик для нас, — заметила Алис.

Его реакция была интересной:

— Вот вы как теперь заговорили. Что вы обнаружили?

— Ну… Я тоже охочусь на Вандерхэвена. Как вы знаете, были и другие исчезновения.

— Знаю.

Ее стол, как и стол Робинсона, был снабжен выходом компьютера. Она включила его.

— Полдюжины имен. Даты: 2150, 2191, 2230, 2250, 2270, 2331 годы. Можете посмотреть наши записи о вернувшихся до вас. Я беседовала с Лоуренсом Дженнифером, последним из них, но он мог вспомнить не больше, чем вы. Он точно вышел на орбиту, направляясь в троянские точки с грузом небольших деталей, когда… Потеря сознания. Следующее, что он осознал, так это то, что он оказался на орбите возле Гектора. — Она усмехнулась. — Он отнесся к этому иначе, чем вы. Он был просто счастлив, что вернулся обратно.

— Все остальные живы и здоровы?

— Дандридж Сукарно и Норма Стайер, исчезнувшие в 2270 и 2230 годах соответственно. Они не могли мне сказать, когда по местному времени это случилось. Они приняли свое вознаграждение, вот и все. Мы проследили путь денег. Обнаружили два разных имени — Джордж Олдувай и С.Критмейстер. За этими именами никто не стоит.

— Просто вам было не до этого.

Она пожала плечами:

— Многие золотомундирники время от времени интересовались Похитителем. Для людей сорта Винни это соблазнительно.

— Похоже на то, что он берет по образцу раз в десять лет. Попеременно с Земли и из Зоны. — Трусдейл взволнованно присвистнул. — Двадцать один на пятьдесят — примерно двести лет тому назад. Не удивительно, что он назвал себя Вандерхэвеном.

Она быстро взглянула на него:

— В этом есть какой-нибудь смысл?

— Вандерхэвен был капитаном Летучего Голландца. Я это раскопал. Знаете легенду о Летучем Голландце?

— Нет.

— В ней говорится о торговом парусном кораб-

ле. Парусном — выходя в море, он использовал силу ветра. Во время сильного шторма Вандерхэвен попытался обогнуть мыс Доброй Надежды. Богохульствуя, он поклялся, что обогнет мыс, даже если ему придется бороться с ветром до окончания веков. В штормовую погоду его все еще могут видеть проходящие мимо судна, он все еще пытается обогнуть мыс. Порой он останавливает эти суда и просит взять письма родным.

Она нервно рассмеялась:

— Письма — кому?

— Может быть, Вечному Жиду. Существуют варианты. В одних говорится, что Вандерхэвен убил жену и ушел в море, спасаясь от полиции. В других — что убийство было совершено на борту. Кажется, писателям эта легенда по душе. По ней были сделаны романы. Было поставлено старое, плоское кино, и даже еще более старая опера. И вы слышали ту старую песню, которую поют рюкзаконосцы возле костров? «Я всего лишь смола, которую раздавил корабль команды Вандерхэвена…»

— Песенка-то хвастливая.

— Во всех этих легендах есть один общий пункт: бессмертный человек, в силу проклятия обреченный странствовать вечно.

Глаза Алис Джордан сделались большими и круглыми.

— В чем дело? — спросил Трусдейл.

— Джек Бреннан.

— …Бреннан. Помню. Человек, который съел корни, находившиеся на борту судна Пак. Джек Бреннан. Предполагали, что он мертв.

— Предполагали, — она уставилась на свой стол. Постепенно глаза ее сфокусировались на катушках с сообщениями. — Рой, я должна сейчас же заняться одним делом. Где вы остановились, во «Дворце»?

— Конечно. Это единственная гостиница в Военном Городе.

— Я вас навещу там в восемнадцать. В любом случае, вам понадобится гид для посещения ресторанов.

Являясь единственным, «Дворец» был великолепным отелем. Обслуживающий персонал был небезупречен, но оборудование — удобства в ванной комнате, механизмы чистки и официанты — просто превосходны. Казалось, зонники обращались со своими машинами так, точно от машин зависела их жизнь.

Восточная стена шла в трех метрах от купола, и окна, как в художественных фильмах, были

защищены большими прямоугольными щитами. Щиты автоматически поворачивались, прикрывая окна от резкого солнечного света. Сейчас щиты были открыты. Трусдейл посмотрел сквозь прозрачную стену. Горизонт за главной выпуклостью купола города Андерсена был таким же зазубренным и близким, что ему показалось, будто он находится на горном пике. Но с любой земной горы звезды не казались бы такими яркими. Он видел вселенную, и так близко, что до нее можно было дотронуться.

А комната обошлась ему не дешево. Он готовился вновь научиться тратить деньги без содрогания.

Трусдейл принял душ. Это выглядело как насмешка. Душ разродился большой, медленно текущей массой горячей воды, которая словно желе стремилась облепить его тело. Струи по бокам и брызги словно иголки. Отголосок давным-давно минувших времен, решил он, тех дней, когда глубокая впадина, в которой теперь располагался город Андерсена, была искромсана вширь и вглубь при добыче водосодержащего камня. Но расплав стоил дешево, а вода, однажды полученная, могла дистиллироваться снова и снова, до бесконечности.

Когда он вылез из-под душа, оказалось, что для него есть сообщение. Информационный терминал на краю стола выдал ему материалы, отпечатанные в книге толщиной с телефонный справочник Сан-Диего. После отъезда клиента страницы книги вновь становились чистыми. Должно быть, сообщение послала Алис Джордан. Он пролистал страницы, обнаружил воспоминания Николаса Соула, и начал читать. Раздел, касающийся судна Пак, оказался почти в самом конце.

Когда Трусдейл закончил, его бил озноб. Николас Соул, некогда Первый Председатель Зоны… Соул не был дураком. «Нужно помнить, — писал Соул, — что он умнее нас. Может быть, он додумался до чего-то, до чего я не мог додуматься».

Но как может, пусть и умный, человек компенсировать отсутствие источника пищи?

Он продолжил чтение…

Алис Джордан появилась на десять минут раньше. Сразу же с порога она глянула ему за спину, на информационный терминал:

— Вы его получили. Очень хорошо. Сколько вы уже одолели?

— Воспоминания Ника Соула. Учебник по Физиологии Пак. Я бегло просмотрел книгу Грей-

виса об эволюции. Он утверждает, что из мира Пак можно было бы импортировать с дюжину растений.

— Вы плоскостник. Что вы думаете?

— Я не биолог. И я опустил раздел об основании Базы Олимп. Меня в самом деле не беспокоит, почему гравитационный поляризатор до сих пор остается для нас загадкой.

Она присела на край кровати. На ней были широкие брюки и блуза. По мнению Трусдейла, наряд не для обеда. Но он и не ожидал увидеть юбку, учитывая притяжение Весты.

Алис сказала:

— Думаю, это Бреннан.

— Я тоже такого мнения.

— Но он должен был умереть. У него нет пищи.

— У него был его собственный одноместный корабль. Он его буксировал. Даже двести лет назад корабельная кухня могла бы обеспечить пищей надолго. Разве не так? Корни, вот чего ему не хватало. Может быть, несколько штук он прихватил из грузового отсека, какое-то количество могло находиться на борту судна Пак. Но, съев их, он должен был умереть.

— И все же вы считаете, что он жив. Я тоже так думаю. Давайте выслушаем ваши доводы.

Трусдейл помолчал с минуту, собираясь с мыслями.

— Летучий Голландец. Вандерхэвен. Бессмертный человек. Проклятый. Все это очень хорошо подходит.

Она кивнула:

— Что еще?

— О, похищения… и тот факт, что он возвращает нас обратно. Даже рискуя тем, что его поймают, он возвращает нас обратно. Он слишком заботлив для чужака и слишком могущественен для человека. Что остается?

— Бреннан.

Вдобавок эта копия Стоунхенджа. Он должен рассказать ей об этом. — Я думаю об этом с того момента, как вы упомянули Бреннана. Знаете, как мне это представляется? У Бреннана было достаточно времени, чтобы ознакомиться с гравитационным поляризатором в грузовом отсеке Пак. Должно быть, он разгадал, на каком принципе тот действует, и усовершенствовал, превратив его в генератор гравитации. А затем он принялся с ним играть.

— Игры. Опять подходит. Этому суперразуму, должно быть, понравилась его новая забава.

— Его могло потянуть на осуществление кое-

каких других шуток.

— Да, — произнесла она демонстративно подчеркнуто.

— Что? Еще одна реализованная шутка?

Алис засмеялась.

— Вы слыхали когда-нибудь об Астероиде Махмуда? Это должно было быть в тех извлечениях, что я послала вам.

— Кажется, это я пропустил.

— Астероид двух миль в диаметре, состоящий главным образом изо льда. Телескопы Зоны обнаружили его довольно рано, году, думаю, в… 2188 — м. Тогда он находился за орбитой Юпитера. Махмуд был первым, кто высадился на нем, кто нанес на карту его орбиту и выяснил, что астероид столкнется с Марсом.

— И он столкнулся?

— Да. Вероятно, его можно было остановить, даже с тогдашней техникой, но, полагаю, никто в этом не был по-настоящему заинтересован. Он должен был упасть вдалеке от базы Олимп. От него откололся здоровенный кусок льда и вышел на новую орбиту. Почти чистая вода, ценное вещество.

— Не понимаю, какое это имеет отношение к…

— Марсиане погибли. Все марсиане на планете,

насколько известно. Увеличилось содержание водяных паров в атмосфере.

— Ого, — выдохнул Трусдейл. — Геноцид. Вот так осуществленная шуточка.

— Я вам говорила, Вандерхэвен может оказаться слишком велик для нас.

— Да-а, — с того момента, как он услышал голос, записанный на саморазрушающейся кассете, Вандерхэвен рос по всем направлениям. Теперь время его деятельности составляло двести двадцать лет, а активность покрывала всю Солнечную Систему. В отношении физической силы он тоже вырос. Бреннан-монстр мог взвалить себе на плечи находящегося без сознания Элроя и снести его вниз с вершин. — Он велик, прекрасно. И мы единственные, кто об этом знает. Что мы теперь будем делать?

— Пойдемте обедать, — сказала она.

— Что вы имеете в виду?

— Вы знаете, что я имею в виду, — мягко произнесла Алис. — Но пойдемте обедать.

Крыша отеля «Дворец» представляла собой четырехгранный купол, откуда открывались два вида. Восточная и западная грань показывали Весту, а северная и южная — голографическую проекцию какой-то горной цепи на Земле.

— Это замкнутая в кольцо лента, демонстрация продолжается несколько дней, — пояснила Трусдейлу Алис. — Снято с машины, идущей над земной поверхностью. Вероятно, утро в Швейцарии.

— Да, — согласился он. «Мартини» крепко ударил ему в голову. Он пропустил ленч, и теперь у него в желудке зиял вакуум. — Расскажите мне, чем кормятся зонники.

— Хорошо. «Дворец»— это, главным образом, французская кухня плоскостников.

— Мне бы хотелось попробовать кухню Зоны. Завтра?

— Честно говоря, Рой, на Земле я избаловалась. Завтра я возьму вас туда, где едят зонники, но не думаю, чтобы вам понравился вкус нашей пищи. Еда здесь слишком дорого стоит, чтобы лишний раз экспериментировать с ее приготовлением.

— Скверно, — он глянул на меню, укрепленное на груди официанта и содрогнулся. — Боже мой! Ну и цены!

— То, что здесь подается, дорого. Но с другой стороны, есть дрожжи для безработных, а они бесплатны…

— Бесплатны?

— …И только чуть хуже на вкус. Если вы в

стесненном положении, дрожжи обеспечат вам пропитание, а растут они практически сами. Обычный зонник употребляет почти исключительно вегетарианскую пищу, не считая цыплят и яйца. В большинстве крупных куполов выращиваются цыплята. Говядину и свинину мы можем получать только в мирах, образованных выдуванием пустот в астероидах. А морская пища… Ну, для этого нам пришлось бы плавать. Иногда появляются замороженные и обезвоженные продукты. Они стоят дешевле.

Они отстучали свои заказы на клавиатуре официанта. На Земле в ресторане с такими ценами официант по крайней мере имел бы человеческий облик… Но Рой никак не мог представить себе зонника в качестве официанта.

Куски мясной «Дианы» были слишком маленькими, овощи — разнообразные и в изобилии. Алис резко оборвала его восторги.

— Я позабыла, — сказала она, — что на Земле мне пришлось взвалить на плечи рюкзак, чтобы компенсировать все, что я съела.

Рой отложил вилку:

— Не могу понять, чем же он питался?

— Оставим пока это.

— Хорошо. Расскажите тогда о себе.

Она рассказала ему о детстве, проведенном на Астероиде Родов, о толстых окнах в подвальном помещении, через которые она могла видеть звезды. Звезды, которые для нее ничего не значили до тех пор, пока она не вышла наружу. Годы тренировок по вождению космических кораблей — не по необходимости, но друзья сочтут вас ненормальной, если вас отсеют. Первая попытка контрабанды и пилот-золотомундирник, повисший у нее на хвосте словно пиявка. Смеющийся над ней с экрана связи. До следующей попытки прошло три года, и все это время она возила пищевые продукты и гидропонное оборудование в троянские точки. А затем-то же самое смеющееся лицо. Она отгрузилась, а он всю дорогу до Гектора читал ей лекции по экономике.

Они перешли к кофе (замороженному и обезвоженному) и коньяку (произведен в Зоне и, к тому же, превосходен). Он рассказывал ей о двоюродных сестрах и сестрах еще более дальнего родства, вплоть до четвертого колена, о совсем уже отдаленных дядьях, а заодно и о тетках. Они все разбрелись по всему свету, так что куда бы он ни направился, у него везде отыщутся родственники. Он рассказал ей о Большой Стелле.

— Так он был прав, — сказала Алис.

Он знал, что она подразумевает.

— Я мог бы не обращаться к народу. Я мог бы не отказываться от денег. Алис, именно так он и судит о всей человеческой расе. Как о марионетках — на ниточках. И он — единственный, кто эти ниточки может видеть.

Лицо Алис исказилось от гнева:

— Я не позволяла судить о себе подобным образом.

— Он берет образцы, чтобы видеть, что мы делаем и как мы делаем. Полагаю, следующим его шагом будет осуществление плана селективного размножения.

— Великолепно, а каков наш следующий шаг?

— Не знаю, — он потягивал коньяк крохотными глотками. Чудесный напиток. Коньяк, казалось, испарялся во рту. Зоне следовало бы экспортировать его. Он был бы экономичнейшим из горючих: провались все пропадом.

— Думаю, у нас есть три возможности, — сказала Алис. — Первая: всем рассказать то, что мы знаем. Прежде всего — Винни, а затем продюсеру любой ленты новостей, который согласится нас выслушать.

— А они станут слушать?

— О… — она небрежно махнула рукой. — Ду-

маю, опубликуют. Это же сенсация. Но у нас нет никаких доказательств. Одни предположения, а в них — зияющая дыра. И это все, чем мы располагаем.

— Чем он питался?

— Именно.

— Ну, можно попытаться объяснить.

Алис нажала кнопку вызова. Когда официант, шелестя в воздухе, скользнул к ним, она заказала еще два коньяка.

— И что потом? — поинтересовалась она.

— …Н-ну…

— Люди нас выслушают, начнут обсуждать и удивляться. И ничего не произойдет. Постепенно все сойдет на нет. Бреннану придется просто выждать. Столько, сколько понадобится: сто лет, тысячу…

— Мы ничего не знаем. Мы кричим в пустоту.

— Прекрасно. Вторая наша возможность — отказаться от этого дела.

— Нет.

— Отлично. Третья возможность — выследить его. С помощью Флота Полиции Зоны, если она нас поддержит, в противном случае — самостоятельно. — Он подумал, потягивая коньяк. — Знать бы, где его искать.

— Прекрасно, давайте прикинем. — Алис откинулась в кресле, полузакрыв глаза. — Он направился в межзвездное пространство. Остановился в кометном поясе, далеко за орбитой Плутона, пробыл там два месяца. Остановился полностью, что ему обошлось в немалое количество горючего. А потом продолжил путь.

— Путь продолжил его корабль. Раз уж он сейчас здесь, значит, он отправил в космос пустую моторную секцию корабля Пак. У него остались кабина управления корабля Пак и одноместное судно Зоны.

— И горючее. Столько горючего, сколько ему нужно — из цистерн моторной секции. Запас для маневрирования. Когда он отправлялся в путь, его цистерны были полны.

— Чудесно. Мы предполагаем, что он нашел способ выращивать корни для своего пропитания. Возможно, перед тем, как покинуть Марс, он забрал семена из грузового отсека. Чего у него теперь нет такого, в чем бы он нуждался?

— Дома, базы. Строительных материалов.

— Мог он получить это из комет?

— Вполне. Газы и химические соединения, во всяком случае.

— Превосходно. Я тоже так считаю, — сказал

Трусдейл. — Когда вы так бойко говорите о кометном поясе, вы представляете, что говорите о кольце камней и скал, похожем на Зону Астероидов? Кометный пояс — место удобное, — произнес он с некоторым усилием. Коньяк начал сказываться на его языке. Если он исказит какое-нибудь мудреное слово, она только рассмеется. — Это там, где кометы замедляют скорость, зависают, а потом возвращаются к Солнцу. По объему это в десять раз больше всей Солнечной Системы, и, во всяком случае, большая часть Солнечной Системы располагается в одной плоскости. В большинство соединений, составляющих хвост кометы, входит водород, верно? Вот Бреннан и решил проблему горючего. В этом отношении Бреннан сегодня может находиться в одном месте, а завтра в каком угодно другом. Где будем искать?

Она резко взглянула на него:

— Отказываетесь?

— Есть такой соблазн. Не из-за того, что он грозен. Он для меня мелюзга. Но вот район, в котором он прячется, велик до отвращения.

— Есть еще одна возможность, — сказала Алис. — Персефона.

Персефона. И какого черта он забыл, что там

как раз находится десятая планета? Однако…

— Персефона — газовый гигант, не так ли?

— Точно не знаю, но полагаю, что так. Это было определено по ее массе, по влиянию, которое она оказывает на кометы. Но атмосфера может находиться в замороженном состоянии. Он мог зависнуть над поверхностью до тех пор, пока не проплавит дыру в замороженном слое, а потом опуститься. — Она перегнулась к нему через стол. Ее глаза глубокого коричневого цвета поблескивали. — Рой, он откуда-то должен получать металлы. Ведь он построил какую-то разновидность генератора гравитации, построил? И он должен был при этом проводить эксперименты. Металл. Много металла.

— Может быть, из ядра кометы?

— Мне в это не верится.

Трусдейл кивнул.

Он не мог вести шахтные разработки на Персефоне. Планета такой величины должна быть газовым гигантом с жидким ядром. У нее газообразная атмосфера. Он не смог бы на нее высадиться. К тому же, на ней очень высокое давление.

— В таком случае — спутник! Может, у Персефоны есть спутник.

— А какого бы черта и нет? Почему бы такому газовому гиганту не обзавестись десятком спутников?

— Он провел там время, отдыхая два месяца. И убедился, что сможет там выжить. Он, должно быть, обнаружил Персефону и с помощью телескопа изучал ее. А когда убедился, что у нее есть спутники, то отправил моторную секцию корабля Пак в свободный полет. В противном случае ему оставалось только вернуться и сдаться.

— Похоже, все сходится. Он мог там вырастить даже дерево жизни… Но до сих пор он там находиться не будет.

— Он должен был оставить следы. Сейчас мы говорим о спутнике. Там, где он опустился на своем ядерном двигателе, должен остаться след. Шрам. И громадные шрамы там, где он рыл свои шахты, и постройки, которые ему пришлось оставить, и теплица. Он мог замаскировать некоторые из наделанных им повреждений, но спрятать теплицу он не мог.

На такой маленькой луне, находящейся далеко за орбитой Плутона, это невозможно. Теплица должна была оказать влияние на окружающую среду, нарушить эффект сверхпроводимости, испарить льды.

— Мы должны получить доказательства, — заявил Трусдейл. — Голографические снимки. В худшем случае, у нас будут следы шрамов, которые он оставил на спутнике Персефоны. А это уже не на половину высосанная из пальца теория.

— А в лучшем случае? — Алис усмехнулась. — Встретимся лицом к лицу с Бреннаном-монстром.

— И поймаем его!

— Выпьем за это. — Алис подняла свой коньяк. Они с осторожным звоном сдвинули рюмки воздушного стекла и выпили.

Его наполовину пробудил страх видения, а успокоило — знакомое состояние похмелья. Он сел. Кровать походила на розовое облако — постель Алис. Они пришли сюда прошлой ночью, вероятно, чтобы отпраздновать свое начинание. Или чтобы заключить соглашение. А, вероятно, просто потому, что они нравились друг другу.

Никакой головной боли. После хорошего коньяка ощущение похмелья остается, но голова не болит.

Это была одна из лучших ночей.

Алис не было. Ушла на работу? Нет, услышал он, она на кухне. Голый, на подгибающихся ногах, он направился туда. Алис, тоже обнаженная,

жарила оладьи.

— Мы действительно хотели этого? — спросил он.

— Теперь ты узнаешь вкус кухни Зоны, — ответила она. Она протянула ему тарелку со стопкой блинов, и когда он взял тарелку как-то не так, оладьи подпрыгнули и полетели, совсем как на рекламном объявлении. Он ухитрился подхватить их, но стопка косо обрушилась вниз.

На вкус оладьи были как оладьи. Хороши, но не больше. Возможно, приготовление пищи в Зоне включает в себя обязательную наготу повара. Он налил себе кленовый сироп и отметил в памяти: послать Алис несколько бутылок вермонтского кленового сиропа. Если она предпочтет остаться в Зоне. И если он когда-нибудь вернется живым на Землю.

— Мы действительно хотели этого? — спросил он снова.

Она передала ему чашку и кувшин обезвоженно-замороженного кофе в смеси с земным коньяком:

— Давай-ка сперва узнаем насчет Персефоны. Тогда и будем решать.

— Я могу сделать это сам, в гостинице. Сведения тебе передам тем же путем, что ты мне вчера.

Занимайся своими делами.

— Хорошая мысль. Тогда я могу связаться с Винни.

— Я бы хотел знать, разрешит ли мне золотомундирный флот сопровождать его.

Она уселась ему на колени. Невесомая как перышко, но женщина в полном смысле этого слова. Такая женщина, о которой только может мечтать мужчина. Она заглянула ему в глаза:

— На что ты надеешься?

Он прикинул.

— Полечу с ними, если разрешит твое начальство. Но заявлю прямо: если я смогу навести золотые мундиры на след Вандерхэвена, значит, он не сможет мной манипулировать. Поскольку Вандерхэвен это знает, то это все, о чем мне следует позаботиться.

— Я полагаю, это вполне справедливо.

Они вместе вышли из квартиры. Квартира Алис представляла собой часть жилища, напоминающего утес, жилища, врезанного в стену глубокой борозды, оставленной в водосодержащей породе. Это — город Андерсена. Они в пневматическом вагоне доехали до Военного Города и там расстались.

Персефона. Впервые открыта в 2002 году путем

математического анализа пертурбаций в орбитах некоторых известных в то время комет. Визуально обнаружена впервые в 2014 году. Орбита Персефоны расположена под углом в шестьдесят один градус к плоскости эклиптики. Масса несколько меньше массы Сатурна.

Возможно, первым достиг Персефоны и исследовал ее Алан Джакоб Мион в 2084 году. Заявка Миона была отклонена из-за отсутствия фотографических доказательств (его фильмы, как и сам Мион, подверглись воздействию радиации и погибли. Защита корабля была облегчена с целью экономии горючего). А также потому, что Мион утверждал, будто у Персефоны есть спутник.

Официально признанная исследовательская экспедиция была предпринята в 2170 году. Экспедиция сообщила, что Персефона не имеет спутников. Атмосфера — типичная для газовых гигантов, богатая водородными соединениями. Атмосферу планеты можно было бы использовать в качестве источника сырья, если бы Персефона была так же доступна, как Юпитер. Больше экспедиций к Персефоне не предпринималось.

— Проклятье, — подумал Трусдейл. Никаких лун.

Ему хотелось знать, мог ли Бреннан добывать

сырье из холодных газообразных химических соединений Персефоны. И чем, сложенными ладошками? И для чего? Таким путем ему не удалось бы получить металла… Да и не в том дело. В облаках никаких следов он оставить не мог.

Он отыскал сообщение экспедиции 2170 года и прочел его. С несколько большей тревогой он разыскал текст — интервью, которое репортер «Спектра новостей» взял у Алана Джакоба Миона. Мион относился к типу хвастунов, любящих выставлять себя напоказ. Он затратил год на то, чтобы добраться до десятой планеты, и все только для того, чтобы можно было заявить: я был здесь первым. Он не вел тщательных наблюдений и не был осторожен в своих выводах. Вероятно, его «спутник» был ядром кометы, идущим мимо Персефоны по отлогой параболе.

Через информационный терминал Трусдейл переслал материалы в штаб полиции.

Алис вернулась около 18 — 00.

— Винни не поверила, — устало сказала она.

— Я ее не порицаю. Спутников нет. Одна наша распрекрасная логика — и ни одной дерьмовой луны. — Он убил день, разыгрывая из себя туриста в городе, который не был предназначен для туристов. Военный Город был местом, в котором

работали.

— Она бы не согласилась, даже будь там спутник… Она сказала… Ну, я не уверена, что в этом она права. — Усталость Алис объяснялась не гравитацией. Она не стала падать в постель. Она стояла выпрямившись, с высоко поднятой головой. Но в ее глазах и ее голосе…

— Прежде всего, — сказала она, — это все слишком гипотетично. И это правда. Во-вторых, если бы это была правда, что бы дала нам посылка бедного и беспомощного золотомундирного флота? В-третьих, вопрос с Похитителем адекватно объясняется как проявление Дальнего Взгляда.

— Не знаю про такое.

— Дальний Взгляд. Самогипноз. Зонник проводит слишком много времени, глядя в бесконечность. Иногда он приходит в себя, уже выйдя на орбиту возле места своего назначения и не помня ничего из того, что происходило после взлета. Винни и в самом деле показала мне доклад о Норме Стайер. Помнишь ее? Исчезновение в 2330 году…

— Помню.

— Эти четыре месяца, которые она сочла потерянными, она находилась в пути. Фильмы, заснятые на ее корабле, подтверждают это.

— Но подкуп? Похититель подкупает похищенных.

— У нас есть доказательства пары случаев подкупа. Но можно подыскать и другое объяснение. Люди используют историю с Похитителем, чтобы скрыть доходы от занятий контрабандой… Или чем-то еще более грязным. — Она улыбнулась. — Или же Вандерхэвен мог подделать фильмы, снимавшиеся на борту Нормы Стайер? Лично я в Похитителя верю.

— Да, черт возьми!

— Но Винни устно сделала одно замечание. Куда бы мы направились с этим несчастным флотом полиции Зоны? Бреннан откуда-то должен брать свой металл. Если он вел шахтные разработки на спутнике Персефоны, потом он должен был куда-то переместить его.

— Как?

— Тебе это на ум не приходило?

— Нет.

— В этом нет ничего странного. То, о чем мы говорим, небесное тело размером с Ганимед. Или это может быть большой скалистый шар наподобие Весты. Астероиды перемещали и раньше.

— Верно… И у него неограниченный запас водородного топлива. И у него же был генератор

гравитации. И мы уже предположили, что он передвинул Астероид Махмуда. Но он не мог далеко сместить этот спутник. Любой кусок металла, который мы там обнаружим, может оказаться луной Персефоны. Верно? И он не стал бы передвигать ее, если бы она не служила слишком явным доказательством против него.

— Ты все еще собираешься открыть на него охоту?

Трусдейл глубоко вздохнул:

— Да. Мне нужна твоя помощь, чтобы запастись оборудованием.

— Я с тобой.

— Отлично.

— Я боялась, что мне придется распрощаться с этим делом, — сказала Алис. — У меня нет денег, чтобы оплатить эту затею, а ты не казался достаточно… непреклонным, да и Винни почти что убедила меня, что это охота за журавлем в небе. Рой, ты тоже так считаешь?

— Это сделает наше маленькое свадебное путешествие еще более приятным. И мы будем единственными из ныне живущих, кто повидал десятую планету. Надеюсь, мы сможем снова продать снаряжение, когда вернемся обратно?

Они погрузились в обсуждение технических

деталей.

Затраты предстояли солидные.

Бреннан… Что можно сказать о Бреннане? Чтобы достичь цели, он всегда максимально использовал свое окружение. Зная окружающие его условия, зная его побудительные мотивы, можно было с точностью предугадать его действия.

Но его разум… Насколько изменился его разум?

Избранное им занятие — занятие, которое он определил для себя как цель всей своей жизни — хорошо приучило его к терпеливости.

Он уже давным-давно был готов. Он ждал, наблюдал и, время от времени, оттачивал свою готовность. Было у него и хобби. Одним из них являлась Солнечная Система.

Иногда он брал образцы. В других случаях с помощью своего оригинального заменителя телескопа он наблюдал за движущимися огнями ядерных двигателей. Он ловил обрывки новостей и развлекательных радиопередач, неестественно искаженных фильтрами аппаратуры. В большинстве своем эти обрывки приходили с Земли. Передачи в Зоне осуществлялись с помощью лазеров, лучи которых не достигали Бреннана.

Развитие цивилизации продолжалось. Брен-

нан наблюдал.

Из радионовостей он узнал о смерти Эстеллы Рендолл.

Это открывало интересные возможности. Бреннан начал наблюдение за источниками ядерных огней, направляющихся к Персефоне.

Рой не понял, отчего он проснулся. Он спокойно лежал в паутине гамака, ощущая, как дышит вокруг него корабль.

Вибрация двигателя скорее чувствовалась, чем слышалась. Два дня полета — и он уже не мог различить ее, если не сосредоточивался специально. Это ощущение не изменилось, подумал он.

Рядом с ним в другом гамаке лежала Алис. Глаза открыты, линия губ чуть напряжена.

Это насторожило его.

— Что такое?

— Не знаю. Одень скафандр.

Он скривился. «Одень скафандр». В первый же день она шесть часов подряд заставляла его одевать и снимать этот проклятый аварийный костюм. Костюм представлял собой сделанный в форме человека прозрачный пластиковый мешок с молнией, идущей от подбородка до колен и разветвляющейся в паху. Вы должны уметь мгновенно забраться в него, а в следую-

щую секунду подсоединить толстый шланг, по которому поступают воздух и вода, к системе жизнеобеспечения корабля. Но он дернул молнию дважды, и выслушал от нее такое, чего уж никак не ожидал услышать от своей любовницы, безотносительно к ее предыдущему опыту. — С этого мгновения, — заявила она, — ты не будешь носить на себе ничего, за исключением плавок. И тебе придется щеголять в них все время. Ничто не должно мешать застегивать молнию. — После этого она два часа занималась тем, что бросала ему сзади смятый в ком костюм, а он должен был поймать и одеть его за десять секунд. Она успокоилась лишь тогда, когда он сумел проделать это с завязанными глазами.

— Это должно стать для тебя первейшей необходимостью, — пояснила она. — Всегда. Что бы ни случилось — одевай костюм!

Не глядя, он схватил костюм, нырнул в него ногами, руками, головой, застегнул молнию, присоединил шланг к стене. В следующее мгновение он выхватил из ниши наплечный пакет, быстро приладил его, выдернул переходник, подсоединил к скафандру. Находившийся в пакете воздух наполнил костюм. Воздух был абсолютно безвкусным. Алис управилась еще быстрее. Обогнав

его, она взбиралась по лестнице.

Когда Трусдейл пролез в люк, она уже сидела в пилотском кресле.

— Добро пожаловать, — бросила она, не оглядываясь.

— Что случилось?

— Двигатель работает отлично. Мы делаем в точности одно «же», курс по-прежнему на Персефону.

— Порядок. — Он расслабился. Направился к другому креслу. Споткнулся.

Она оглянулась:

— Чувствуешь?

— Что «чувствуешь»?

— Может быть, мне кажется. Я ощущаю легкость.

Теперь он тоже почувствовал это.

— Но у нас одно «же».

— Да.

У него интуитивно возникло подозрение:

— Проверь курс еще раз.

Она бросила на него странный взгляд, затем кивнула и взялась за дело.

Он не мог ей помочь. Трусдейл потратил на обучающие ленты часть первого дня и все последующие. Теперь он научился хорошо управлять

грузовым кораблем Зоны, поддерживать в рабочем состоянии и ремонтировать его механизмы. Но Алис знала, как обращаться с приборами. Это он предоставил ей. Он почувствовал, как что-то изменилось, чуть больший вес надавил ему на плечи, чуть слышно заскрипел корпус корабля. Он заметил страх в глазах Алис, но не сказал ничего.

— Мы больше не движемся в направлении Персефоны, — выговорила она немного погодя.

— Да, — он почувствовал, как холодный страх заворочался у него внутри.

— Откуда ты знал? — спросила Алис.

— Догадывался. Но это понятно. У Бреннана есть генератор гравитации. Мы это предполагали. Если мы оказались в сильном гравитационном поле, то может возникнуть приливной эффект.

— О! Хорошо. Вот, значит, что произошло. Разумеется, автопилот это не зарегистрировал. А это значит, что, воспользовавшись методом триангуляции, мне надо определить наш новый курс. Мы наверняка далеко отклонились от направления на Персефону.

— Что мы можем сделать?

— Ничего.

Он не поверил ей. Они так детально расплани-

ровали свой полет.

— Ничего?

Она развернулась к нему в своем кресле:

— Вспомни, мы собирались достичь пика скорости в 5600 миль в секунду, а затем лететь по инерции. У нас достаточно горючего, чтобы проделать это дважды. Один раз — по дороге туда, другой — обратно.

— Точно.

Двести пятьдесят шесть часов ускорения, столько же — торможения, около ста часов свободного полета. И если часть топлива им придется использовать на разведочные рейсы, то на обратном пути они разовьют меньшую скорость. Ему следовало бы помнить об этом. Они перебрали множество возможностей. Чтобы взять дополнительное горючее, они выбрали грузовой корабль. Взяли лазеры, с помощью которых можно будет отрезать опустевший грузовой отсек, если дела пойдут действительно плохо и им придется бороться за каждый грамм лишнего веса. К тому же, лазеры можно было использовать как оружие.

Все распланировано, и что теперь? Он все понял — и замолчал. Он понял это сразу же, еще до того, как Алис заговорила:

— Сейчас мы движемся со скоростью около два-

дцати двух тысяч миль в секунду. Я не вычислила точно, на это потребовались бы часы, но раз уж это так, горючего нам хватит только на то, чтобы полностью затормозить.

— Остановиться в кометном поясе?

— Вернее сказать — в нигде. Осел достиг своей цели.

…составлять планы борьбы с Бреннаном — в этом крылось что-то в корне неправильное. Бреннан — вне планирования.

Намерения его, во всяком случае, были запланированы. Существовали старинные предания… Люди, выжившие в космосе в критических ситуациях… «Аполлон-тринадцать»… Путешествие Четверки Джи Дженисcона… Эрик-киборг…

— Чтобы достичь Персефоны, мы можем дать боковое ускорение, затем быстро повернуть к планете по гиперболе. По крайней мере, этот маневр отправит нас обратно в Солнечную Систему.

— На это у нас горючего хватит. Я займусь расчетом курса, — она засуетилась над приборами.

Ощущение силы тяжести медленно пропало.

Вибрация двигателя прекратилась. В мозгу Трусдейла воцарилась тишина.

Элрой Трусдейл менее непредсказуем, чем Бреннан. Из нескольких возможностей, появив-

шихся перед ним, одна явно предпочтительнее. Но как может Бреннан полагать, что Трусдейл ею воспользуется? Производители часто выбирают не лучший вариант. Хуже того. Кажется, у Трусдейла на борту его большого корабля есть напарник. Женщина, к тому же зонница. Да, Трусдейл менее чем непредсказуем. А кроме того, как Бреннан может предвидеть причуды девушки, с которой он ни разу не встречался?

Точно так же обстоят дела с вооружением Трусдейла. Разумеется, лазеры. Лазер — орудие, слишком пригодное на все случаи жизни, чтобы не взять его с собой. Значит, у него есть лазеры и еще какое-нибудь оружие. Гранаты, пули, инфразвуковые излучатели, пластиковая взрывчатка. Существуют четыре хороших возможности. И одна из них наилучшая, если не учитывать того, что Бреннан способен ее предвидеть. Логика Трусдейла сводилась к тому, чтобы зашибить деньгу, и побольше. Бреннан знал, что он достаточно умен, чтобы понять это.

Итак, до того как он отправился в путь, ему удалось сорвать куш. Во что же, Бреннан, это вылилось? Бреннан засмеялся про себя, хотя его лицо оставалось неподвижным. Бреннану стало приятно от того, что Трусдейл поумнел.

Что ему делать теперь? Бреннан прикинул эту проблему. К счастью, это неважно. Трусдейл не сможет предпринять ничего такого, что укрылось бы от странного, похожего на мяч, телескопа Бреннана… Того самого инструмента, с помощью которого был изменен курс Трусдейла. Бреннан занялся другими делами. Через несколько дней…

— Если Бреннан не вызывает у нас беспокойства, то я знаю, чем нам следует заняться, — сказала Алис. — Мы должны затормозить и послать призыв о помощи. Через несколько месяцев кто-нибудь организует экспедицию и нас вытащат.

Они лежали в гамаке, свободно обвисшем в полете по инерции. Эти последние несколько дней они все больше и больше времени проводили в гамаке. Они дольше спали. Они гораздо чаще занимались сексом. Или потому что любили друг друга, или для самоуспокоения, или для того, чтобы положить конец случайно вспыхнувшей ссоре, или же потому, что им нечем было заняться.

— С чего бы это кому-нибудь отправляться нас спасать? — спросил Рой. — Если мы оказались такими проклятыми дураками, что отправились…

— Деньги. Плата за спасение. Разумеется, нам это будет стоить всего, что мы имеем.

— Ого!

— Включая корабль. Что ты предпочитаешь, Рой? Разориться или умереть?

— Разориться, — тотчас же ответил он. — Но у меня, пожалуй, нет выбора. Вот я его и не делаю. Мы же договорились, что капитан — ты. Так что будем делать, капитан?

Алис придвинулась к нему и, обняв, легонько пощекотала ногтем его спину.

— Не знаю. А что предпочитает делать моя верная команда?

— Рассчитывать на Бреннана. Хотя меня от этого воротит.

— Думаешь, он вытащит тебя второй раз?

— Бреннан уже поставил непревзойденный рекорд… По гуманизму. Когда я отказался от взятки, деньги отошли к Институту изучения реабилитации преступников. До этого они отходили на медицинские исследования по проблемам протезирования и аллопластики.

— Не вижу связи.

— Не видишь. Зонница. На Земле существовала такая штука — отправка в банк органов. Полагаю, каждому хочется жить вечно, и простейший путь получить достаточное количество трансплантатов для всех больных — использовать

приговоренных преступников. Навязывалось решение карать смертной казнью за все и вся, включая большинство дорожно-транспортных нарушений. Вот что происходило, когда Бреннан начал давать деньги на другого рода медицинские исследования.

— У нас подобной проблемы никогда не было, — с достоинством ответила Алис, — потому что мы решили — это не для нас. Мы никогда не превращали преступников в доноров.

— Разумеется. В те времена вы оставались высокоморальными.

— Я серьезно.

— А мы преодолели это потому, что медицинские исследования обнаружили лучший путь. Проведению этих исследований и оказывал поддержку Бреннан. Теперь мы снова оставляем в живых уголовных преступников, и они получают возможность вернуться в человеческое общество.

— И Бреннан оказывал всему этому покровительство. Тот самый мягкосердечный Похититель, что примчится возвращать нас на Землю, если мы сами ничего не сделаем.

— Мой капитан, вас интересовало мое мнение. У вас нет причин рассматривать мой ответ как

мятеж.

— Успокойся, моя верная команда. Просто я… — ее рука сжалась в кулак, он спиной почувствовал это, — мне до омерзения не нравится на кого-то полагаться…

— Так же, как и мне…

— …на кого-то, кто проявляет такое высокомерие, как этот Бреннан-монстр. Может быть, он и на самом деле рассматривает нас как животных. Может быть, он просто… отмахнется от нас, потому что мы причиняем ему хлопоты.

— Возможно.

— Я все еще ничего не вижу впереди по курсу.

— Ну, куда бы мы ни направлялись, все равно попадем в ад значительно быстрее, чем нам того хотелось бы.

Она рассмеялась. Начертила ногтем кружок на его пояснице.

Кое-что впереди было. Нечто невидимое для телескопа или радара, но стрелка детектора массы слабо дрогнула. Случайная комета, ошибка детектора или еще что-то?

Свободное падение продолжалось еще шесть дней. Теперь они находились на расстоянии 7000000000 миль от Солнца. На таком же расстоянии, как и Персефона. Теперь детектор массы

показывал крошечный четкий зайчик. То, к чему они летели, было меньших размеров, чем могла бы быть луна газового гиганта. Но материя была здесь разрежена так — почти так же, как в межзвездном пространстве, — что они должны были бы лететь прямо в пустоту.

Они думали о Бреннане. Их обуяли надежды и страх.

А телескоп ничего не показывал.

Он не знал, что разбудило его. Он вслушался в тишину, огляделся, вокруг было сумрачно…

Алис лежала в своем гамаке. Гамак провис на растяжках в направлении носа судна. Так же, как и его гамак.

Он хорошо вызубрил свой урок. Костюм оказался у него в руках до того, как он расстегнул привязные ремни. Придерживаясь за них, он одной рукой натянул на себя костюм. Тяготение было в несколько футов, не больше. Алис опять обогнала его, она уже спускалась по лестнице к носу.

Детектор массы сошел с ума. За иллюминатором была пустота. В пустоте — неподвижные звезды.

— Не могу определить наш курс, — сказала Алис. — Нет опорных точек. Расчет курса стал

затруднительным уже довольно давно, еще когда мы находились в двух днях полета от Солнца.

— О'кей.

Она ударила кулаком по стеклу иллюминатора.

— Не о'кей. Я не могу понять, где мы. Что он намеревается с нами сделать?

— Спокойно, спокойно. Мы шли к нему.

— Я могу рассчитать допплеровское смещение Солнца. По крайней мере, это даст нашу радиальную скорость. Но мне не рассчитать смещение Персефоны, она, черт бы ее побрал, слишком тусклая… — Алис вдруг отвернулась, ее лицо конвульсивно подергивалось.

— Возьми себя в руки, капитан.

Она закричала. И, когда он обнял ее, бессильно ударила кулаком по его спине:

— Мне не нравится это. Мне ненавистна мысль, что я от кого-то завишу… — Измученная, она зарыдала.

Она оказалась более чувствительной, чем он. Более подверженной стрессу.

И он знал, что это правда — она не могла заставить себя смириться с зависимостью от кого-либо. Будучи членом большого семейства, Рой всегда мог найти кого-нибудь, к кому можно было об-

ратиться, попав в критическое положение. И он всегда чувствовал жалость к тем, у кого такой опоры в жизни не было.

— Любовь — это род взаимозависимости, — подумал он. И, получалось, что ни он, ни Алис никогда не любили. Скверно.

…до чего глупо — предаваться размышлениям и ждать, завися от капризов Бреннана, Похитителя, Вандерхэвена или как его там еще? Непрочная цепочка доводов — все, чем они располагают, а тем временем кто-то передвигает их корабль, словно катает игрушку по полу детской. И Алис, спрятавшая голову у него на груди, словно пытающаяся вычеркнуть из памяти весь мир, одной рукой цепляющаяся за стену. Он не подумал об этом.

Она почувствовала, как он напрягся, и тоже обернулась. Мгновение она ничего не понимала, потом кинулась к приборам телескопа.

Оно походило на далекий астероид.

Оно было не там, куда показывал детектор массы, а позади этой точки. Рой не мог поверить своим глазам, когда Алис перебросила изображение на экран. Это была залитая солнечным светом сказочная страна, сплошь покрытая травой, деревьями и кустарником. Виднелось несколько небольших зданий мягких, обтекаемых форм. Все

это выглядело так, словно страна была создана мановением руки доброго волшебника.

Страна была маленькой, слишком крохотной, чтобы атмосфера образовывала дымку. Рой мог всю ее охватить одним взглядом, и он видел искрящийся голубой пруд на удаленной от него стороне. Слепленная из глины игрушка с возвышенностями и впадинами на поверхности. И маленький, зеленый, цвета травы, шар, плывущий в пустоте. Одинокое дерево, вырастающее из шара. Рой мог видеть этот шар совершенно отчетливо. Огромный шар, должно быть.

Ближняя к Рою сторона была вся залита солнечным светом. Откуда он взялся, солнечный свет?

— Мы направляемся туда. — Алис все еще была в напряжении, но в ее голосе слез уже не было. Она быстро пришла в себя.

— Что будем делать? Сами пойдем на посадку или подождем, пока он нас опустит?

— Я бы предпочла разогреть двигатель, — ответила она. — Может быть, его генератор гравитации вызывает штормы в этой искусственной атмосфере.

Он не спросил: «А откуда ты знаешь?» Разумеется, она просто предполагала.

Он поинтересовался:

— Оружие?

Руки Алис замерли на рычагах:

— Он не… Не знаю.

Он начал прикидывать возможности и таким образом упустил свой шанс.

Когда он проснулся, то подумал, что находится на Земле. Яркий солнечный свет, голубое небо, щекочущая ноги и спину трава, прикосновение, звуки, запах прохладного освежающего ветерка… Словно кто-то оставил его в национальном парке. Он перевернулся на бок и увидел Бреннана.

Бреннан сидел на траве, обняв свои узловатые колени. И смотрел на него. На Бреннане была только длинная рубашка. Вся рубашка была усеяна карманами — большие карманы, маленькие карманы, петли для инструментов, карманы на карманах и внутри карманов. И карманы эти большей частью были заполнены. Должно быть, важнейшее свое снаряжение ему приходилось носить с собой.

Там, где рубашка не покрывала его, кожа Бреннана напоминала коричневую замшу, и она была сплошь усеяна широкими морщинами. Он напоминал мумию Пак в Смитсонианском институте, но был крупнее и даже еще более безобразным. Выпуклости лба и подбородка со-

четались с гладкими очертаниями черепа Пак. Глаза его были коричневыми, полными мысли. И человеческими.

— Здравствуйте, Рой, — сказал он.

Рой стремительно сел. Алис лежала на спине, закрыв глаза. Она все еще была в своем герметическом костюме, но шлем был откинут… Корабль стоял, прислонившись брюхом к… к…

Головокружение.

— О'кей, все в порядке, — сказал Бреннан. Его голос был сухим. Чуточку инородным. — Что ж, вы добились того, чего хотели. Было бы нежелательно, что бы вы бросались на меня с огнестрельным оружием. Стабильность этой экосистемы поддерживать нелегко.

Рой снова огляделся, напротив него поднимался пологий зеленый склон. Он поднимался туда, где плавала, готовясь упасть на них, невозможная масса. Покрытый травой шар с одиноким гигантским деревом, вырастающим у него из бока. На ствол дерева опирался корабль. Корабль тоже готов был обрушиться вниз.

Алис Джордан села. Роя удивило, что она не ударилась в панику… но она мгновение изучающе смотрела на Бреннана-монстра, потом сказала:

— Значит, мы были правы.

— Вы почти угадали, — согласился Бреннан. — Хотя на Персефоне вы ничего бы не нашли.

— И теперь мы пленники, — горько произнесла она.

— Нет. Вы — гости.

Выражение ее лица не изменилось.

— Вы полагаете, что я играю терминами. Нет. Когда я отсюда уйду, вы останетесь здесь хозяевами. Моя работа здесь почти закончена. Мне придется вас проинструктировать, чтобы вы сами себя не загубили, нажав не на ту кнопку. И я передам вам документы на право владения Кобольдом. Для этого у нас еще будет время.

Передаст им Кобольд и документы? Роя охватило ощущение, словно его высадили на необитаемый остров, высадили здесь, в невообразимой дали от дома. Вполне приятная тюрьма. Не думает ли Бреннан, что он создал новый сад Эдемский? Но Бреннан продолжал:

— Разумеется, у меня есть свой корабль. Вы умно поступили, сохранив горючее. Вследствие этого вы очень разбогатеете, Рой. Вы тоже, мисс.

— Алис Джордан, — представилась она. Держалась Алис хорошо, но, казалось, не знала, что делать с руками. Руки ее дрожали.

— Зовите меня Джеком, можно Бреннаном-

монстром.

Рой произнес лишь одно слово:

— Почему?

Бреннан понял.

— Потому что моя работа здесь окончена. Как вы думаете, чем я здесь занимаюсь на протяжении двухсот двадцати лет?

— Использовали генератор гравитации, чтобы создать этот искусственный мир, — ответила Алис.

— И это тоже. А главным образом — я наблюдал, не появились ли в районе созвездия Стрельца радикалы лития, обладающие высокой энергией. — Он посмотрел на них сквозь маску лица. — Здесь нет ничего таинственного. Попытаюсь объяснить, чтобы вы не так нервничали. Я находился здесь не без цели. И несколько недель назад обнаружил то, что искал. Теперь мне придется уйти. Никогда не думал, что на это потребуется столько времени.

— У кого?

— У Пак. Погодите-ка, вам пришлось подробно изучить инцидент Физпока, иначе вы так далеко не забрались бы. Вам не приходило в голову, чем занялись бездетные защитники Пак после отлета Физпока?

— Естественно, не приходило.

— А я об этом задумался. Физпок основал космическую индустрию. Он выяснил, как выращивать дерево жизни на планетах в рукавах галактики. Он построил корабль, и это показало, что любой из Пак может сделать то же самое. Что дальше?

Для всех бездетных защитников обнаружилась цель в жизни. Появилась космическая индустрия, способная строить корабли, предназначенные для выполнения определенного задания. С Физпоком могло что-либо случиться (и случилось, как вы знаете). Или несчастный случай. Или же где-то в пути он мог утратить желание жить.

Рой понял:

— Они должны были выслать еще один корабль.

— И выслали. Даже если Физпок добрался, чтобы обследовать пространство радиусом в тридцать световых лет. Кто бы ни следил за Физпоком, но курс он держал не прямо на Солнце. Физпок изучил Солнце уже по прибытии сюда. Он направлялся в сторону, далеко от подлинной области своих поисков. Насколько я понимаю, это дало мне некоторое добавочное время, — продолжал Бреннан. — Я думал, что они отправят следующий корабль почти немедленно. Я боялся,

что не успею подготовиться.

— Почему у них ушло на это так много времени?

— Не знаю. — Бреннан издал звук, который можно было бы расценить как признание собственной вины. — Возможно, это тяжелое грузовое судно. Производители в состоянии приостановленной жизнедеятельности на тот случай, если мы вымерли за два с половиной миллиона лет.

— Вы сказали, что наблюдали за…

— Да. Спектр звезд не полностью аналогичен спектру двигателя Баззарда. Звезда, выгорая, испускает чертовски много тепла. Газ, по мере ее выгорания, уходит в пространство. Таранно-черпающий двигатель Баззарда испускает много необычных химических соединений, водород и гелий высоких энергий, радикалы лития, даже химические соединения лития с водородом, которых в обычных условиях являются невозможными. В фазе торможения все эти соединения испускаются потоком, обладающим высокой энергией и скоростью, близкой к скорости света.

Именно так был построен корабль Физпока, и я не ожидал, что Пак забракуют этот проект. Не только потому, что этот проект хорош, но и

потому, что это лучший проект, который они могут разработать. Когда вы умны так же, как Пак, то на поставленный вопрос существует только один правильный ответ. Хотел бы я знать, не случилось ли с их технологией что-нибудь после отлета Физпока. Из-за войны, например. — Он задумался. — Во всяком случае, я обнаружил в созвездии Стрельца странные химические соединения. К нам идут.

Рою было страшно задать свой вопрос.

— Сколько кораблей?

— Один, разумеется. На самом деле я его не видел, но они должны были выслать второй корабль, как только его построили. Чего ждать? Быть может, за ним идет еще один корабль, за ним — еще один. Я обнаружу их и отсюда, пока у меня еще есть нечто вроде телескопа.

— А потом?

— А потом я уничтожу столько кораблей, сколько их там окажется.

— Просто потому, что вам это нравится?

— Я ожидал подобной реакции, — ответил Бреннан с ноткой горечи. — Но сами подумайте. Если Пак узнают, на что похожа человеческая раса, они постараются истребить нас. И что вы прикажете мне делать? Связаться с ними и по-

просить отсрочки? Да одной этой информации им окажется вполне достаточно.

— Вы можете убедить их, что вы — Физпок, — заметила Алис.

— Возможно, мне это удалось бы. Что дальше? Разумеется, он должен был перестать есть. Но, прежде всего, он хотел довести свой корабль до цели. Он никогда не верил, что мы уже достаточно развили свою технологию, чтобы производить искусственные монополи. А верил он, что его корабль в данной системе является своего рода спасителем и что нам крайне необходима окись таллия.

— Хм.

— Хм, — передразнил ее Бреннан. — Вы думаете, мне нравится идея истреблять тех, кто преодолел тридцать одну тысячу световых лет, чтобы спасти нас от нас самих? Я долго думал над этим. Другого выхода не существует. Но не стану вас утомлять. — Бреннан поднялся. — Подумайте. Пока вы здесь, вы можете заодно изучить Кобольд. В конце концов, вы станете его владельцами. Все опасности остались по ту сторону двери. Играйте в волейбол, плавайте там, где найдете воду, займитесь гольфом, если он вам нравится. Но ничего не ешьте и не открывайте другие двери. Рой, рас-

скажите ей легенду о Синей Бороде. — Бреннан указал на низкий холм. — Этим путем и через сад вы дойдете до моей лаборатории. Я буду там, если вы захотите меня увидеть. Располагайтесь. — И он удалился бегом, а не прогулочным шагом.

Рой и Алис переглянулись.

— Как ты думаешь, что он на самом деле имел в виду? — спросила Алис.

— Мне это нравится, — ответил Рой. — Спланированная сила тяжести. Все это место, Кобольд. Располагая генератором гравитации, нам, может быть, удастся переместить его в глубь Солнечной Системы. Тогда мы устроим здесь Диснейленд.

— Что он подразумевал, говоря о Синей Бороде?

— Он подразумевал: «И в самом деле, не открывайте другие двери».

— Ох.

Поскольку они были вправе идти куда угодно, то решили навестить Бреннана на его холме. Благо он больше не подавал о себе вестей. У Кобольда был четко обрисованный горизонт, как у любого большого астероида. По крайней мере, с внешней стороны он представлял собой тороид.

Но они обнаружили сад. Здесь росли фруктовые деревья. И орехи. И участки, засаженные овоща-

ми на всех стадиях их созревания. Рой вытянул из земли морковку, и это сразу же пробудило воспоминания: он и его двоюродные сестры, все старше десяти лет, гуляют с Большой Стеллой по небольшому огородику, засаженному овощами, в ее поместье. Они вытаскивали морковку, потом мыли ее под водопроводным краном…

Он выбросил морковку, не попробовав, какова она на вкус. Он и Алис шли под апельсиновыми деревьями, не притрагиваясь к ним. В сказочной стране нельзя безнаказанно игнорировать приказы ее властителя… Но Рой не был уверен, знает ли Бреннан силу искушения нарушить запрет.

Когда они подошли поближе, вверх по дереву стремглав пронеслась белка. Из-за грядки со свеклой на них смотрел кролик.

— Это напоминает мне Астероид Годов, — сказала Алис.

— Мне это напоминает Калифорнию, — ответил Рой. — За тем исключением, что здесь другая сила тяжести. Хотел бы я знать, был ли я здесь прежде?

Она быстро взглянула на него:

— Ты что-нибудь вспомнил?

— Не факты. Странно все это. Бреннан вообще ни разу не упомянул о похищениях, верно?

— Нет… Он… Может быть, он думает, что ему не следовало так поступать. Поскольку мы здесь, мы должны сами все понять. Если Бреннан думает категориями чистой логики, тогда все это для него быльем поросло… Как если бы мы все это уже обсудили.

За садом они могли разглядеть самую верхнюю башню средневекового замка. Башня глядела прямо на них. Несомненно — лаборатория Бреннана. Они полюбовались ею, потом повернули обратно.

Природа сделалась более дикой, земля простиралась перед ними калифорнийской степью. Они заметили лису, сусликов, даже дикую кошку. Местность кишела живностью. Словно парк, если не считать, что дорога все время шла вниз.

На внутреннем изгибе тороида они постояли перед травянисто-зеленым шаром, глядя снизу вверх на свой корабль. Громадное дерево тянуло к ним свои ветви.

— Кажется, я могу дотянуться до этих ветвей, — заметил Рой. — Могу.

— Пустяки. Посмотри вон туда. — Она указала на изгиб…

Там, куда она показывала, струился поток, падающий с середины большого участка площади

Кобольда на травянистый шар.

— Да-а. Если мы воспользуемся этим водопадом, то можем добраться до корабля.

— У Бреннана должен быть путь отсюда и туда.

— Он сказал: «Плавайте там, где отыщете воду».

— Но я не умею плавать. Придется тебе одному.

— Договорились. Приступим.

Сначала вода показалась ему холодной, как лед. Вода блестела, отражая солнечный свет, вода слепила… И Рою захотелось попробовать снова. Над его головой сверкало яркое жаркое солнце. Но это был ядерный генератор.

Алис с берега смотрела на него.

— Ты уверен, что тебе еще раз хочется?

— Абсолютно уверен, — он часто засмеялся от того, что его трясло. — Если со мной что случится, обратись к Бреннану. Что для тебя прихватить с корабля?

— Одежду. — Под прозрачным герметическим костюмом на ней ничего не было. — Мне бы хотелось вот этими своими руками что-нибудь на себя одеть.

— Из-за Бреннана?

— Бреннан, насколько я знаю, беспол.

— Оружие? — спросил он.

— Не в нем дело, — она заколебалась. — Я пытаюсь придумать какой-нибудь способ проверить то, о чем рассказывал Бреннан. На корабле нет нужных для этого приборов. Но ты можешь попытаться обнаружить признаки солнечного шторма в созвездии Стрельца.

Рой поплыл к водопаду. От беснующейся воды не доносилось ни единого звука. Это могло оказаться не таким опасным, каким… должно было бы быть.

Что-то коснулось его лодыжки. Он изогнулся, посмотрел в глубину. В воде метнулась от него прочь серебряная вспышка. К ноге прикасалась рыба. Такого прежде с ним никогда не случалось.

Он добрался до того места, где вода текла вверх. Отдохнул, лежа на поверхности, позволяя течению нести себя. Секундная потеря ориентации, а затем… Он плыл в ровно текущем потоке.

Алис стояла, с тревогой глядя на него. Но она стояла горизонтально на боковой стене отвесного утеса.

Его удивило, как текут струи, скользящие вдоль его ног. Он нырнул прямо в завихрения, а вынырнул на противоположной стороне потока,

текущего в обратном направлении. Он снова нырнул, и поток понес его туда, где он попал на зеленый шар — попал в бассейн, имеющий форму почки. Корабль оказался всего в нескольких ярдах от него.

Трусдейл выбрался из воды. Отдышался. Рассмеялся. Поток, текущий по воздуху сразу в двух направлениях!

Корабельный прибор предупреждения о солнечных штормах не отметил ни малейшего признака каких-либо нарушений в созвездии Стрельца. Это ничего не доказывало. Трусдейл не знал, при какой мощности излучения срабатывает прибор. Он сложил в герметический костюм одежду для них обоих и, поскольку был голоден, добавил туда два пакета с едой. Костюм он плотно закрыл и взял с собой. А на оружие даже и не глянул.

Вделанная краем в обнаженную почву, висящая в воздухе почти горизонтально, изготовленная из какого-то серебристого материала, перед ними находилась лента Мебиуса. Сорока футов в поперечнике и шести футов шириной. Какое-то время они смотрели на нее, а затем Алис захотелось попробовать.

Сила тяжести шла вертикально к поверхности

ленты. Алис прошла по внешней стороне, потом она шла вверх ногами и вернулась по внутренней стороне. Помахав поднятыми в знак одобрения руками, она спрыгнула вниз.

Они наткнулись на миниатюрную площадку для гольфа. Все выглядело абсурдно просто, но на всякий случай Рой занял место подающего у сетки, попробовал. Сделал несколько ударов. Мяч выписывал в воздухе странные кривые, иногда подскакивал на большую высоту, чем та, с которой он падал, а один раз, вернулся с силой, с какой Рой ударил по мячу. Рой достаточно долго терпел это, но потом понял, что гравитационные поля здесь все время меняются, и сдался.

Они обнаружили заросший лилиями пруд, на поверхности которого возвышались водяные скульптуры. Мягкие очертания скульптур поднимались и опадали. Далеко от берега, в центре пруда, высилась очень подробно выполненная скульптурная голова. Пока Алис и Рой смотрели на нее, она изменилась. Твердое лицо и выпуклый череп Бреннана-монстра превратились в…

— Я думаю, это тоже Бреннан, — сказала Алис.

…в квадратное лицо с глубоко запавшими глазами. Человек был подстрижен полосой, как зонник. Во взгляде его таилась задумчивость, как

если бы он вспоминал о каком-то древнем зле. Губы его изогнулись во внезапной улыбке, и лицо начало таять…

Кобольд вращался. Когда они вернулись к замку, в этом районе уже наступали сумерки.

Стоящий на возвышении замок был выстроен из темных каменных блоков цвета грозового неба, с окнами в виде вертикальных щелей и большой деревянной дверью, рассчитанной на гиганта.

— Замок Франкенштейна, — сказал Рой. — У Бреннана еще сохранилось чувство юмора. Очень похоже получилось.

— Учитывая его историю, может быть, он просто важничает.

Рой пожал плечами:

— А что мы можем поделать?

Ручку огромной двери пришлось поворачивать обеими руками, а чтобы открыть ее — навалиться вдвоем.

Головокружение.

Они стояли на краю огромного открытого пространства. Все оно было заполнено лестницами, площадками и снова лестницами. Сквозь открытые двери мельком виднелись сады. И всюду безликие манекены, множество манекенов.

Манекены поднимающиеся и спускающиеся, стоящие на площадках и прогуливающиеся по садам… но стояли они под самыми разными углами. Две трети площадок были расположены вертикально. Так же, как и сады. Манекены стояли на вертикальных площадках без всякой поддержки. Двое двигались по лестничному маршу в одном и том же направлении, но один шел вверх, а другой — вниз…

Загремел голос Бреннана, перекатываясь эхом:

— Эй! Поднимайтесь сюда! Узнаете?

Никто из них не ответил.

— Это «Относительность» Эшера. На всем Кобольде вы найдете только копии других работ. Я думал сделать «Мадонну порта Ллигат», но здесь не хватает места.

— Иисус, — прошептал Рой. Затем он крикнул:

— А вам не приходило в голову установить «Мадонну порта Ллигат» возле порта Ллигат?

— Конечно, — раздался бодрый рев. — Но это многих испугало бы. Я не хотел становиться причиной излишних волнений. Мне даже не следовало бы изготовлять ту копию Стоунхенджа.

— Мы нашли не просто Вандерхэвена, — прошептала Алис. — Мы отыскали самого Финейгла!

Рой рассмеялся.

— Поднимайтесь! — проревел Бреннан. — Тогда не придется кричать. Не беспокойтесь насчет гравитации. Она отрегулирована.

Они изрядно устали, добираясь до верхушки башни. «Относительность» Эшера заканчивалась специальной лестницей, которая, казалось, бесконечно поднималась вверх и вверх, мимо оконных щелей, спроектированных для стрелка из лука.

Помещение на самом верху было мрачным и открытым небу. По прихоти Бреннана крыша и стены помещения казались начисто разрушенными, словно их обстреливали камнями из баллист. Но небо не было небом Земли. В нем ослепительно сверкали адски яркие, пугающе близкие звезды.

Бреннан отвернулся от своих устройств — от приборной доски шести футов высотой и двенадцати футов длиной, усеянной, словно еж колючками, лампочками, циферблатами и рычагами. В туманном свете солнц он выглядел словно сумасшедший ученый давних времен, лысый и уродливый, охотящийся за любого рода знаниями для себя и для мира.

Алис все еще не могла отвести глаз от изменившегося неба. Но Рой отвесил низкий поклон

и сказал:

— Мерлин, король велит тебе присутствовать.

— Передай старому сычу, — подхватил в тон Бреннан, — что я не смогу изготовить ему больше золота до тех пор, пока не прибудет груз свинца из Нортумберленда. А тем временем — как вам нравится мой телескоп?

— Это все небо? — спросила Алис.

— Алис, вы бы прилегли. В такой позе вы рискуете растянуть шею. Это гравитационная линза. — Он понял их изумление. Вы знаете, что в поле тяготения луч света искривляется? Хорошо. Я могу создавать поле, в котором свет сходится в одну точку. Получается линза, по форме напоминающая красный кровяной шарик. Таким вот образом я получаю свой солнечный свет. Солнце, видимое через гравитационную линзу, вместе с рассеянными в ней некоторыми добавками, дает мне голубое небо. Дополнительная выгода в том, что остальной свет рассеивается, так что Кобольд нельзя увидеть до тех пор, пока не подберешься к нему вплотную.

Рой посмотрел на близко пылающие светила:

— Совершеннейший эффект достоверности.

— Это созвездие Стрельца, направлении — к центру галактики. Я все еще не обнаружил этот

проклятый корабль. Но освещение приятное, не так ли? — Бреннан прикоснулся к кнопке, и небо покатилось, обтекая их, словно они находились на корабле, на сверхсветовой скорости проходящем сквозь звездное скопление.

— Что случится, когда вы их обнаружите? — спросил Рой.

— Я вам уже говорил. Я просчитал в уме эту ситуацию сотни раз. Это так, словно я уже прожил бесконечно долго во всех возможных обличьях. Мой корабль — копия того, который использовал Физпок, не считая некоторых усовершенствований. На одном ракетном двигателе я могу развить ускорение до трех «же», и у меня в грузовом отсеке — вооружение, которое я улучшал двести лет.

— Однако я думаю…

— Знаю я, что вы думаете. Частично мне придется сделать это из-за того, что у вас давно не было войн. Поэтому вы выросли такими мягкими и, как следствие, более миролюбивыми. На что вас и благословляю. Но сейчас — состояние войны.

— Но так ли это?

— Что вы знаете о Пак?

Рой не ответил.

— К нам идет их корабль. Если Пак когда-нибудь

в самом деле узнают о нас правду, они постараются нас истребить. Убивать они умеют. Это я вам говорю, будь оно все проклято! Я — единственный человек, когда-либо встречавшийся с Пак. Я — единственный человек, который когда-либо сможет понять их.

Рой ощетинился. Проявлять по отношению к нему такое высокомерие!

— Тогда где же корабль, о всезнающий Бреннан?

Другой, может быть, и заколебался бы от неуверенности. Но не Бреннан.

— Я еще не знаю.

— А где он может быть?

— На пути к Альфе Центавра. Если усилить сигнал… — Бреннан передвинул что-то, и небо над ними выплеснуло полосу света. Рой замигал, борясь с головокружением.

Звезды задрожали, остановились.

— …там. В середине.

— Оттуда исходят ваши необычные химические соединения?

— Более-менее. Это не точечный источник.

— А почему Альфа Центавра?

— Потому что Физпок шел почти в противоположном направлении. Большинство из

находящихся поблизости желтых карликов расположено по одну сторону от Солнца. Исключение составляют звезды Центавра.

— Что ж, этот второй Пак осмотрит систему Центавра и, если не обнаружит Страну Чудес, направится прочь от Солнца?

— Это было бы лучшее из того, что бы я смог придумать, — сказал Бреннан. — Но направление выхлопа показывает, что он неуклонно приближается. Поэтому мне остается предположить, что когда Физпок шел сюда, он следил за ним. Я послал корабль Физпока в направлении Страны Чудес. Но должен считаться с тем, что это могло его не обмануть. Если Физпок не ушел отсюда, он, возможно, обнаружил то, что искал. Таким образом, Пак номер два доберется и до нас.

— Так где он?

Небо снова колыхнулось. Яркие солнца спрятались за крохотными звездами, тускло светящимся газом и пылевыми облаками. Панорама Вселенной проплыла мимо них и, накренившись, остановилась.

— Там.

— Я его не вижу.

— Я тоже.

— Значит, вы его не нашли. Но продолжаете

утверждать, что понимаете Пак?

— Утверждаю. — Бреннан не колебался. За все время, что Трусдейл знал его, он только один раз заметил нерешительность Бреннана. — Если они делают что-либо неожиданное, то лишь потому, что изменились окружающие условия.

Неожиданно заговорила Алис:

— Может оказаться так, что там много кораблей?

— Нет. Зачем Пак посылать на нас флот?

— Не знаю. Но они продвинулись дальше, чем вы предполагали, основываясь на этих необычных химических соединениях. Ищите настойчивее, — сказала она. Она сидела на полу, скрестив ноги, запрокинув голову, чтобы видеть звезды. Бреннан, казалось, не слушал ее, он работал, манипулируя приборами телескопа. Но Алис продолжала:

— Выхлоп может иметь более размазанные очертания. А если они продвинулись дальше, то и скорость у них больше. Не так ли? До вас доходили частицы, обладающие более высокими скоростями.

— Но не в том случае, если они взяли с собой большой груз, — возразил Бреннан. — Тогда им пришлось бы идти медленнее.

Небо выросло, надвинулось на них, расплылось.

— Но ведь это же дьявольски маловероятно! Один шанс из множества, что такое могло бы случиться… Подождите, пожалуйста. Настройка займет много времени. Поле мы получим сразу же.

Звезды померкли, затем опять размазались.

— Во всяком случае, мне следует проверить эту возможность. Тогда нам можно будет больше не беспокоиться.

Размытые очертания неба сконденсировались в точные белые точки. Гигантские звезды в поле зрения отсутствовали.

Но там же находились сотни две крошечных, одинакового размера голубых точек. Каждая на значительном расстоянии от других, и все вместе они образовывали то, в чем Рой постепенно узнал шестиугольник.

— Я просто не могу в это поверить, — сказал Бреннан. — Слишком много совпадений.

— Вот они. Да это же целый флот! — Роя охватил ужас. Он почувствовал, что и Бреннан, защитник человечества, не сумел предвидеть это.

Он поверил Бреннану.

— Их должно быть больше, — сказал Брен-

нан. — Дальше, в направлении к ядру галактики. Слишком далеко, чтобы их можно было разглядеть с помощью моих приборов. Вторая волна. И, может быть, третья.

— Разве этих — недостаточно?

— Недостаточно, — ответил Бреннан. — Вы еще не поняли? В ядре галактики что-то случилось. Это — единственная причина, которая могла вызвать такой дальний поход столь большого числа кораблей. Она подразумевает эвакуацию мира Пак. Но я не вижу достаточного для этого количества кораблей, даже если учитывать вспыхнувшие между ними войны и то, что каждый защитник старался захватить для своих потомков первые же построенные корабли.

Маленькие голубые огоньки на фоне неба, усеянного слишком яркими звездами. Гибель от этих крохотных голубых огоньков?

Алис потерла шею:

— Что могло случиться?

— Все, что угодно. Черные дыры, блуждающие в ядре галактики и накапливающие все большую и большую массу, могли слишком близко подойти к Пак. Или — какой-нибудь вид космической жизни. Или — могло взорваться ядро галактики, породив цепную реакцию вспышек сверхновых.

В других галактиках такое случалось. Меня беспокоит иное, что следует предпринять сейчас?

— Вы не подумали, что могут быть и другие объяснения?

— Ни одно из них не годится. И это не простое совпадение, как поначалу кажется, — устало произнес Бреннан. — Физпок создал лучшую астрономическую систему, которая когда-либо существовала. И она фиксировала его курс, как бы далеко он не ушел. После его отлета Пак, должно быть, обследовали окружающее пространство и обнаружили нечто. Сверхновую в плотном скоплении старых звезд. Исчезновение звезд. Области, искривляющие световые лучи. Это — Совпадение Финейгла. Я просто не мог поверить.

— Может быть, вы не хотели поверить, — сказала Алис.

— А вы могли поверить в это?

— Но почему сюда? Почему они идут к нам?

— К единственному из известных обитаемых миров вне ядра галактики. Кроме того, у нас хватит времени, чтобы обнаружить движущихся в других направлениях.

— Да-да.

Бреннан взглянул на них:

— Вы не голодны? Я голоден.

Глубоко внутри поражающего воображение лабиринта «Относительности» Эшера была укрыта небольшая кухня. С одной точки зрения это была площадка, с другой — стена. Стена, на которой стояли шкафчики с кухонными принадлежностями, раковина, спаренные духовки, утопленная в стене плита с горелками. Рядом с плитой громоздились продукты в сыром виде: тыквы, дыни, два кролика со свернутыми шеями, морковь, сельдерей, множество пряностей.

— Давайте посмотрим, как быстро умеем мы работать, — сказал Бреннан. И очертания его рук размазались, рук сделалось множество. Рой и Алис остановились позади его мелькающих рук. В одной руке был нож, и нож двигался словно серебряная молния. Морковь мгновенно превратилась в кругляши, а кролики, казалось, просто развалились на части.

Рой чувствовал дезориентацию, резкий отрыв от реальности. Интуитивно он отвергал связь между маленькими голубыми огоньками над башней и флотом сверхсуществ, готовых истребить человечество. Не помогала и эта домашняя идиллия. Нож-молния продолжал готовить обед, а Рой Трусдейл смотрел сквозь открытую створку огромных дверей на пейзаж Кобольда.

— Вся эта пища оттуда, не так ли? — спросила Алис. — Почему вы не хотели, чтобы мы там ели что-нибудь?

— Ну, всегда есть шанс, что вирус дерева жизни приживается еще где-нибудь. Приготовление пищи его убивает, и существует лишь ничтожная вероятность, что он вообще способен где-либо выжить, если я перестану вносить в почву окись таллия. — Бреннан не поднимал глаз и не прекращал работу. — Когда я избавился от опеки Земли, то оказался лицом к лицу перед загадкой Финейгла. Продовольствие у меня имелось, но в чем я действительно нуждался — это в вирусе из корней дерева жизни. Я перепробовал различные способы: пытался культивировать его в яблоках, гранатах… — Он поднял глаза, чтобы убедиться, понимают ли они, о чем он говорит. — Я получил штамм, который может жить в мясе. И вот тогда я понял, что смогу здесь выжить.

Бреннан разложил кролика и овощи словно на натюрморте. Поставил горшок в духовку:

— В моей кухне имелись все сорта замороженных продуктов. К счастью, я любил хорошо поесть. Позднее я раздобыл семена с Земли. Сам я никогда не подвергался опасности, я всегда мог просто уйти. Но мне не нравилось то, что может

произойти с цивилизацией в результате моих действий, — он обернулся. — Обед будет готов через десять минут.

— Вы были одиноки? — спросила Алис.

— Да. — Бреннан выдвинул стол из пола. Это был не знаменитый самовыкатывающийся пластик, а массивная деревянная плита, достаточно тяжелая, чтобы Бреннану пришлось напрячь мускулы. Взгляд, брошенный им назад, на Алис, видимо, показал ему, что она ожидает более подробного ответа. — Видите ли, я буду одинок везде. И вы это знаете.

— Нет, не знаю. И вам следовало бы относиться к нам более радушно.

Бреннан, казалось, резко отклонился от темы:

— Рой, вы здесь уже бывали. Вы догадывались об этом?

Рой кивнул.

— Как я стер ваши воспоминания именно об этом периоде? Вы думали об этом?

— Не знаю. — Рой внутренне напрягся. — Никто не знает.

— Простейшая вещь на свете. Сразу после того, как я вас оглушил, я сделал запись с вашего мозга. Переписал всю вашу память. А перед тем, как оставить вас на вершинах, я стер память

из вашего мозга полностью, а потом наложил на него запись. Это более сложно, чем процесс, когда изменяют отвечающие за память РНК и сложнейшие электрические поля, но зато мне не пришлось выделять из воспоминаний те, которые я хотел уничтожить.

— Бреннан, это ужасно, — произнес Рой слабым голосом.

— Почему? Потому что в течение какого-то времени вы были безмозглым животным? Я не собирался оставлять вас в таком состоянии. Я делал это двадцать раз, и несчастных случаев не бывало.

Рой содрогнулся:

— Вы не понимаете. Этот я, который провел у вас четыре месяца. Он умер. Вы убили его.

— А вы начинаете понимать.

Рой посмотрел ему прямо в глаза.

— Вы правы. Вы — другой. Вы будете одиноким где угодно.

Бреннан накрыл на стол. Пододвинул кресла для гостей, двигаясь с невозмутимой неторопливостью, характерной для хорошего официанта. Подал еду, отложив себе половину, потом сел и начал есть с жадностью волка. Ел он опрятно и закончил гораздо раньше, чем они. Его живот

заметно раздулся.

— Критические положения вызывают у меня чувство голода, — пояснил он. — А теперь мне хотелось бы извиниться. Но на войне — воюют.

И со скоростью бегуна он удалился.

Несколько следующих дней Рой и Алис чувствовали себя незваными гостями безупречного хозяина. Они не часто виделись с Бреннаном. Однажды они мельком заметили его вдали, он мчался с бешеной скоростью.

Или же они находили его в лаборатории, вечно погруженного в регулировку своего «телескопа». Теперь в поле находился только один корабль, видимый на фоне красных карликов и расположенных между звездами пылевых облаков: алое ядерное пламя, переходящее в голубовато-желтое свечение гелия, искры по его краю.

Бреннан беседовал с ними, не прерывая своей работы:

— Форма корабля Физпока, — сказал он с явным удовлетворением. — То, что хорошо сделано, они не меняют. Видите в центре пламени черную точку? Во время торможения первым идет грузовой отсек. И отсек этот больше, чем на корабле Физпока, их корабли движутся медленнее, чем Физпока, пройдя то же расстояние. Они не так

близки к скорости света. Здесь они будут не раньше, чем через сто семьдесят два — сто семьдесят три года.

— Это хорошо.

— Хорошо для меня. Грузовой отсек идет первым, а в качестве груза — спящие в замороженном состоянии производители. Уязвимая конструкция, как по-вашему?

— Не при соотношении в двести тридцать против одного.

— Рой, я не сумасшедший. Я не собираюсь их атаковать в одиночку. Я попрошу помощи.

— Где?

— В Стране Чудес. Она ближе всего.

— Что? Нет. Ближе всего Земля.

Бреннан обернулся:

— Вы с ума сошли? Я не собираюсь даже предупреждать Землю. Земля — это восемьдесят процентов человечества, в том числе и все мои потомки. Лучший для них вариант — не участвовать в сражении. Если какой-либо другой мир ввяжется в войну и проиграет, есть шанс, что так еще какое-то время не заметят Землю.

— Таким образом вы собираетесь использовать Страну Чудес как приманку? А им вы об этом сообщите?

— Не стройте из себя дурака.

Они бродили по Кобольду, стараясь не попадаться на пути Бреннану. Он появлялся неожиданно, выходя из-за валуна или рощи, то ли вечно торопящийся, то ли постоянно поддерживающий себя в боевой форме — он никогда не говорил, в чем именно дело. И на нем всегда была одета рубашка. Он носил ее не из-за стыдливости или для защиты от стихий, а потому, что ему были необходимы карманы. Насколько Рой знал, рубашка выполняла также и аварийные функции: в одном из больших карманов хранился сложенный герметичный костюм.

Однажды он встретил их возле одного из окружавших замок зданий. Бреннан провел их через воздушный шлюз и показал нечто, находящееся за внутренней стеклянной стеной.

В большой облицованной камнем полости плавала серебряная сфера восьми футов в диаметре, отполированная до зеркального блеска.

— Чтобы удерживать ее там, требуется чертовски сильное гравитационное поле, — сказал Бреннан. — Большей частью она состоит из нейтрониума.

Рой присвистнул. А Алис сказала:

— Но ведь она должна быть нестабильной? Она

слишком маленькая.

— Конечно, должна быть. Но я поместил ее в стасис-поле. Теперь ее материя сконцентрирована в основном на поверхности. Можете представить, что сила тяготения на ее поверхности равна восьми миллионам «же»?

— Думаю, могу.

Нейтрониум был наиболее плотным состоянием материи, под давлением большим, чем в центре большинства звезд. Нейтроны в нем укладывались бок о бок. Плотнее могла быть лишь гипермасса. Но гипермассу нельзя было уже рассматривать как материю — скорее как точечный источник гравитации.

— Я думал оставить его здесь, в качестве приманки. На тот случай, если корабль Пак придет, когда меня здесь не будет. Но теперь их слишком много. Я не могу допустить, чтобы они обнаружили Кобольд. Этот подарок оказался бы смертельно опасным для человечества.

— Вы намерены уничтожить Кобольд?

— Вынужден.

Иногда они стряпали себе сами. Но, следуя инструкции Бреннана, не употребляли в пищу ни картофеля, ни мяса. Иногда еду для них готовил он. Его непостижимая для глаз скорость никогда

не выглядела торопливостью, но он ни разу не остался побеседовать с ними после завершения трапезы. Он сильно прибавил в весе, но, казалось, все это ушло в мускулы. И в громадные узлы суставов, которые еще больше придавали ему облик скелета.

Он продемонстрировал настоящую вежливость. Ни разу он не заговорил с ними свысока.

— Мы для него вроде котят, — заметила Алис. — Он занят, но следит, чтобы мы были сыты, а порой остановится, чтобы почесать нам за ухом.

— Это не его вина. Мы ничем не можем ему помочь. Мне даже хочется, чтобы что-нибудь случилось…

— Мне тоже, — она лежала на траве, под солнечными лучами, которые теперь имели странный оттенок. Бреннан убрал из гравитационной линзы, через которую проходили лучи Солнца, свой добавочный компонент. Свет мешал его наблюдениям. Теперь небо стало черным, Солнце увеличилось и сделалось туманным. Оно уже не могло бы выжечь человеку глаза.

Чтобы легче регулировать многократно усиленные гравитационные поля, Бреннан остановил вращение Кобольда. Теперь все время дул ветер. Он свистел в бесконечной ночи, окутавшей лабо-

раторию Бреннана. Ветер охлаждал полуденный жар на обращенной к Солнцу стороне травяного шара. Растения еще не начали погибать, но ждать этого оставалось недолго.

— Сто семьдесят лет. Мы так никогда и не узнаем, чем все это закончится, — сказала Алис.

— Мы можем прожить достаточно долго.

— Надеюсь.

— У Бреннана, должно быть, вируса дерева жизни больше, чем ему необходимо.

Когда она вздрогнула, Рой засмеялся.

Алис села:

— Скоро нам придется уйти отсюда.

— Посмотри.

В водопаде появилась гладкая голова. Показалась рука и помахала им. Теперь Бреннан плыл, пересекая пруд, его руки вращались словно пропеллеры.

— Мне приходится плыть как сумасшедшему, — сказал он. — Я тяжелее воды. Понимаете?

— О'кей. Как идет война?

— Сносно. — Бреннан поднял заполненный кассетами герметически запечатанный пластиковый мешок. — Звездные карты. Я почти готов к отбытию. Если бы я мог придумать какое-нибудь эффективное новое оружие, чтобы взять

его с собой, то провел бы здесь хоть целый год, изготовляя его. Теперь остался только последний осмотр.

— У нас на корабле есть оружие. Может, взять его? — предложил Рой.

— Спасибо, принято. Что у вас есть?

— Ручные лазеры и винтовки.

— Ну, места они займут не очень много. Благодарю. — Бреннан отвернулся, глядя на пруд.

— Эй!

Бреннан повернулся:

— Что?

— Могла бы вам пригодиться помощь другого рода? — спрашивая, Рой чувствовал себя дураком.

Бреннан пристально посмотрел на него.

— Да, — сказал он. — Но помните, вы сами об этом спросили.

— Верно, — твердо ответил Рой. (Знакомое ощущение: «А что я с этого буду иметь?»)

— Мне хотелось бы сопровождать вас, — сказал Рой и затаил дыхание.

— Бреннан, — произнесла Алис, — если вам действительно нужна помощь, то я тоже хочу быть с вами.

— Извините, Алис, но вашей помощью я не

могу воспользоваться.

Алис заставила себя сдержаться.

— Я не упоминала, что я хорошо тренированная золотомундирница. Владею оружием, обучена водить космические корабли, могу вести преследование.

— А, кроме того, вы беременны.

Бесконечно приспособленный к чему угодно, Бреннан имел привычку в середине разговора взорвать бомбу, он, казалось, просто не понимал этого. У Алис от этого заявления перехватило дыхание.

— Я?

— Мне следовало бы быть более тактичным? Дорогая моя, вы можете ожидать, что у вас все пройдет великолепно…

— Как вы узнали?

— Действие гормонов вызывает некоторые изменения. Поймите, вам нельзя подвергаться потрясениям. Вы должны избегать…

— Избегать попыток сделать что-либо полезное, — закончила она за него. — Я знаю. Я подумывала о том, чтобы завести ребенка, но это было до того, как началось дело Вандерхэвена, а потом… ну, Рой, потом был только ты. Я думала, все плоскостники…

— Нет, я понимал, что ребенок может быть. Откуда, как ты думаешь, берутся новые плоскостники? Я тебе говорил, но никогда…

— Рой, не надо быть таким взволнованным. — Алис встала и обвила его своими руками. — Я горжусь. Понимаешь ты это своей тупой головой?

— Я тоже, — он улыбнулся, чуточку принужденно. Разумеется, ему хотелось стать отцом. Но…

— Но что нам теперь делать?

Она выглядела обеспокоенной, но ничего не ответила.

Они быстро утратили контроль над ситуацией. Бреннан взорвал слишком много бомб одновременно. Рой крепко зажмурился, словно это могло бы помочь. Когда он открыл глаза, Бреннан и Алис все еще смотрели на него.

Беременная Алис.

Маленькие голубые огоньки.

— Я… я… я пойду с Бреннаном, — заявил он им. — Не потому, что я перестал любить тебя, — добавил он быстро и настойчиво. Его руки крепко сжали ее плечи. — Мы принесли ребенка в этот мир. В тот самый мир, который, по странному стечению обстоятельств, стал мишенью для двухсот тридцати…

— Я обнаружил вторую волну, — сообщил Бреннан.

— Проклятье! Лучше бы мне этого не знать!

Алис рукой закрыла ему рот:

— Я все понимаю, моя верная команда. Думаю, ты прав. Воздух был заполнен дымом от сжигаемых мостов.

Они стояли под ветвями одинокого громадного дерева, наблюдая. Бреннан занимался каким-то портативным прибором, вытащенным из своей рубашки.

Потом он повернулся к ним и сказал:

— Пора.

Рой и Алис обнялись, потом Алис медленно пошла к кораблю.

Бреннан только смотрел.

Построенный двести лет назад одноместный корабль походил на пузатенькое насекомое с длинным жалом. Паутина грузовых сетей распласталась словно двойные крылья. Кончик жала светился. Бреннан затратил целый день, обучая Алис управлению кораблем, обслуживанию и ремонту. Сейчас корабль издавал пронзительный визг. Рой не верил, что одного дня окажется достаточно, но если Бреннан в этом уверен… А Алис все сделала хорошо. Она пошла прямо

вверх, потом плавно повернула туда, где должно находиться Солнце.

Рой содрогнулся, испытывая настоятельную необходимость, понимание того, что если он не сделает что-то прямо сейчас, значит, он обманут на всю жизнь. Но момент был давно упущен. Он только смотрел.

Солнце выглядело теперь странно. Бреннан перестроил гравитационную линзу, превратив ее в систему запуска корабля. Рой увидел, как Солнце немного сместилось влево, затуманилось, окружило оказавшийся точно в его центре корабль.

Корабль скрылся из виду.

— У нее не будет никаких затруднений, — сказал Бреннан. — А судно это послужит для нее источником дохода. Оно не просто реликт. Оно — историческая достопримечательность. И я сделал на нем некоторые любопытные изменения в…

— Безусловно, — ответил Рой. Он смотрел на увядшую траву и ставшие желтыми листья деревьев. Теперь пруд представлял собой неглубокое озерко грязи. Кобольд еще раньше утратил все свое очарование.

Бреннан хлопнул его по плечу:

— Пошли.

Он вошел в то, что прежде было прудом. Рой

вздрогнул, последовал за ним. Прохладная грязь выдавливалась между пальцами ног.

Бреннан нагнулся, глубоко погрузился в топь, выпрямился. С чмокающим звуком обнаружилась металлическая дверь. Дверь воздушного шлюза.

Теперь события сменяли друг друга очень быстро. Шлюз вел в тесную кабину управления. В кабине находились два треснувших кресла, над пультом шел круговой экран, словно в космическом корабле.

— Привяжитесь, если хотите, — сказал Бреннан. — Если мы ошибаемся, то мы в этом случае — покойники…

— Если бы я знал…

— Нет. Когда мы будем в пути, вы сможете осмотреть корабль для душевного успокоения. Черт, да у вас для этого будет целый год.

— К чему такая спешка?

Бреннан искоса взглянул на него:

— Рой, имейте же сердце. Я проторчал здесь дольше, чем прожила на свете ваша Большая Стелла.

Он включил обзорный экран.

Они плыли по туннелю, проходящему через весь Кобольд.

Бреннан резко ударил по кнопке.

Кобольд рывком отдалился.

— Я дал быстрый старт, — пояснил Бреннан. — Наберем скорость вдвое быстрее.

— Хорошо.

Кобольд замедлил свой бег, остановился и стал похож на кулак какого-то божества, занесенный для удара. Рой вскрикнул. Он ничего не мог поделать с собой. Только что они находились в туннеле, а теперь впереди было черное небо.

Рой развернул свое кресло, чтобы видеть то, что осталось позади, но Кобольд уже исчез. Солнце здесь было — звезда среди звезд.

— Давайте увеличим его, — сказал Бреннан. Солнце сделалось намного больше, вылезло за пределы прямоугольной секции обзорного экрана, там же стал виден уменьшившийся в размерах Кобольд. Снова резкое увеличение — и Кобольд заполнил экран.

Бреннан нажал красную кнопку.

Кобольд смялся, словно невидимая рука сделала его комом ваты. Камень потек как масло, запылал жарким желтым светом. В теле, в желудке Роя почувствовалась слабость. Это было так же, как если бы кто-нибудь вздумал бомбардировать Диснейленд.

— Что вы сделали? — спросил он.

— Выключил генераторы гравитации. Я не могу допустить, чтобы Пак обнаружили Кобольд. Чем дольше они его не заметят, тем лучше для нас.

Весь Кобольд был охвачен желтым пламенем, он уменьшался, таял.

— Через несколько минут он полностью окажется размазанным на поверхности того восьмифутового шара нейтрониума. А когда остынет, найти его окажется практически невозможно.

Теперь Кобольд превратился в слепящую глаза яркую точку.

— И что будет потом?

— В течение года, двух месяцев и шести дней — ничего. Хотите осмотреть корабль?

— Ничего?

— Я имел в виду, что нам в течение этого времени не придется набирать ускорение. Взгляните, — пальцы Бреннана порхнули над пультом управления. Обзорный экран послушно продемонстрировал трехмерную проекцию Солнца и его расположенной в двадцати пяти световых годах соседки.

— Мы здесь, возле Солнца. Направляемся — вот сюда. Эта точка находится как раз посередине между Альфой Центавра и звездой Ван-Маанена.

Когда мы уничтожим корабль Пак, то направимся прямо в середину их флота. Они не смогут определить нашу относительную скорость, не зная скорости нашего выхлопа, а поперечной составляющей они не могут знать вообще. Им придется предположить, что я иду к Альфа Центавра или от звезды Ван-Маанена. Я не хочу навести их прямо на Солнце.

— В этом есть смысл, — неохотно согласился Рой.

— Так давайте отправимся в путешествие, — сказал Бреннан. — Позднее мы сможем уточнить детали. Я хочу, чтобы вы научились управлять кораблем. На тот случай, если со мной что-либо стрясется.

«Летучий Голландец»— так назвал Бреннан свое судно. И хотя внутри его были корабли, само оно вряд ли являлось кораблем.

— Если вам нужно подтвердить название, — весело заявил он, — то могу утверждать, что мы плывем под парусами. Здесь нас подкарауливают и приливы, и фотонные ветры, и пылевые мели, которые могут поглотить нас.

— Но с момента старта вы все время заняты управлением.

— Конечно, но, если нужно, я могу развернуть

световой парус. Пока я предпочитаю этого не делать. Парус сделает нас более заметными.

«Летучий Голландец» представлял собой обломок скалы, большей частью — полый. В трех больших ангарах находился разобранный на части корабль, оснащенный таранно-черпающим двигателем Баззарда. Корабль был таким же, как у Пак. Бреннан дал ему название «Защитник». Еще в одном ангаре помещался грузовой корабль Роя Трусдейла. Что бы он уместился там, полость пришлось расширить. Остальные помещения были пусты.

Нашлось место и для гидропонного сада.

— Сюда вход запрещен, — предупредил Бреннан. — Дерево жизни. Никогда сюда не заглядывайте.

Была здесь и тренировочная комната. Бреннан затратил немного времени, показывая Рою, как отрегулировать механизмы, чтобы они оказались подвластными мускулам пользователя. На борту «Летучего Голландца» сила тяжести была почти нулевой. Им обоим пришлось привыкать к такому притяжению.

Имелся склад деталей к механизмам.

Имелся телескоп, большой, но обычного образца.

— Я не хочу использовать сейчас генераторы гравитации. Я хочу, чтобы мы внешне выглядели как скала. Позднее мы будем выглядеть как корабль Пак.

Рой подумал, что это не так уж необходимо.

— Пройдет половина от этих ста семидесяти лет, прежде чем Пак обнаружат какие-либо следы того, чем мы сейчас занимаемся.

— Возможно.

И был «Защитник». Первые несколько недель путешествия они мало чем занимались, не считая тренировок Роя Трусдейла по управлению судном. Он узнал, чем отличается корабль Бреннана от корабля Физпока.

— Я не знаю, какое время нам придется еще сохранять маскировку, — заявил Бреннан. — Может быть, до самого конца, может быть, вообще не придется. Посмотрим.

А пока Бреннан превратил кабину управления в учебную студию, перемонтировав воспринимающие устройства системы управления и производя ввод сигналов снаружи. Рой научился поддерживать постоянное ускорение в 0, 92 «же». Научился так распределять поля в пространстве, чтобы для внешнего наблюдателя выхлоп казался размазанным. Двигатель судна Физпока не

был отрегулирован с такой точностью, как двигатель на корабле Бреннана. Так и должно было быть, если учесть, что Физпок проделал путь в тридцать одну тысячу световых лет.

Рубка управления оказалась намного больше, чем предполагал Рой.

— У Физпока было не так много свободного места, правда?

— Верно. Физпоку пришлось взять с собой пищу, воздух, оборудование для всего, что ему могло понадобиться в полете длиной в несколько тысяч лет. А мне — нет. Однако нас двое… Кроме того, не было вычислительной техники, или он не пожелал ею воспользоваться.

— Хотел бы я знать, почему?

— Пак не видят смысла в создании машин, которые бы думали за них. Они сами умеют думать слишком хорошо, и это им, кстати, очень нравится.

Внутри каплеобразного грузового отсека не было ничего напоминающего то, с чем чужой корабль пришел два столетия назад в Солнечную Систему. Его содержимым была смерть. Ее могли нести и тяжелые позиционные ракетные двигатели, и сам корабль. Вдоль его продольной оси был установлен рентгеновский лазер. Расположенная

параллельно лазеру толстая труба генерировала направленное магнитное поле.

— Таким образом можно нарушать основанную на действии монополей работу таранно-черпающего двигателя Баззарда. Разумеется, вы не сможете повредить этот двигатель в достаточной степени, если будете действовать неправильно.

Когда Рой научился манипулировать этим устройством (на что ушло много времени — слишком мало он знал о теории поля), Бреннан взялся за военную муштровку.

Это оказалось тем, из-за чего Рой взбунтовался.

Прошло два месяца муштры, но она не стала ни на йоту приятней. Рой вернулся в школу, где был всего-навсего учеником, а учитель, занимавшийся с ним круглосуточно, был не из тех, кто может простудиться, или урок которого удастся прогулять. Но ведь Рой не стал снова ребенком. Он расстался с открытыми пространствами Земли. Он расстался с Алис. Он расстался со всеми женщинами, черт побери! И такое будет продолжаться целых пять лет.

Пять лет — и остаток жизни придется провести в Стране Чудес. О Стране Чудес он знал немного. Но знал, что население ее было немногочисленным и редким. Адекватной была и технология.

Пасторальный рай, вероятнее всего. Милейшее местечко, чтобы провести там свою жизнь… до тех пор, пока не объявится Бреннан. А теперь Стране Чудес придется готовиться к войне.

— Флот Пак на расстоянии в сто семьдесят три года пути, — сказал Трусдейл. — Мы окажемся в Стране Чудес через пять лет. Почему вы считаете, что вам понадобится артиллерист? Во всяком случае, я-то зачем понадобился?

Бреннан крепко ухватился руками за край отверстия, через которое должны будут выпускаться ядерные ракеты.

— Вы вправе сказать, что я научился быть скромным. Я уже давно думал, что следует заняться поисками флота Пак, но так этого и не сделал. Просто вероятность была слишком мала. Ну, я и перестал искать их.

— Искать кого? Мы же знаем, где находится флот Пак.

— Мне не хотелось бы тревожить вас. Это долгая история.

— Меня тревожить? Мне надоело! Мне просто скучно!

— Прекрасно, тогда вернемся немного назад, — сказал Бреннан. — Мы знаем, где находится первый флот и как он велик. Второй флот отпра-

вился на триста с лишним лет позже. Все, что я о нем знаю, — это размытый источник тех самых необычных химических соединений, химических соединений выхлопа. Этот флот движется намного быстрее. И они идут не прямо след в след первому флоту. На это им потребовалось бы слишком много горючего.

— Размеры?

— Меньше. Порядка ста пятидесяти кораблей, если допускать, что они не меняли имеющуюся у них конструкцию. Точнее я сказать не могу.

— Есть и третий флот?

— Если он и есть, я никогда не смогу его обнаружить. Чтобы построить второй флот, они должны были найти новые источники материалов и энергии. Возможно, они вели шахтные разработки в близлежащих системах, там и построили свои корабли. Сколько времени ушло у них на постройку третьего флота? Где они его строили? Возможно, это место очень далеко отсюда. Но дело в том, что должен быть и последний флот.

— Что дальше?

— Я предполагаю, что когда отправился последний флот — второй, третий или четвертый, это не важно, — то часть защитников осталась на месте. Допустим, это были защитники, не имеющие

потомства, потерявшие всех своих производителей. Они остались потому, чтобы на кораблях было больше свободного места, а также потому, что еще могут принести пользу Пак.

— Оставшись в покинутом мире? Каким образом?

— Они могли построить разведывательный флот.

Роя не в первый раз тревожило душевное состояние Бреннана. Физиологические изменения плюс двадцать два десятилетия, проведенных в одиночестве… Но если Бреннан свихнулся, он слишком умен, чтобы показать это.

— Но этот ваш разведывательный флот, — мягко заметил Рой, — должен отставать по меньшей мере на пятьсот лет от последнего флота.

— Звучит глупо, не так ли? Но им не нужно было экспериментировать. Им не требовалось искать доказательства, что их замысел правилен — поскольку они рискуют только собой. Им ни к чему грузовые отсеки. И, думаю, они могут постоянно выдерживать тройную силу тяжести. Я же могу. Значит, вес необходимых для них припасов должен быть намного меньше, поскольку сам полет займет меньше времени. Производители ушли, а защитники способны на что угодно…

Например, они могут создать новые шахты для добычи металла, вызвав вулканические извержения в коре планеты Пак.

— У вас неплохое воображение.

— Благодарствую. Что я могу представить, так это то, что они могли планировать догнать первую волну судов с эмигрантами примерно там, где телескопы Пак уже недостаточно хороши, чтобы разведать лежащее дальше пространство. И с этого момента они летят впереди флота. Вам все еще скучно?

— Нет. Но вы грезите наяву. Они никогда не смогут построить эти гипотетические корабли. Что бы ни выгнало их из ядра галактики, оно уже, вероятнее всего, должно было погубить разведчиков.

— Дьявольщина, оно могло погубить третью волну и потрепать вторую. И, либо оно уничтожило разведывательные корабли, либо (как бы вы не просчитались со своим мнением) они идут сюда.

— Вы их обнаружили?

— Как? Обшаривая все небо? Они не просто вцепятся нам в глотку, они приближаются к Солнцу неизвестно с какого направления. На их месте я поступил бы именно так. Вспомни-

те, что они ожидают найти: мир цивилизации защитников Пак, каким она была у них двести лет назад. Имевших достаточно времени для освоения девственного мира, начиная с населения… О, тридцать миллиардов производителей всех возрастов. И созданные Физпоком недавно появившиеся три миллиона защитников. Разведчики не захотят выдавать местоположение своего флота.

— Хм-м…

— Кое-что я могу сделать, но на изготовление необходимых приборов у меня уйдет несколько дней работы. Первое, что необходимо мне, это удостовериться, что вы умеете водить этот корабль. Управлять им и сражаться. Так что вернемся в отсек жизнеобеспечения. Направленное магнитное поле вызывало возмущения в межзвездной плазме. Такие же возмущения возникали при работе двигателя Баззарда. Поле, используемое как оружие, могло обрушить поток плазмы на испускающий ее корабль. Атакующий должен был варьировать свои удары, чтобы вражеский пилот не мог компенсировать действие оружия. Если окружающий водород имел неодинаковую плотность, атакуемый корабль мог оказаться поврежденным. Если плазма различалась по

плотности, противник не мог даже выключить двигатель, не рискуя погибнуть при этом. Одним из назначений таранного поля являлась защита от гамма-лучей, возникающих при сгорании топлива.

— Если есть выбор, бейте его в районе сопла, — наставлял Бреннан. — Но не позволяйте ему делать с вами то же самое.

Лазер, если его луч попадал в корабль, нес более верную смерть. Но к началу сражения вражеский корабль должен был находиться на расстоянии, по меньшей мере, нескольких световых секунд. Это делало его слишком маленькой, неуловимой целью. И увидеть его можно было лишь с опозданием в секунды или минуты. Для нанесения удара легче было использовать тысячемильные крылья таранного поля.

Управляемые бомбы отличались многочисленностью и разнообразием. Некоторые из них были обыкновенными ядерными бомбами. Другие под действием таранного поля извергали горячую плазму или испарения, внезапно и бурно превращающиеся в огненный поток или же полтонны радонового газа, спрессованного стасис-полем. Смерть просто и смерть со сложностями. Были и обыкновенные макеты-ловушки, посеребренные

баллоны.

Рой учился.

Прошло почти три месяца со дня уничтожения Кобольда, и Рой сжился с войной. В последнее время эти учебные сражения даже доставляли ему удовольствие. Но наслаждался он ими не в одиночку. Что бы он ни делал, рядом с ним находился неистощимый на выдумку Бреннан. Разведчики Пак на трех «же» выходили ему в хвост, а затем — бабах! Шесть «же»и сближение. Некоторые из ракет, выпущенных им, ушли по самым диким траекториям: разведчики каким-то образом нарушили управление ими. Два корабля увернулись от луча его лазера с такой легкостью, что он просто выключил окаянное устройство. Пак направили лазеры на него, подожгли не только корабль, но и тянувшееся за ним сжатое в жгут поле. Атомы водорода столкнулись и слились в ядерной реакции, так что «Защитника» резко и неровно подбросило, и Рою пришлось беспокоиться за сохранность генераторных установок. На немыслимых скоростях они метали в небо бомбы, вероятно-линейного ускорителя. Ему приходилось медленно отворачивать по случайным кривым. «Защитник» не был тем, что можно назвать маневренным кораблем.

Трое суток он провел в модуле жизнеобеспечения, ел там и пил, а сон ему заменяли возбуждающие таблетки. Он подчинялся правилам придуманной Бреннаном игры. И был близок к сумасшествию. Выводы о том, что происходит за стенками модуля, он мог делать только на основании показаний приборов. Он представлял твердые лица, похожие на лицо Бреннана.

Два разведчика подошли к нему сзади, и он наконец ударил по одному из них направленным магнитным полем и увидел, как таранное поле врага вспыхнуло и рассеялось.

Как раз в этот момент он понял, что там было две пары кораблей, идущих гуськом друг за другом. Будь ты проклят, Бреннан! Он ударил по переднему судну, но замыкающее все еще находилось там… и замедляло ход. Так, словно его тормозила потеря головного корабля, Рой сосредоточил внимание на второй паре, которая по-прежнему приближалась.

Он попытался развернуться. Два сцепленных вместе корабля должны быть менее маневренными, чем один… И часом позже он узнал, что так оно и есть. Сам он мог поворачивать лишь на долю угловой минуты, но его противники оказались еще менее подвижными. Он, по-прежнему

увертываясь, смог вклиниться в промежуток между вражескими кораблями.

Он попытался использовать свое оружие против одиночного корабля, оставшегося у него за кормой.

Половина имевшегося на борту оружия раскалилась докрасна. Ему пришлось сделать вывод, что хвостовой отсек взорван. Вероятно, из-за этого идиотского излучателя: он пытался пробить дыру в таранном поле одиночного корабля. Он мог бы держать пари на свое судно, что прав, и он даже рискнул допустить, что взрывом уничтожен лазер, который при других обстоятельствах мог бы принести определенную пользу. Он выпустил серию бомб с противоположной месту взрыва стороны грузового отсека. Головной корабль оставшейся пары вспыхнул и погиб.

Таким образом, от каждой пары осталось по одному замыкающему кораблю, всего — два. Ускорение, которое они могли набрать, было меньше, чем у него. Он немного отошел, затем развернулся и напал на них. Ему по-прежнему удавалось увертываться от снарядов, ракет и лучей лазера.

Разведчики уходили от боя. Он видел, как они уменьшались… Но затем один из них перестал

уменьшаться… И наконец пошел на Трусдейла с максимальным ускорением. Он приближался сзади, набрав что-то около восьми «же».

Первым побуждением Роя было закричать:

— Бреннан, что вы делаете?

Он так бы и поступил прежде. Теперь же он удержался. Потому что ответ был для него очевиден: второй корабль поджег выхлоп «Защитника». Не имеет значения, каким образом. Но это было сделано. Так вот почему они двигались в тандеме!

Отключив двигатели, он дважды выбросил по полтонны радона.

Радон имел короткий период полураспада. Стабильным он оставался только в стасис-поле. На оболочке бомбы, частично сделанной из мягкого железа, был установлен генератор поля. Под воздействием вражеского таранного поля он взрывался. Минутой позже радон подвергался сильному сжатию, и по нарастающей начинало происходить следующее: слияние ядер в этом районе приводило к образованию трансурановых элементов, и затем немедленно следовал ядерный взрыв. Таранное поле словно бы зажигало рождественскую елку в универсальном магазине. Корабль Пак вспыхнул крохотной белой точкой,

затем точка потускнела и исчезла.

Возвращение к реальности — процесс медленный. Рою пришлось убеждать самого себя, что это было не на самом деле, что все это разыграно. Он резко подпрыгнул, когда в люке стремительно просунулась абсолютно чуждая голова Бреннана.

А потом тотчас же завопил:

— Какого черта потребовалось зажигать мой выхлоп?

— Я точно знал, что вы этим поинтересуетесь, — сказал Бреннан. — Об этом мы еще поговорим детально, но давайте сперва обсудим, как проходил бой.

— Заткнитесь вы со своим боем!

— Вы провели его неплохо, — продолжал Бреннан. — Но боезапасов у вас осталось немного. Так что хорошо, что вы не повстречались с большим числом разведчиков. И у вас не осталось резервов горючего, чтобы выйти на орбиту вокруг Страны Чудес, вы расходовали его слишком расточительно. Но вы можете оставить «Защитник»и пойти на посадку на грузовом корабле.

— Очень мило. Невероятно успокаивает. А теперь скажите-ка, каким образом разведчик Пак умудрился поджечь мой выхлоп, а потом подойти

и повредить мне корму?

— Это одна из возможностей. На самом деле — она первая из тех, что я начал исследовать, потому что до нее нетрудно додуматься. Лучше я покажу вам все это на графиках.

Рой несколько успокоился, когда они добрались до рубки управления «Летучего Голландца». А кроме того, его начал бить озноб. Три дня, проведенных в кресле рубки «Защитника», опустошили его дотла.

Бреннан внимательно посмотрел на него:

— Если хотите, отложим.

— Нет.

— Хорошо, я не долго. Давайте рассмотрим, какие действия производит ваше таранное поле. Оно собирает межзвездный водород в жгут трех тысяч миль в поперечнике. Жгут сжимается магнитными полями. Сжатие достаточно сильное и происходит достаточно долго, чтобы началась ядерная реакция. На выходе гелий, некоторое количество избыточного водорода и продукты ядерной реакции, обладающие высокой энергией.

— Так.

— Это очень горячий и довольно плотный поток. В конечном итоге он рассеивается в про-

странстве, как и любой ракетный выхлоп. Но, предположим, что корабль, за которым вы следуете, находится здесь. — Бреннан изобразил на экране картинку: два крохотных корабля, один в ста милях позади первого. Перед головным кораблем протянулся широкий конус, сходящийся позади него почти в точку. Защита корабля — острие в форме иглы — отбрасывала поступающий водород в кольцеобразный сжиматель.

— Вы собираете поступающее от него горючее. Его таранное поле имеет всего лишь сто миль в поперечнике… — Бреннан изобразил несколько более узкий конус. — Это позволяет ему более точно контролировать поток поступающего горючего. Поступает оно горячим и плотным. Оно лучше горит, ядерная реакция протекает более бурно. В выхлопе должно обнаружиться много бериллия.

Это просто одна из тех штучек, которые могут попытаться выкинуть оставшиеся Пак. Идущий впереди корабль не оборудован ничем, кроме тарана: на борту нет горючего, нет двигателей, нет груза. Двигает его таран. Сопровождающее судно тяжелее, но таким путем оно получает большее ускорение.

— Вы думаете, именно таким способом Пак

идут на нас?

— Не исключено. Есть и другие варианты, при которых получается то же самое. Два независимых судна, удерживаемых вместе генератором гравитации. При необходимости они могут расцепляться. Или настоящим является переднее судно, а заднее служит только в качестве двигателя. В любом случае, я могу обнаруживать их. Они будут испускать атомы бериллия, светящиеся, словно неоновая реклама на фоне неба. Все, что мне надо сделать, это построить детектор.

— Помощь понадобится?

— При известных обстоятельствах. Идите спать! Попробуем справиться с этим за месяц или около того.

Рой остановился в дверном проеме:

— Так долго?

— Ровно столько, чтобы у вас язык не начал вываливаться. Всегда будьте в такой же готовности, как сейчас. Но в следующий раз обращайтесь поосторожнее и повнимательнее с электромагнитным излучателем. Когда вы проснетесь, я покажу, что с ним способны вытворять разведчики Пак.

Бреннан трое суток провел в мастерской. Если он и спал, то спал там. Едой он пренебрегал. А то,

чем он там занимался, заполнило мастерскую непрекращающимся грохотом, и по всему «Летучему Голландцу» распространялось жужжание вибрации.

Рой прочел пару старинных романов, оказавшихся в памяти компьютера. Он плавал по голым каменным пещерам и переходам, и от этого у него зародилось гнетущее впечатление, что он заточен под землей. Он до изнеможения работал в учебной комнате. Из-за отсутствия силы тяжести мышечный тонус у него несколько понизился. С этим надо было что-то делать.

Он изучал, что представляет собой Страна Чудес. И обнаружил то, что и ожидал. Тяготение: 61% земного. Население 1024000 человек. Площадь освоенной территории: 3000000 квадратных миль. Наибольший город: Мюнхен, население: 800 человек. Прощай городская жизнь. В результате и Мюнхен ему когда-нибудь покажется схожим с Нью-Йорком.

Время перевалило на четвертые сутки, когда он обнаружил, что в мастерской воцарилась тишина, а Бреннан, по всей вероятности, заснул. Он собирался уйти, когда Бреннан приоткрыл глаза и заговорил.

— Вы слишком полагаетесь на эти долгие,

медленные повороты. Меняйте ускорение — и таким образом вы сумеете избегнуть оружия Пак. Все время увеличивайте и ослабляйте напряженность таранного поля. Когда, например, на вас направят лазерный импульс, ослабьте напряженность. Ядерной реакции просто не в чем будет начаться, если плазма сжата недостаточно плотно.

Роя это не удивило. Он уже знал манеру Бреннана возобновлять разговор, прерванный несколько дней назад. Он сказал:

— Тот оставшийся корабль легко бы мог это сделать, когда я выпустил на него радон.

— Верно, мог, если среагировал бы достаточно быстро. На больших скоростях заряд окажется сжат прежде, чем враг поймет, что заряд идет в его таранное поле. Особенно если заряду не придавать начального ускорения с помощью ракеты. Это хорошая мысль, Рой. Запомните, никогда не летите вслед убегающему кораблю. Он может выбросить в таранное поле вашего судна слишком многое. Надеюсь, что в любом сражении убегать придется нам.

Рой вспомнил, зачем он пришел:

— Вы не ели как минимум два дня. Я подумал, что должен…

— Я не голоден. У меня призма в печи, и надо подождать, пока она охладится.

— Я мог бы принести…

— Спасибо, не надо.

— Какой в этом смысл?

— Разве я говорил, что меня просто понять? Если поблизости не окажется разведчиков Пак, вы сможете просто высадиться в Стране Чудес в одиночку. Большая часть того, что я знаю о Пак, записана в памяти компьютера. Когда защитник не испытывает в этом необходимости, он не ест.

— Так у вас все-таки появилась какая-то надежда обнаружить разведчиков Пак?

Бреннан рассмеялся. Это скорее можно было назвать хихиканьем, хотя рот его оставался неподвижным. Его лицо не было абсолютно затвердевшим, оно скорее напоминало выделанную с морщинами кожу. Вот только рот его походил на окаменевшую раковину. Рот человека очень во многом определяет выражение его лица.

Вечером того же самого дня он явился, волоча сооружение весом в фунтов триста. Наиболее видное место в устройстве занимала большая кристаллическая призма из какого-то твердого металла. Он не позволил Рою помочь ему тащить этот механизм, но установкой его в фокусе

телескопа «Летучего Голландца» они занимались вместе. Рой принес бутерброд и заставил Бреннана съесть его. Трусдейла раздражала необходимость играть роль еврейской мамаши, но еще больше раздражала мысль о посадке в Страну Чудес в одиночку.

Когда на пятые сутки, как раз в полдень, Рой пришел присмотреть за ним, Бреннана не оказалось. Рой отыскал его там, куда ему, Рою, вход был запрещен — в гидропонном саду. Бреннан, склонившись над открытым баком, доставал один за другим клубни сладкого картофеля и поглощал их.

Спектр, отброшенный призмой на белую поверхность, походил на дождевую радугу. Бреннан указал на яркую зеленую линию.

— Бериллий. Со сдвигом в голубую область. Линии гелия — в фиолетовую. Обычный бериллий находится в инфракрасной области.

«Со сдвигом в голубую». Любой школьник знает, что это значит.

— Он приближается, чтобы вцепиться нам в глотку. Он идет прямо на нас, но не исключено, что он изменит курс. Мы находимся на расстоянии лишь двух световых недель от Солнца, а он — светового года, и я полагаю, что он тормозит. Я

должен буду это проверить. Мы все узнаем, когда увидим его выхлоп. Но я думаю, что он нацелился на Солнце.

— Бреннан, это еще хуже.

— Это просто настолько скверно, насколько может быть скверно. Через месяц мы будем знать. К тому времени он уже достаточно сместится, и мы сможем определить параллакс.

— Месяц! Но…

— Погодите-ка минуточку. И успокойтесь. Как далеко он сможет продвинуться за месяц? В настоящее время его скорость ниже световой. Мы движемся, вероятно, быстрее, чем он. Месяц — это для нас немного. А я смогу установить, сколько их там, где они, куда они направляются. И мне нужно кое-что сделать.

— Что?

— Один аппарат. Я задумал его после того, как мы обнаружили флот Пак, и когда я понял, что у Пак могут быть разведчики. Все чертежи устройства в компьютере.

Рой не боялся одиночества. Он опасался его противоположности. Бреннан был не обычным спутником, а в «Защитнике», когда они наконец покинут «Летучий Голландец», должно быть тесновато. В течение недели или около того, Рой

отказывался от наблюдений, сознательно лелея свое одиночество. Описывая руками и ногами круги, он парил между полом и потолком в пустой учебной комнате. Позднее ему захочется вспомнить эту комнатушку. Даже этот наполовину полый каменный шар был слишком мал для человека, который с большей охотой занялся бы альпинизмом.

Однажды он предложил: необходимо уточнить бреннановские модели поведения разведчиков Пак. Но у Бреннана не нашлось ничего нового.

— Вы знаете ровно столько, сколько нужно, если собрались когда-либо вступать в бой с Пак. Вам не страшно?

— Да, черт возьми.

— Рад это слышать.

Как-то Бреннан не появился в лаборатории. Рой отправился на его поиски. По мере того как шло время, упрямство его все возрастало. Но Бреннана, казалось, вообще не было на борту корабля.

Наконец он спросил сам себя:

— Как бы поступил в данном случае Бреннан? Логично. Если его нет внутри, значит, он снаружи. Что ему снаружи могло понадобиться?

Верно. Вакуум и выход на поверхность.

Дерево, трава, ил на дне пруда — все было вы-

морожено, обезвожено, погибло. Звезды стали яркими и жуткими. И более реальными, чем они выглядели на телевизионном экране. Рой смог взглянуть на них как на поле битвы: невидимые планеты — это те территории, которые должны быть завоеваны, а окружающая звезды газовая броня — смертельная ловушка для неосторожного воина.

Он увидел прожектор Бреннана. Бреннан работал в пустоте, создавая… нечто. Его заново разрисованный скафандр выглядел чужеродным анахронизмом. На груди — фрагмент картины Дали: Мадонна и младенец, очень красиво нарисованные. Отломленная буханка хлеба проплывала сквозь окно в теле младенца, и он пристально следил за ней задумчивым, взрослым взглядом.

— Не подходите слишком близко, — раздался голос Бреннана из переговорного устройства в скафандре Роя. — Когда я создавал Кобольд, у меня нашлось достаточно времени, чтобы потратить его немного и на этот каменный шарик. Здесь, под его поверхностью, укрыты химически чистые элементы.

— Что вы делаете?

— Одну шуточку, способную на расстоянии

разрушить генератор направленной гравитации. Если генерированная гравитация — это то, чем они пользуются, чтобы их суда шли тандемом, значит, гравитация эта должна быть поляризованной. В противном случае она не будет действовать на таком расстоянии. Мы знаем, что они умеют этого добиваться. Генератор они установят на размыкающем судне, потому что оно будет получать достаточное количество энергии, чтобы поддерживать поле.

— А если предположить, что они используют что-либо другое?

— Тогда я без толку потратил на это целый месяц. Но я не верю, что они станут пользоваться кабелем. В фазе торможения даже кабель Пак не выдержит выхлопа буксируемого судна. Я могу допустить, что все необходимое они погрузят на замыкающее судно, а передний корабль будет использоваться исключительно для того, чтобы нести основную часть двигателя Баззарда, то есть компрессор. Но тогда они проигрывают и в мощности и в маневренности.

Я пытался представить себе, как спроектирован разведывательный корабль Пак. Это не так-то просто, поскольку я не знаю, чем они располагают. Худший с нашей точки зрения вариант, до

которого я смог додуматься, это два независимых корабля, оснащенных мощными многоцелевыми генераторами таранного поля. При такой тактике если в бою потеряны два головных корабля, в пару соединяются два ведомых. И наоборот.

— Да-а.

— Но я в это не верю. Большая часть груза будет равномерно распределена между всеми судами. Так им понадобится меньшее число кораблей. Я думаю, они пойдут на компромисс. Переднее судно, оснащенное двигателем Баззарда, предназначено для боя, но не слишком отличается от нашего. Заднее судно является многоцелевым, на нем установлен большой генератор таранного поля. Соединить в пару можно два замыкающих, но не два передних судна. Во всяком случае, головное судно более уязвимо. Вы в этом убедились.

— Значит, с этими разведчиками будет бороться труднее, чем с теми, с которыми сражался я.

— И их трое.

— Трое?

— Они идут конусом через… Помните? Ту карту околосолнечного пространства? Район, в котором сосредоточены почти все красные карлики? Пак идут через этот район. Думаю, цель их состоит в том, чтобы составить для флота карту обратного

маршрута, если с Солнцем что-либо не так. В противном случае они убедятся, что с Солнцем все в порядке, а затем пойдут к другим желтым карликам. Почти все карлики находятся на расстоянии около одного светового года от Солнца. И небольшая их часть расположена особняком — на расстоянии примерно в восемь световых месяцев.

Рой порылся в памяти. Где же окажется поле боя? Положение Солнца он представил легко, но никак не мог вспомнить, откуда придет первый разведчик. Его охватила дрожь, хотя костюм удобно облегал его, а грел гораздо лучше, чем когда-либо прежде. Костюм был отрегулирован Бреннаном.

— Их может оказаться больше.

— Мне это представляется сомнительным, — возразил Бреннан. — Я не обнаружил больше никаких источников бериллия, имеющего сдвиг в другую частоту.

— Допустим, они идут не попарно, а по одному. Тогда они выглядят, как обыкновенные корабли, снабженные двигателем Баззарда.

— Мне в это не верится. Сами посмотрите, им необходимо видеть друг друга. Если разведчик исчезнет, другим нужно об этом знать.

— Прекрасно. Значит, нам надо помешать им идти к Солнцу. Как насчет того, чтобы нам выступить в качестве приманки?

— Верно.

Короткий, данный без раздумья ответ смутил Роя. Подобное случалось так часто, что создавалось впечатление, будто Бреннан уже все обдумал, продумал во всех деталях. Причем продумал давным-давно. Бреннан ничего не добавил, и Рой спросил:

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Нет. С этим мне надо закончить самому. А вы — освежите свою память. Местную астрономию вам надо знать назубок. Она — карта нашего поля боя. Посмотрите в справочнике, что там есть о Доме. Мы не пойдем к Стране Чудес. Если у нас окажется такая возможность, мы пойдем к Дому.

— Как же так?

— Сейчас объясню. Я намереваюсь в глубоком космосе совершить поворот под прямым углом. Учитывая это, Дом оказывается наиболее оптимальной целью. К тому же, на нем хорошо развитая промышленная цивилизация.

«Дом. Эпсилон Индейца — 2. Вторая из пяти планет системы, включающей так же 200 астероидов, вращающихся по беспорядочным, но

нанесенным на карты орбитам.

Сила тяжести: 1,08 земной.

Диаметр: 8800 миль.

Период обращения: 23 часа 10 минут.

Продолжительность года: 181 день.

Атмосфера: 23% кислорода, 76% азота, 1% — редкие нетоксичные газы.

Давление на уровне моря: 11 футов на квадратный дюйм.

Один спутник.

Диаметр: 1200 миль.

Сила тяжести: 0,2.

Строение поверхности в общих чертах напоминает лунную.

Открытие: в 2094 году, с помощью исследовательских зондов, оснащенных двигателями таранного типа.

Заселение: в 2189 году, с помощью тихоходных судов и автоматов таранного типа…»

Использование двух новых технических приемов облегчило заселение Дома. Тихоходные корабли несли каждый по шестидесяти колонистов, находящихся в стасисе. Столетием раньше для шестидесяти человек потребовалось бы три-четыре тихоходных судна. И хотя ни одно живое существо не может перенести путешествия в

автомате таранного типа, оказалось, что эти автоматы могут доставлять горючее на тихоходные корабли. Широко использовалась и более старая техника: припасы для колонистов доставлялись на орбиту вокруг Дома таранными автоматами, что сохраняло место на борту тихоходных кораблей. Взамен тех автоматов, что потерпели аварию в пути, тут же высылались новые.

Первоначально колонисты намеревались назвать свой новый мир Плоской Страной. Вероятно, это забавляло их — думать о себе и своих потомках, как о плоскостниках. Но однажды мнение жителей Дома изменилось: запоздалый приступ патриотизма.

Население: 3200000 человек.

Освоенная территория: 6000000 квадратных миль.

Главные города…»

Рою потребовалось некоторое время, чтобы заучить карту наизусть. Города располагались обычно в русле рек. Сельские общины — вблизи моря. Жизнь на Доме развивалась в море. Существовала, правда, и сухопутная жизнь, но слаборазвитая. Сельское хозяйство образовывало замкнутый экологический цикл, но для производства удобрений широко использовались

морские организмы.

Существовала хорошо развитая горнодобывающая промышленность, вся продукция которой шла на нужды самого Дома.

Контакты с Землей обусловили преобладающую роль промышленности, устойчивое и постоянное развитие всех новых отраслей.

Три миллиона… Трехмиллионное население свидетельствовало о высоком уровне рождаемости, даже если первоначальный прирост обеспечивался зародившимися в колбе детьми и пришедшими позднее кораблями с колонистами. Рой никогда не задумывался об этой стороне увеличения населения колониальных миров. Гордость от права быть отцом многих детей… гордость, имевшая на Доме гораздо меньшее значение, так как здесь не приходилось доказывать свою гениальность, не приходилось доказывать, что вы изобрели колесо, чтобы получить лицензию. Однако… у него, у Роя, окажутся дети в двух мирах.

Но, вероятно, Дом изменится к худшему, когда Бреннан выведет его на тропу войны. Война никогда не являлась забавой, а межзвездная война подобного рода (Рою следовало бы это знать) обещала быть затяжной и нелегкой. Какой ум по-

требуется, чтобы разработать планы ее ведения на все сто семьдесят три года вперед?

Устройство, которое смастерил Бреннан, несколько превышало его рост, было цилиндрической формы и тяжелым на вид. Бреннан установил его возле одного из тех люков, за которыми ожидал своего часа разобранный на части «Защитник».

— Мне необходимо быть полностью уверенным, что я могу получать адекватно поляризованное поле, — сказал Рою Бреннан. — В противном случае в этот прибор может провалиться весь «Защитник» целиком.

— Как Кобольд, а? И вы в силах это сделать?

— Думаю, да. Пак же умеют… как мы предполагаем. Если уж у меня это не получится, остается предположить, что они удерживают корабли в связке каким-то иным способом.

— Где же это устройство будет находиться?

— Я помещу его позади оружейного отсека. А ваш грузовой корабль — позади отсека жизнеобеспечения. Мы будем растянуты цепочкой. Пак не увидят, что я несколько изменил конструкцию корабля, они сделали бы то же самое, будь у них инструменты и материалы.

— Почему же вы думаете, что они этого не

сделали?

— Я этого не думаю, — возразил Бреннан. — И я по-прежнему хочу знать, каким образом они меня порадуют, узнав, чем я располагаю.

Как-то он заглянул в обсерваторию.

— Все закончено, — отрывисто сообщил он. — Я могу получать такое поляризованное гравитационное поле, какое мне необходимо. А это означает, что оно может быть и у Пак, что они, по всей вероятности, его используют.

— В таком случае, мы готовы к отправлению? Наконец-то.

— Как только я установлю, чем занимаются разведчики Пак. На это уйдет часов двенадцать, не больше, я обещаю.

На экране телескопа разведчики Пак выглядели крошечными зеленым огоньками, находящимися далеко друг от друга. Огоньки несколько продвинулись в направлении Солнца. Бреннан, казалось, просто знал, где их искать, а это говорило, что он наблюдал за ними все эти два месяца.

— По-прежнему идут с ускорением в три «же», — сказал он. — И намерены отдохнуть только тогда, когда доберутся до Солнца. Я был прав, говоря, что они способны так много выдерживать. Посмотрим, сколько удастся выдержать мне.

— Разве вы мне раньше не говорили, что все это предусмотрено?

— Верно. Теперь мы покидаем «Летучий Голландец». Черт с ними, с доказательствами, что я иду от звезды Ван-Маанена. В любом случае Пак увидят нас под неправильным углом. Я сделаю вид, что направляюсь к Стране Чудес с ускорением что-нибудь около 1,08 «же», продержусь в таком положении с месяц, а затем увеличу ускорение до двух «же»и начну отворачивать в сторону от Пак. Если к этому моменту они меня заметят, а я смогу им внушить, что достаточно опасен, они повернут следом за мной.

— Почему?.. — хотел было спросить Рой, но тут же вспомнил, что 1,08 «же»— сила тяжести на поверхности Дома.

— Я не хочу, чтобы они думали, будто я Пак. Не сейчас. Больше вероятности, что они погонятся за чужаком, сумевшим самостоятельно построить корабль. Или же сумевшим украсть корабль Пак. И я не хочу, чтобы ускорение равнялось силе притяжения Земли. Это бы было слишком большой подсказкой.

— Понятно. Но тогда они решат, что вы идете от Дома? Этого вы и хотите?

— Пожалуй, да.

Раньше у Дома оставался скромный выбор: вступать ему в войну или не вступать. Рой вздохнул:

— А что, если двое из них пойдут к Солнцу, а оставшийся погонится за вами?

— И прекрасно. Они пока что на расстоянии восьми световых месяцев друг от друга. Каждый из них вынужден будет начать делать разворот за восемь месяцев до того, как он сможет убедиться, что остальные тоже разворачивают. Чтобы вернуться на прежний курс, им потребуется еще полтора года. А к этому времени они могут просто-напросто решить, что я слишком опасен, чтобы уклоняться от боя. — Бреннан скользнул глазами по экрану. — Вы не разделяете моего энтузиазма?

— Бреннан, ведь это еще целых два проклятых года, прежде чем вы даже узнаете, что они повернули за вами. Им потребуется год, чтобы увидеть вас. Вам потребуется год, чтобы убедиться, что они повернули за вами.

— Не обязательно два года. Гораздо меньше. — Глаза Бреннана под выступами лба поблескивали черным. — Какое время вы можете выдерживать бездействие?

— Не знаю.

— Я могу поместить вас в капсулу стасис-поля, использовав для этого две радоновые бомбы.

— О господи, передышка!

— Да, это было бы славно. Но для этого нам придется выбросить радон. Так ведь?

— Нет, черт побери. Этого бы я не стал делать. Я просто помещу две бомбы в отсеке обеспечения, между двумя генераторами, и окружу их металлическим кожухом.

В Рое заговорила совесть.

— Послушайте, разве вы не ощущаете того же, что и я? Я имею в виду — ожидание. Мы могли бы чередоваться в роли наблюдателя.

— Бросьте. Если на то есть причины, то я могу ждать без передышки хоть до Страшного Суда.

Рой засмеялся. Он-то и в самом деле получал передышку.

Стасис-капсула представляла собой цилиндр семи футов длиной, изготовленный из мягкого железа. Цилиндр был приварен к двум радоновым бомбам, так что общая длина сооружения достигала четырнадцати футов. Попасть в него можно было через люк, соединяющий кухню с учебной студией.

Цилиндр, словно гроб, был подогнан под размеры Роя. Он и почувствовал себя словно в гробу.

Рой крепко стиснул зубы, удерживая просящиеся наружу слова, пока Бреннан устанавливал на место изогнутую крышку люка.

Закрываясь, люк издавал низкий звук.

— Ты уверен, что это сработает?

— Идиот. Именно таким образом и был заселен Дом. Разумеется, это сработает.

Бреннан никогда бы не подумал, что он такой дурак.

Он ждал. В темноте. Он представлял, как Бреннан заканчивает сварку, как, прежде чем нажать на тумблер, проверяет контакты, прозванивает цепи и тому подобное. Затем… Он перестал ощущать течение времени. И когда крышка открылась, он глупо поинтересовался:

— Не сработало?

Внезапно на него навалилась сила тяжести. Рой ударился ступнями об пол, но устоял. Только заворчал от потрясения и удивления. Необходимости задавать вопросы не было, «Защитник» вступил в сражение, легко развивая ускорение в три «же».

Люк качнулся обратно. Бреннан подхватил Роя под мышки, поднял. Руки его были тверды как железо. Он наполовину вел, наполовину тащил Роя к противоперегрузочному креслу. Тиски

сместились на пояс Роя, Бреннан неторопливо уложил его в кресло.

— Я не калека, — прохрипел Рой.

Бреннан откинул спинку противоперегрузочного кресла Роя.

— Скоро вы почувствуете себя калекой, — с точно такой же осторожностью он улегся в другое кресло. — Они вцепились в приманку. И идут за мной следом. Теперь на протяжении двух лет ускорение наше — 2,15 «же». Оно такое небольшое потому, что «Защитник» способен обогнать их.

— А вы можете сказать, что они делают?

— Я вам продемонстрирую. — Бреннан положил руки на пульт управления, и экран заполнило звездное небо. — Два года наблюдений, сжатые до десяти минут. При таком показе вы все лучше поймете. Видите корабли Пак?

— Да. — Три зеленые точки, удлиняющиеся заметно для глаз, движущиеся. Яркая белая звезда — Солнце — отодвигалась с центра экрана влево.

— Пока они делали разворот, я получил их параллакс. Ускорение небольшое, но поворот был произведен быстро. Радиус поворота — почти как у нас. Думаю, что суда разделились и осуществили поворот независимо друг от друга. Сейчас они снова идут гуськом, преследуя нас с ускорением

в пять с половиной «же».

— Вы полагали, что это почти предел для них?

— Не забывайте, я несколько дней провел с Физпоком в качестве наставника. Полагаю, что физически здоровый Пак способен выдерживать ускорение в три «же» сколько угодно. А в шесть «же», которое губительно, — на протяжении пяти лет. Разведчики знают пределы своих возможностей и намерены достичь их.

Три зеленые точки плыли по направлению к Солнцу. Внезапно они исчезли и тут же появились снова. Теперь окраска их стала более туманной, более желтой. Борясь с собственным весом, Рой попытался сесть, но рука Бреннана толкнула его обратно.

— Это тот момент, когда они пошли с ускорением.

Рой понаблюдал еще с минуту, но ничего не происходило, не считая того, что зеленые звездочки сделались намного ярче.

— Вот где мы сейчас находимся. Изображение показывает расстояние между ними примерно в один световой год. Сами корабли находятся на два световых месяца ближе, если считать, что они преследуют нас с постоянным ускорением. Через несколько месяцев мы узнаем, не повернет

ли какой-нибудь из них на обратный курс. В противном случае лидирующая пара должна нагнать нас примерно через четырнадцать месяцев по корабельному времени. Если не считать того, что они могут начать торможение и попытаться нанести нам удар издали. Такой удар потребует несколько большего времени.

— Четырнадцать месяцев.

— Корабельного времени. Мы идем на релятивистских скоростях. Мы пройдем гораздо большее расстояние, чем это.

Рой покачал головой:

— Мне пришло в голову, что вы разбудили меня несколько преждевременно.

— Это не так. Я не смог придумать ничего такого, что бы они могли сделать со мной на таком расстоянии, но я не уверен, что они тоже ничего такого не придумали. Я предпочел разбудить вас, чтобы вы смогли полностью прийти в себя, на тот случай, если со мной что-либо произойдет. Кроме того, я хочу отправить эти бомбы обратно в оружейный отсек.

— То, что вы сказали, звучит неправдоподобно. Что они могут сделать такого с вами, что за компанию убьет и меня?

— Прекрасно, у меня была еще одна причина

вас разбудить. Ведь я мог поместить вас в стасис-поле сразу же после того, как мы покинули Кобольд. Почему я этого не сделал?

Рой почувствовал усталость. Из-за гравитации, отгоняющей кровь от мозга?

— Мне надо было учиться. Учиться водить этот корабль и воевать.

— И вы в состоянии сражаться? Да вы похожи на кучу мокрой лапши. Черт бы все это побрал. А мне надо, чтобы вы могли двигаться, когда события начнут развиваться.

Рой… да, он почувствовал себя словно куча мокрой лапши.

— Прекрасно. А нельзя ли нам…

— Никакого выбора нет. Сегодня мы просто будем лежать здесь. А завтра немножко с вами походим. Сделаем вид, будто вы заболели. — Бреннан искоса посмотрел на Роя. — Не переживайте это так тяжело. Разрешите мне вам кое-что показать.

Рой успел позабыть, что они находятся в управляющем модуле корабля Физпока, стенки которого могут по желанию становиться прозрачными. Когда стена сделалась невидимой, это повергло его в ужас. Затем он заставил себя успокоиться и присмотрелся внимательнее.

Они двигались так быстро. Звезды позади них отливали красным, переходящим в черноту. Впереди и сверху звезды были фиолетовыми. А в самом же зените звезды распадались, словно радуга: расширяющиеся кольца фиолетового, голубого, зеленого, желтого, оранжевого, красного цветов. Эффект охватил весь корабль — все внутренние переборки «Защитника» тоже стали прозрачными.

— До вас такого не видел никогда ни один человек, — сказал Бреннан. — Если не считать за человека меня. Вон там, — указал он. — Это Эпсилон Индейца.

— Он смещен в сторону.

— Мы идем не просто к нему. Я вам говорил, что собираюсь сделать поворот под прямым углом. Существует одно-единственное место, где мне это удастся.

— Сможем мы там разделаться с разведчиками?

— Думаю, что со вторым кораблем вряд ли. Вам придется сражаться с ведущим судном.

Рой спал по десять часов в день. Дважды в сутки он совершал длинные прогулки — от рубки управления до учебной комнаты и обратно. И эта сверхдлинная дистанция — ежедневно. Рядом,

готовый подхватить его, вышагивал Бреннан. Неловко упав, Рой мог погибнуть.

Он чувствовал себя больным и измотанным. И ему это не нравилось.

Однажды они почти полностью ослабили сжатие таранного поля и в свободном падении, защищенные от гамма-лучей сверкающей броней внутреннего таранного поля, переместили радоновые бомбы обратно в их гнезда в оружейном отсеке. В течение этих двух часов Рой снова почувствовал себя сильным. Он был счастлив. Затем снова вернулись 2,16 «же», и он опять стал беспомощным существом, весящим четыреста фунтов.

С помощью Бреннана он составил календарь событий этой самой долгой из всех возможных войн и записал его на ленту:

33000 до н.э.: Физпок покидал мир Пак;

32800 до н.э.: первая волна эмигрантов;

32500 до н.э.: вторая волна эмигрантов;

???: разведчики Пак;

2125 н.э.: Физпок достигает Солнца. Бреннан становится защитником;

2340 н.э.: похищение Трусдейла;

2341 н.э., октябрь: обнаружение флота Пак;

2341 н.э., ноябрь: отлет на «Летучем Голландце».

Уничтожение Кобольда;

2342 н.э., май: обнаружение разведчиков Пак;

2342 н.э., июль: Трусдейл в стасис-поле. Полет на «Защитнике».

К этому моменту теория относительности начала сжимать и перекручивать время. Рой решил исходить из корабельного времени, поскольку именно в этом времени ему дано было жить.

2344 н.э., апрель: замечено, что корабли Пак изменили курс;

2344 н.э., июль: Трусдейл выходит из стасиса;

Предположительно:

2345 н.э., сентябрь: встреча с первым кораблем Пак;

2346 н.э., март: поворот под прямым углом (?). Уход от разведчиков Пак;

2350 н.э.: прибытие к Дому. Выверка календаря.

Рой изучал Дом. Уже много десятилетий назад между Землей и Домом была установлена постоянная и интенсивная лазерная связь. С ее помощью передавались описания путешествий и биографии, романы и работы, посвященные местной жизни. Бреннан уже прочитал все это. С его скоростью чтения ему для этого даже не потребовалось двух лет, прошедших с момента

старта.

Беллетристика отличалась странным пристрастием к целому ряду не передаваемых словами представлений, которые Рой никак не мог связать между собой, пока не обратился за разъяснениями к Бреннану.

Бреннан обладал эйдетической памятью и великолепно умел улавливать тонкости.

— Частично это выражения зонников, — сказал он Рою. — Они знают, что живут в искусственной окружающей среде, и по отношению к ней они испытывают покровительственные чувства. Тот эпизод из «Самого короткого дня», где в Играма стреляют за то, что он бродил по траве, — это прямо взято из истории Дома. Потом вы познакомитесь с биографией Лифермора. Как и их похоронные обряды, это, вероятно, сохранилось с более давних дней. Вспомните, та первая сотня людей, которые встретили смерть на Доме, все они знали друг друга, как вы знаете собственного брата. В те дни в этом мире любая смерть имела для всех большое значение.

— Да-а. Когда вас кладут, как… А кроме того, у них было много свободного пространства. Они не нуждались в крематориях.

— Верно. Бескрайняя и бесплодная страна.

Бесполезная до тех пор, пока ее чем-нибудь не удобрят. Чем больше разрастались кладбища, тем яснее это показывало, что человек осваивает Дом. В особенности, когда там, где прежде ничего не росло, появились деревья.

Рой обдумал эту идею и решил, что она ему по душе. Что вы теряете? Во всяком случае, пока не появились Пак.

— Эти Гомеры, кажется, не особенно любят войну, — заметил он. — Мы должны будем успеть до того, как разведчики Пак обнаружат Дом, и подготовить их к войне. Любым способом.

Но Бреннан не счел нужным беседовать на эту тему.

— Все наши сведения наверняка устарели. Я не знаю, что из себя представляет Дом в настоящее время. Мы не знаем, чего хотят их политики. У меня есть некоторые идеи… Но сейчас, в основном, мы займемся разведкой. — Он хлопнул Роя по спине. Ощущение было таким, словно по спине ударил мешок, набитый орехами. — Радуйтесь. Мы могли бы вообще никогда сюда не попасть.

Когда Бреннан располагал временем, он становился многословным. Более того: он явно пытался приободрить себя. Это было хорошо: беседовать о Пак, восемь лет проведших в противоперегру-

зочных креслах. Но Бреннан был человеком по воспитанию.

Они играли в различные игры, используя аналоговые программы, заложенные в памяти компьютера. В шахматы, шашки, крестики-нолики и тому подобное все время выигрывал Бреннан. Но домино оказалось игрой, которой трудно научиться, но затем легко достичь вершин мастерства. В домино они играли постоянно. Бреннан все еще выигрывал чаще, чем его партнер, возможно, потому, что он мог читать по лицу Роя.

Они вели долгие беседы о философии и политике, о путях, которыми идет человечество. Они очень много читали. У Бреннана оказалась накопленной уйма материалов не только о Доме и Стране Чудес, но и обо всех остальных обитаемых мирах. Однажды он сказал:

— Я никогда не знал в точности, куда мне в конце концов придется вести свой поврежденный корабль, чтобы пополнить запасы воздуха и получить возможность для ремонта неисправностей, я и сейчас этого не знаю.

Спустя несколько месяцев Рой начал больше тренироваться и меньше спать. Он окреп. Его мышцы стали тверже, чем когда-либо прежде.

А корабли Пак приближались.

Держа корпус прозрачным, они были невидимы, черные на черном небе. Они все еще находились слишком далеко, и не все излучения, исходившие от них, представляли собой видимый свет. Но при увеличении их можно было различить: вспышки гистерезиса в широко раскинутых крыльях таранного поля и маленькое ровное пламя двигателя в центре.

Через десять месяцев после того, как Рой вышел из стасис-поля, исходящий от лидирующего судна свет пропал. Минутой позже он появился снова, но сделался тусклым и мерцающим.

— Они перешли на стадию торможения, — сказал Бреннан.

Через час двигатель врага вновь источал ровное пламя. Линии бериллия сместились из голубой в красную часть спектра.

— Мне тоже пора приступать к повороту, — сообщил Бреннан.

— Вы намереваетесь с ними сражаться?

— Во всяком случае, с этой первой парой. И если я поверну сейчас, это нас выдаст.

— Выдаст?

— Поскольку поворот — под прямым углом.

— Послушайте, можете вы объяснить, в чем

тут дело с этим поворотом? Или перестаньте о нем говорить.

Бреннан захихикал:

— Должен же я каким-то образом подогревать ваш интерес, верно?

— Что вы надумали: выйти на близкую орбиту возле черной дыры?

— Мои поздравления. Предложение дельное. Я обнаружил невращающуюся нейтронную звезду… Почти невращающуюся. Я бы не посмел войти в радиоактивный газ, окутывающий пульсар, но эта зверюга, кажется, имеет большой период обращения, а газовой оболочки лишена начисто. И она не светится. Должно быть, это старая звезда. Разведчики лишь с большим трудом смогут ее обнаружить, а я уже рассчитал гиперболу, идущую через гравитационное поле, по которой нас вынесет прямо к Дому.

По какой-то причине в словах Бреннана таилась опасность. А корабли Пак неуклонно подбирались все ближе. Через четыре месяца первая пара кораблей была уже видна невооруженным глазом: одинокая голубовато-зеленая точка на фоне черного неба.

Они наблюдали, как эта точка росла. Пламя двигателя корабля Пак сводило с ума приборы

Бреннана.

— Не так уж плохо, — сказал Бреннан. — Разумеется, если хоть ненадолго выбраться наружу, это — смерть.

— Да-а.

— Мне хотелось бы, чтобы они подошли достаточно близко, чтобы испытать на них аппарат гравитации.

Рой, ничего не понимая, наблюдал, как пальцы Бреннана запорхали над пультом. Бреннан ни разу не показывал ему, как пользоваться этим новым оружием. Оно было крайне чувствительным, требовало хорошо развитой интуиции. Но спустя два дня голубовато-зеленый огонек погас.

— Получил свое, — произнес Бреннан с видимым удовлетворением. — Во всяком случае, замыкающий корабль — получил. Вероятно, он обрушился в свою собственную черную дыру.

— Так вот что делает ваше устройство: коллапсирует, но иначе, чем генератор гравитации, создающий гипермассу?

— Он делает то, что, как предполагалось, он и должен делать. Но давайте-ка просто посмотрим. — Бреннан задействовал спектроскоп. — Все верно. Только линии гелия. Замыкающее судно погибло, передний корабль приближается с

ускорением в одно «же». Он пройдет мимо меня раньше, чем рассчитывает. У него сейчас две возможности. Или бежать, прижав уши. Или — тараном по макушке. Полагаю, он предпочтет, так сказать, тараном.

— Попытается нас накрыть своим таранным полем? Это должно нас уничтожить, так ведь?

— Да. И его — тоже. Ну… — Бреннан выпустил несколько ракет и приступил к повороту.

Через два дня головной корабль исчез. Бреннан вернул «Защитник» на прежний курс. Все это походило на один из способов Бреннана выходить сухим из воды. Не считая того, что времени на это все-таки потребовалось побольше.

Затем события начали развиваться по-другому.

Прошло шесть месяцев, прежде чем к ним приблизились оставшиеся Пак. Но в один прекрасный день их уже можно было увидеть невооруженным глазом — две тусклые точки на фоне расстилающейся за кормой черноты. Их скорость не намного превышала скорость «Защитника».

Первоначально разделенные расстоянием в восемь световых месяцев, спаренные корабли разведчиков год от года сближались, пока не оказались бок о бок в тридцати световых часах

от «Защитника».

— Пора снова попытаться воспользоваться аппаратурой гравитации, — сказал Бреннан.

Он занялся своими приборами, а Рой посмотрел на два желтых глаза, сверкающих над черными очертаниями двигательной секции. Он сознавал, что видит то, что было два с половиной дня назад… Что ничего другого он не увидит… И оказался не прав. Охватив огнем внутреннюю обшивку сферы жизнеобеспечения, сзади пришло пламя. Бреннан среагировал мгновенно, ткнув кнопку негнущимся указательным пальцем.

А мгновением позже Бреннан, напрягшийся как пружина, уже парил над циферблатами. Затем он снова стал самим собой.

— Реакция пока еще в норме, — заявил он.

— Что произошло?

— Они его построили. Построили генератор гравитации, такой же, как и у меня. Мой собственный прибор коллапсировал, превратившись в гипермассу. И гипермасса начала, двигаясь по кораблю, пожирать все вокруг. Если бы я не оборвал кабель вовремя, она поглотила бы оружейный отсек. Освободившаяся бы при этом энергия убила бы нас.

Бреннан открыл панель пульта управления и

начал менять блоки местами. Что-то было припасено у него на будущее.

— Теперь мы должны увести их к нейтронной звезде. Если они будут продолжать торможение, нам это удастся.

— А тем временем — чем они, по всей вероятности, могут нас атаковать?

— Лазерами — наверняка. В любом случае, у них должны быть мощные лазеры, чтобы поддерживать связь с основным флотом. Я сделаю корпус светонепроницаемым. — Бреннан так и сделал. Теперь они оказались запертыми внутри скорлупы серого цвета. Разведчиков можно было видеть на экране телескопа. — Еще одно… Мы все находимся в неудобном положении для запуска бомб. Мы все замедляем ход. Для моих ракет это равносильно выстрелу снизу вверх. На таком расстоянии они не смогут достигнуть Пак. Пак же могут достать меня, но их бомбы пойдут в неправильных направлениях. Они идут правильно, если проходят через таранное поле сзади.

— Это хорошо.

— Разумеется. Если только Пак не окажутся достаточно меткими, чтобы угодить прямо в корабль. Ну, увидим.

Лучи лазера пришли двумя опаляющими пото-

ками зеленого света, и «Защитник» со стороны кормы ослеп. Оболочка «Защитника» частью выкипела, и это было страшно. Внутренний слой обшивки имел зеркальную поверхность.

— Это не сможет нам повредить, пока они не подойдут гораздо ближе, — успокоил Бреннан. Но ракеты его тревожили. Он начал беспорядочно менять курс. И когда Бреннан менял направление ускорения, жизнь на борту «Защитника» становилась неуютной.

На них налетел рой тел, обладающих небольшой массой. Бреннан ослабил напряженность таранного поля, и они с относительным комфортом могли наблюдать за взрывами, хотя некоторые из них и сотрясали корабль. Рой смотрел, почти не испытывая страха. Его раздражало все усиливающееся ощущение, что Бреннан и разведчики Пак играют в какую-то детально разработанную игру, правила которой великолепно всем знакомы. Игра, подобная всем космическим войнам, что разыгрывались программами компьютера. Бреннан заранее знал, что он уничтожит первую пару кораблей, что оставшиеся уничтожат его гравитационное устройство, что сближение курсов для настоящей дуэли будет проходить слишком медленно, что Пак будут все

еще находиться слишком далеко, чтобы добраться до него раньше, чем они обнаружат впереди нейтронную звезду…

В дне пути от нейтронной звезды один из зеленых лучей погас.

— Наконец-то они ее увидели, — сказал Бреннан. — Они определяют курс. В противном случае их может расшвырять в разных направлениях.

— Они ужасно близко, — заметил Рой. Они и были ужасно близко — в относительном смысле: в четырех световых часах позади «Защитника», ближе чем расстояние, отделяющее Плутон от Солнца. — И вы не сможете достаточно хорошо уворачиваться, иначе вам не выдержать наш курс возле звезды.

— Позвольте мне самому заняться этим, — буркнул Бреннан, и Рой замолчал.

Ускорение постепенно упало до половины «же». «Защитник» качнулся влево, и на конце своего кабеля неестественно качнулся отсек жизнеобеспечения.

Затем Бреннан полностью выключил таранное поле.

— Там есть тоненькая газовая оболочка, — пояснил он. — А теперь на некоторое время избавьте меня от своего жужжания.

Идущей на посадку уткой «Защитник» перешел в свободное падение.

Через четыре часа пришли ракеты. Должно быть, разведчики Пак выпустили их, как только увидели, что искрящееся таранное поле «Защитника» исчезло. Бреннан уклонился, использовав внутрисистемный двигатель. Ракеты, которые он сам выпустил по разведчикам, видимого эффекта не произвели: адский зеленый свет, испускаемый головным судном, продолжал окутывать «Защитника».

— Он отключил свое таранное поле, — неожиданно произнес Бреннан. — Ему придется выключить и лазер, когда сядут батареи. — Впервые за долгое время он посмотрел на Роя. — Вздремните немного. Вы же сейчас полумертвый. На кого вы будете похожи, когда мы обогнем звезду?

— На окончательно мертвого, — вздохнул Рой. Он раскинул свое кресло. — Разбудите меня, если они по нам ударят. Разбудите: мне не хотелось бы что-либо упустить.

Бреннан не ответил.

Прошло три часа. Находящаяся впереди нейтронная звезда все еще была невидима.

— Готовы? — спросил Бреннан.

— Готов.

Облаченный в костюм Рой плавал в воздухе, держась одной рукой за косяк воздушного шлюза. В глазах его все еще стоял сон. Сны ему снились кошмарные.

— Пошел.

Рой шагнул вперед. Шлюз мог пропустить только одного. Он уже работал, когда через люк проник Бреннан. Бреннан срезал путь, чтобы уменьшить воздействие окутывающей звезду тонкой радиоактивной газовой оболочки и сократить время, когда Пак могли поразить ничем не защищенных людей.

Они открепили корабль, ведущий к моторной секции. Затем, сматывая кабель, подтянули моторную секцию поближе. Кабель, по мере того как он прибывал, Бреннан и Рой укладывали кольцами. Он был тяжелым и толстым. Рой и Бреннан укрепили его на корме моторной секции.

То же самое они сделали с тросом, который вел к оружейному отсеку. Рой работал. Адреналин переполнял его привыкшие к двойной силе тяжести мышцы. Он отчетливо сознавал, что тело его пронизывает радиация. Это была война… Но кое-кого в ней не доставало. Он не мог ненавидеть Пак. Для этого он не понимал их достаточно хорошо. Он мог бы заразиться ненавистью от

Бреннана — если бы Бреннан их ненавидел. Но Бреннан не испытывал ненависти к Пак. Суть не в том, что Бреннан называл это войной. Бреннан вел себя так, словно играл в покер с высокими ставками.

Теперь три основные секции «Защитника» летели нос к носу. Впервые за долгие годы Рой перешел на борт грузового судна Зоны. Когда он занял свое место за пультом управления, кабину залил зеленый свет. Он поспешно опустил противосолнечные экраны.

Бреннан появился в люке шлюза с криком:

— Мы их перехитрили. Если бы они сделали это на полчаса раньше, мы бы уже изжарились.

— Я думал, они израсходовали свои запасы энергии.

— Нет, это было бы слишком глупо, но запасов у них оставалось крайне мало. Они считали, что я буду выжидать до последней секунды и только потом разъединю корабли. Они не знают, что я уже сделал это! — ликовал он. — И они не знают, что у меня есть помощник. Все правильно, у нас оказалось около часа, когда нам пришлось выбраться наружу. Занимайте наше место в линии.

С помощью позиционных двигателей Рой вывел корабль Зоны на четвертое место в линии,

позади оружейного отсека «Защитника». Он чувствовал себя превосходно, управляясь с приборами, занимаясь чем-то полезным в войне, ведущейся Бреннаном. Сквозь противосолнечные экраны отсеки «Защитника» ослепительно сверкали зеленым, словно пламенем ада. Они уже начали смещаться в сторону, повинуясь притягивающему воздействию находящейся впереди массы.

— Вы уже как-нибудь назвали эту звезду?

— Нет, — ответил Бреннан.

— Вы ее открыли. Окрестить ее ваше право.

— В таком случае я нарекаю ее звездой Физпока. Будьте свидетелем. Думаю, мы у него в долгу.

Название «Звезда Физпока». Позднее Институтом знаний на Джинксе переименована в БВС — 1.

Класс: нейтронная звезда.

Масса: 1,3 массы Солнца.

Строение: нейтрониум, одиннадцать миль в диаметре. Сверху нейтрониума — полмили сверхплотной материи. Верхняя оболочка — около двенадцати футов обычной материи.

Сила тяжести на поверхности: 1700000000000 «же», т.е. стандартных земных.

Примечание: Первая из когда-либо открытых

нерадиоактивных нейтронных звезд. Неправомерно сравнивается со многими известными пульсарами. Но в звездах типа БВС трудно найти общее с пульсарами. Возможно, БВС — 1 начала свое существование (сто миллионов — миллиард лет назад) как пульсар и обладала радиоактивной газовой оболочкой. Затем вращение звезды передалось на газовую оболочку, которая при этом рассеялась.

Обогнув звезду Физпока, они намеревались уходить со всей возможной скоростью.

Четыре секции «Защитника» падали по отдельности. Даже кабель Пак не мог бы удержать их вместе. Хуже того, приливный эффект вытянул секции в линию, устремленную к центру звезды. Четыре секции с их отсоединенными тросами вышли на совершенно разные траектории.

Поэтому имеющий возможность маневрировать грузовой корабль мог быть использован для того, чтобы после прохождения перигелия вновь свести вместе остальные секции. Но Рой и Бреннан не могли выбраться оттуда, где находились. В кораблях Зоны кабина помещалась в носу корабля, слишком далеко от центра тяжести.

Рой понимал это. И еще до того, как они покинули судно, смог это почувствовать. «Защитник»

втрое потерял высоту, прежде чем вышел наконец из-под удара зеленых лучей лазера. После этого лазеры погасли. И впереди тусклой красной точкой светилась нейтронная звезда. Рой почувствовал, как притяжение звезды выволакивает его из пристегивающих ремней кресла.

— Пошел, — приказал Бреннан.

Рой открепил ремни. Он встал на прозрачный пластик полого иллюминатора, затем пополз вдоль стены, поперечные выступы развернули его в другом направлении. Маневрируя, он пытался добраться до воздушного шлюза. Это оказалось очень трудно. Через несколько минут это станет невозможно. Еще несколько минут, и силой тяжести его размажет по иллюминатору, словно попавшего под каблук жука.

Корпус был гладким, без поручней. Он не мог оставаться здесь. Он повис на косяке, потом оторвался.

Корабль исчез. Рой видел крошечную человеческую фигурку, согнувшуюся в воздушном шлюзе. Затем — четыре коротких вспышки. Бреннан сжимал в руках одну из скорострельных винтовок. Он вел огонь по Пак.

Теперь Рой смог почувствовать тяжесть и стоны жил в своем теле. Его ноги поволокло к горящей

впереди красной точке.

Позади него падал Бреннан. Он опускался на двигателях заплечного реактивного ранца.

Тяжесть, заполнившая его тело, увеличивалась. Руки, легшие на руки и голову Роя, попытались мягко оттащить его в сторону. Красная точка пожелтела, сделалась ярче, надвинулась на него раскаленным шаром.

Он думал об этом добрый час. До такой степени напугал его Бреннан. Он прикидывал и так и эдак, а потом заявил Бреннану, что тот сумасшедший.

Они были связаны веревкой в три ярда длиной, хотя нейтронная звезда превратилась уже в крохотную красную точку, оставшуюся позади. А Бреннан все еще не расставался с винтовкой.

— Не смею сомневаться в вашей профессиональной компетентности, — сказал Бреннан. — Но какие симптомы заставили вас обратиться с ней по моему адресу?

— Винтовка. Почему вы стреляли по кораблям Пак?

— Я хотел повредить их.

— Но вы же не могли в него попасть. Вы целились прямо в него. Притяжение звезды должно было отклонить пули в сторону.

— Вы все продумали. Если уж я окончательно

потерял свою голову, вы вправе принять командование на себя.

— Нет необходимости. Иногда помешательство лучше, чем глупость. Чего я действительно боюсь, так это того, что стрельба по кораблям Пак могла действительно иметь смысл. Все, что вы делаете, приобретает смысл, рано или поздно. Но если смысл есть и в этом, мне следует подавать в отставку.

Через спаренный бинокуляр Бреннан следил за грузовым судном.

— Не подавайте, — сказал он. — Расценивайте это как головоломку. Если я не сошел с ума, то для чего я стрелял по кораблям Пак?

— Черт побери, в любом случае начальная скорость пули никак не могла быть достаточной, чтобы… Сколько времени я провалялся без сознания?

— Два часа пятьдесят минут.

— Ого!

Они снова находились на борту «Защитника»в отсеке жизнеобеспечения, наблюдая за телевизионными экранами и, если иметь в виду Бреннана, за показаниями приборов, расположенных рядом. Четыре секции кораблей второго экипажа Пак летели по направлению к миниатюрному

солнцу: похожая на двойной топор моторная секция, затем — отсек жизнеобеспечения, напоминающий коробку, потом пустое пространство в несколько сотен миль, затем — моторная секция гораздо больших размеров и еще одна коробка. Первая коробка как раз проходила перигелий, когда нейтронная звезда вспыхнула.

Мгновение назад при увеличении был виден туманный красный шар. Теперь на его поверхности горела маленькая голубовато-белая звезда. Яркое пятнышко расширялось, размазывалось. Не скрытое облаками, оно расползалось по всей поверхности. Стрелка на приборах Бреннана завибрировала, задрожала.

— Это его уничтожит, — произнес Бреннан с удовлетворением. — В любом случае, эти пилоты Пак, очевидно, не отличаются здоровьем. Проведя более тридцати одной тысячи лет возле двигателя Баззарда, они получили большую дозу облучения.

— Я полагаю, это была пуля.

— Да. Пуля в стальной оболочке. А мы движемся в направлении, противоположном вращению звезды. Я выстрелил, пуля полетела достаточно медленно, чтобы оказаться захваченной магнитным полем, которое еще сильнее замедлило

ее полет, и такое замедление продолжалось до тех пор, пока пуля не ударилась о поверхность звезды. Здесь была некоторая неопределенность. Я не знал точно, когда пуля попадет в звезду.

— Очень находчиво, капитан.

— Пилот замыкающего судна, вероятно, тоже догадался об этой возможности, но сделать уже ничего не мог.

Вспышка теперь уже сияла лимонно-желтым светом. Она охватила половину поверхности звезды Физпока. Внезапно на ее краю взорвалась еще одна белая искра.

— Даже если они и догадались об этом заранее, то не могли быть уверены, что у меня есть винтовка. И существовал лишь один курс, придерживаясь которого, они могли меня преследовать. Им оставалось только гадать: выброшу я что-либо на звезду или не выброшу. Но давайте понаблюдаем, чем занята оставшаяся пара.

— Давайте сперва соберем воедино секции «Защитника». Думаю, впереди должен быть поставлен двигательный отсек.

— Правильно.

Они проработали несколько часов. Секции «Защитника» оказались разбросанными по всему небу далеко друг от друга. Рой работал

сгорбившись, плечами отгораживаясь от смертоносного зеленого света, но этот свет так больше и не вспыхнул. Вторая пара разведчиков Пак погибла.

Прервав работу, они наблюдали за тем, что происходило час назад: третья пара в бешеной спешке вновь сцепила свои корабли, и разведчики Пак, используя оставшиеся у них незначительные запасы горючего, с ускорением пошли прочь от звезды.

— Думаю, дело обстоит так, — заговорил Бреннан с довольными интонациями, удовлетворенно хихикнув, — они не знают, каким оружием, пригодным для примененных скоростей, я располагаю, и они не могут позволить себе сейчас погибнуть. Они — последние. И это обстоятельство вынуждает их лечь на курс, уводящий их от нас ко всем чертям. Мы окажемся у Дома по меньшей мере на полгода раньше их.

Рою Трусдейлу было тридцать девять лет от роду, когда он вместе с Бреннаном обогнул звезду Физпока. Ему было сорок три, когда, снизив скорость, они вышли к внешнему краю системы Эпсилон Индейца.

За эти четыре года Рой не раз думал, что сойдет с ума.

Он лишился женщин. Он лишился не Алис Джордан, он лишился женщин. Двух десятков самых разных женщин, которых он когда-то любил. И сотен, которых он едва знал. И миллиардов, которых он не знал вовсе. Он лишился своей матери, и сестры, и теток, и всех своих родственников, ведущих род свой от Большой Стеллы.

Он лишился женщин, мужчин, стариков, детей. Людей, с которыми можно соперничать, разговаривать, любить их или ненавидеть. Однажды он провел ночь напролет, крича, зовя всех людей Земли и приняв меры, чтобы Бреннан не услышал его. Кричал не для того, чтобы предупредить Пак («Что может сделать с ними флот Пак?»), но просто потому, что их не было здесь, а его — там.

Он подолгу, заперши дверь, отсиживался в своей комнате. Бреннан мог высадить этот замок за тридцать секунд. Бреннан мог выломать дверь одним пинком. Но запертая дверь порождала определенный психологический эффект, и Рой был ей за это признателен.

Он лишился пространства. На любом случайно подвернувшемся пляже Земли можно бежать вдоль изгиба мокрого плотного песка, бежать между морем и берегом, бежать до тех пор, пока не останется сил ни на что, кроме дыхания. На

Земле можно гулять до бесконечности. В своей запертой каюте на борту «Защитника», не в силах больше выносить тяжелой обстановки «Защитника», Рой безостановочно шагал меж четырех стен.

Иногда, оставшись в одиночестве, он проклинал Бреннана за то, что тот использовал все до одной радоновые бомбы. Ведь в противном случае он мог бы продолжать полет, находясь в стасисе. Рой подозревал, что Бреннан сделал это намеренно, чтобы иметь спутника.

Иногда он проклинал Бреннана за то, что тот вообще взял его с собой. Для такого интеллекта это было глупым поступком. На полном ускорении «Защитник» мог бы уйти от второй и третьей пары разведчиков. У Бреннана не было необходимости сражаться. Но уже тройная сила тяжести могла покалечить Роя Трусдейла.

Во время сражения пользы от него было немного. Не взял ли его Бреннан только ради компании? Или… Его позабавила иная идея? Одна из дочерей Бреннана носила имя Эстелла. Носила? Она могла передать это имя своей дочери: Большая Стелла.

Эта мысль вызывала злость — его взяли с собой только потому, что он принадлежит к роду защитника, потому что он — живое напоминание о

том, за что должен сражаться Бреннан. Для того, чтобы поддерживать интерес Бреннана к этой войне. Потому что он, Рой, правильно пахнет. Рой так и не спросил Бреннана об этом. На самом деле ему не хотелось знать это.

— В известном смысле вы подвергаетесь воздействию сенсорного голода, — сказал ему как-то Бреннан. Это было незадолго до поворота, после того как они предприняли решительную попытку: устроили всестороннее обсуждение проблемы «свобода воли или детерминизм?», причем Бреннан отскакивал заслуженные пять звездочек сразу в нескольких различных областях, которые придерживались различных воззрений. Это не сработало. Оба они слишком старались.

Рой потерял всякий интерес к беседе.

Бреннан сказал:

— У нас могут быть какие угодно развлечения, но разговаривать, кроме как со с мной, вам не с кем. Число иллюзий, которые вы можете от меня получить, ограничено. Но давайте попробуем.

Рой не стал спрашивать, что имелось в виду. Он понял это через несколько дней, когда вошел в свою каюту и обнаружил, что стоит на горном склоне.

Теперь он проводил там больше времени, чем

когда-либо прежде. Бреннан менял обстановки так часто, как только мог. Голографические ленты, дающие обзор на 27 градусов, создавались запоминающим устройством компьютера. И все они показывали не Землю, а другие планеты. После нескольких неудачных попыток Рой избегал сцен, в которых участвовали люди. Люди никогда не замечали Роя. Они вели себя так, будто он не существовал. От этого становилось скверно.

Он просиживал здесь часами, всматриваясь в чуточку отличающиеся от земных ландшафты, грезя, что он может войти в них. Слишком много смотреть и грезить тоже плохо, и тогда он выключал изображение.

Это случилось как раз в один из таких периодов: его окружали стены, ничего, кроме стен, когда ему снова захотелось узнать, что же задумал Бреннан сделать на Доме. Огибая нейтронную звезду, разведчики Пак далеко отклонились от курса. Теперь по чудовищно большой дуге они выходили наконец прямо на Дом. Но даже ускорение в 5,5 «же» не могло компенсировать потерянного ими времени. Они проигрывали гонку настолько, насколько это и нужно было «Защитнику». И у Дома будет десять месяцев, чтобы приготовиться к их прибытию.

Миролюбивый народ — это не те, кого легко уговорить начать с лихорадочной поспешностью готовиться к обороне. Перестройка предприятий на производство оружия тоже потребует времени. Насколько большую угрозу представляет одна пара разведчиков Пак?

— Я уверен, что они в состоянии уничтожить планету, — рассудительно ответил Бреннан, когда Рой задал этот вопрос. — Планета — это большая цель. А природа — структура хрупкая. И планета не может увернуться, как корабль, снабженный двигателем Баззарда. Кроме того, у разведчиков Пак, вероятно, разработан план уничтожения планет. Если он не сработает, то что в нем хорошего?

— Чтобы их подготовить, у нас есть меньше года.

— Не волнуйтесь. Времени достаточно. У Дома уже есть переговорные лазеры, луч которых может достичь Земли. Это хорошо свидетельствует о точности и мощности этих лазеров. Мы используем их в качестве пушек, и у меня есть план создания оружия гравитации.

— Но станут ли они его создавать? Это мирный народ, живущий в стабилизированном обществе.

— Мы убедим их.

Сидя в своей каюте, не отрывая глаз от пустого штормового моря, Рой поражался оптимизму Бреннана. Играло ли тут роль незнание психологии производителей?

— Я перестал надеяться на случай, — заявил как-то Бреннан.

— Ну и…?

— На Доме никогда не было войн… Если верить лентам, на которых записаны их сообщения на Землю. В их романах редко уделялось место насилию. Однажды они воспользовались ядерными бомбами, чтобы создать бухты. Но бухты у них теперь есть, зато заводы по производству бомб отсутствуют.

Заметил ли Бреннан, что в их романах нет даже скрытого насилия?

Однажды он нашел решение.

Одна эта мысль привела его в ужас. Он ни разу не упомянул о ней Бреннану. Он сознательно возобновил свои долгие беседы с ним. Он пытался проявить интерес к наиболее вероятному курсу уцелевших Пак. Он играл с Бреннаном в джин и домино. Упражнялся. Превратился в гору мускулов. Иногда Рой пугался сам себя.

— Научите меня, как сражаться с Пак, — попро-

сил он однажды.

Бреннан ответил:

— Это невозможно.

— Подчиненный может взбунтоваться. Если Пак захотят когда-нибудь взять пленника — производителя…

— Прекрасно, приступим. Я вам продемонстрирую.

Очистив учебную комнату, они устроили в ней поединок. За полчаса Бреннан «убил» Роя где-то около тридцати раз, с изысканной точностью, нанося ему удары карате. Затем он позволил Рою несколько раз ударить себя. Со злобным энтузиазмом Рой проводил убийственные удары, которые Бреннан мог бы назвать умелыми. Бреннан даже допускал, что они нанесли ему повреждения. Сам Рой был уверен в этом.

Они больше никогда не возвращались к бойцовской части своей программы.

Существовало много способов убивать время. И время шло. Иногда оно ползло, ползло невыносимо медленно. Но все-таки шло.

В системе Эпсилон Индейца одна из планет была размером с Юпитер. Годзилла, Эпсилон Индейца — 5, оставалась в стороне, когда «Защитник», тормозя, шел на скорости три тысячи

миль в секунду. Но Бреннан несколько отклонился, чтобы Рой смог увидеть удивительнейшее зрелище.

Они скользили мимо сверкающей полупрозрачной сферы, состоящей из ледяных кристаллов. Это была троянская точка Годзиллы, и выглядела она огромным елочным украшением. Но Рою она представлялась вывеской: «Добро пожаловать». Он начинал верить, что они справятся.

Через два дня, когда скорость упала до тысячи миль в секунду, таранное поле сделалось бесполезным. Бреннан убрал его.

— Сорок два часа до Дома, — сказал он. — Я мог бы подойти к звезде и воспользоваться эффектом взаимодействия таранного поля и солнечного ветра, но какого черта! У нас полно горючего, и я чувствую, что вам не терпится поскорее пойти на посадку.

— Весьма странно. — Рой напялил на свое лицо улыбку. Улыбка получилась какой-то изголодавшейся. — Я бы не мог сказать, что ваше общество не доставляет мне удовольствие.

На экране телескопа был виден Дом. Дом выглядел, как Земля: голубой водоворот с белыми, словно посыпанными сахарной пудрой, облаками. Береговая линия континентов была почти

неразличима на глаз. Рой почувствовал, что его горло судорожно вздрагивает. Весь последний год стены его каюты демонстрировали исключительно пейзажи Дома.

— Послушайте, — сказал он, — мы будем здесь ждать, пока подойдет корабль-подкидыш, или сами пойдем на посадку?

— Полагаю, что нам следует оставить «Защитник» на дальней орбите и пойти на посадку на грузовом судне. Возможно, оно нам понадобится, чтобы вновь заправить «Защитник» горючим. Гомеры, с их ограниченными возможностями, вряд ли способны на многое. Возможно, у них вовсе нет грузовых кораблей.

— Прекрасно. Прежде, чем вы включите внутрисистемный двигатель… Почему бы мне прямо сейчас не перебраться на грузовой корабль и не провести там осмотр?

Мгновение Бреннан изучал его. Это был оценивающий взгляд, который порой заставлял Роя думать, что его предложения и советы дурацкие. Но…

— Прекрасно. Это сбережет нам время. Когда будете на борту, вызовите меня.

Дом был уже виден невооруженным глазом: белая звезда, находящаяся неподалеку от Солн-

ца. Рой перешел на борт, скинул с себя костюм, подошел к приборам и вызвал Бреннана. Вскоре «Защитник» двинулся к Дому. С ускорением, равным ускорению свободного падения на этой планете.

Рой начал осмотр с системы жизнеобеспечения. Все в порядке. Насколько можно верить приборам, двигательная система тоже в порядке. Роя беспокоило, что центровка трубы двигателя могла быть нарушена действием тяготения звезды Физпока. До сих пор у них не было возможности проверить, не нарушена ли центровка. Сделать это нельзя было до тех пор, пока грузовое судно не отделится от «Защитника».

Осматривать механизм приземления он не стал. Он совершит посадку в бухте. Корабль обладал плавучестью.

Он потратил на осмотр двенадцать часов, потом прервал его, чтобы вздремнуть. Сейчас он должен вызвать Бреннана и запросить, подходят ли им средства обслуживания космического порта на Доме. А еще через двенадцать часов…

При силе тяжести Дома спалось легко, но не хотелось спать долго. Он проснулся. Его окружал слабый свет. Он вспомнил свои странные подозрения насчет Бреннана. На лице Роя появилась

улыбка.

Он еще раз повторил про себя то, в чем его подозревал… ожидая увидеть, насколько это нелепо. Должно быть, он стал немножко параноиком. Человеку не следует жить взаперти на протяжении шести лет с не совсем человеческим существом.

Он снова обдумал свои подозрения, и они продолжали казаться логичными. Мысль была чудовищной, но он не смог найти в ней логических неувязок.

Это его не беспокоило. И он все еще не знает, что именно запланировал для Дома Бреннан. Он встал и принялся бродить по кораблю. Нашел кое-что, давным-давно оставленное Алис: краски для герметического костюма. На груди костюма Роя никогда не было никакого рисунка. Он разложил костюм поперек кресла и встал перед ним, ожидая приступа вдохновения. Но вдохновение подсказало ему лишь яркую и сверкающую мишень.

Сосунок. Если он прав… Но он не может быть прав.

Он вызвал Бреннана. Если бы все было не так…

— Здесь все было в порядке, — отозвался Бреннан. — Как у вас?

— Отлично, насколько я могу судить, не опро-

бовав корабль в полете.

— Хорошо.

Рой обнаружил, что он словно упрямец и тупица пытается прочесть, что выражает неподвижное и твердое лицо Бреннана.

— Бреннан, некоторое время назад мне кое-что пришло на ум. Я ни разу не упоминал об этом…

— Два с половиной года назад? Я понял, что вас что-то беспокоит, кроме отсутствия гарема.

— Может быть, я кретин, — сказал Рой. — Может быть, и тогда я был кретином, мне не дает покоя, что у нас есть гораздо более легкий способ получить поддержку народа Дома. Для вашей войны. Без уговоров. Если вы сперва… — Он почти ничего не сказал. Но, разумеется, Бреннан обдумал это. — Если вы сперва засеете планету деревом жизни.

— Не годится.

— Да, не годится. Но не будете ли вы любезны объяснить мне, почему это не годится с точки зрения логики?

— Это не годится именно с точки зрения логики, — ответил Бреннан. — Слишком долго пришлось бы выращивать урожай.

— Да-а, — вздохнул Рой с облегчением. А затем:

— Да, но вы предостерегали меня от гидропон-

ного сада. Не потому ли, что меня мог заполучить вирус?

— Нет. Потому, что вас мог заполучить запах. И вы что-нибудь съели бы.

— И то же самое с садом на Кобольде?

— Верно.

— Мы с Алис бродили по этому саду вдоль и поперек, не ощущая вообще никакого запаха.

— Вы стали старше, идиот! — рассвирепел Бреннан.

— Да-а. Разумеется. Простите меня, Бреннан. Я думал об этом… — Бреннан вышел из себя? Бреннан? А… — Проклятье, Бреннан! Я же стал только на месяц старше, когда вы сказали, чтобы я никогда не заходил в гидропонный сад «Летучего Голландца»!

— Я вас берег, — ответил Бреннан, и Рой отключился.

Рой сидел в противоперегрузочном кресле. Его охватила тоска. Кем бы он сам ни был, но Бреннан был его другом и союзником. И тут…

И тут внезапно «Защитник» рванулся с места, развив ускорение сразу в три «же». Роя вдавило в кресло. Рот его широко раскрылся от шока. Затем, напрягая все силы ставшей невероятно тяжелой правой руки, он дотянулся до приборов нажать

красную кнопку.

Она была под предохранительным колпаком.

Ключ находился в его кармане. Беспрерывно матерясь шепотом, Рой полез за ним. Бреннан хотел обездвижить его. Это не должно у него получиться. Рой встал, преодолевая три «же», тянущие его назад, откинул колпак и нажал кнопку.

Трос, соединяющий его с «Защитником», отцепился. Он падал.

На включение двигателя у него ушла целая минута. Он начал разворот на девяносто градусов, чтобы повернуть «Защитник» по дуге того же радиуса, что и маленькое грузовое судно. Сквозь иллюминатор Рой видел, как пламя двигателя «Защитника» сместилось в сторону.

Он увидел, как оно погасло.

Бреннан выключил двигатель. Почему?

Неважно. Следующий шаг: переговорный лазер — и предупредить Дом.

Предположим, он прав… Но он и не мог предположить ничего другого. Бреннан потом сможет оправдаться: повстречает космонавтов с Дома, оденет герметический костюм и расскажет им, как Рой Трусдейл сошел с ума. Вероятно, он даже окажется прав.

Он развернул переговорный лазер к Дому и на-

чал настраивать его. Он знал нужную ему частоту и знал место… Если это та сторона планеты. Чем сейчас занят Бреннан? Что он мог бы сделать? Вот что он может. Свобода выбора защитника ограничена… А в оружейном отсеке «Защитника» полно адского оружия. Он собирается убить Трусдейла.

Дом, похоже, был повернут к Рою не той стороной. Колония была большой, ее население равнялось нации средних размеров, и надо же такое невезение — она на противоположной стороне планеты! И где смертоносный луч Бреннана? Он обязан это сделать.

Двигатель «Защитника» все еще был включен. И никаких попыток преследовать его, Роя.

Находился ли Бреннан все еще на борту судна?

Затем Рой нашел возможность. Не разумно, но времени думать нет. Он выбрался из кресла и пополз к лестнице. В воздушном шлюзе было оружие, а внутренняя дверь все еще оставалась открытой. Рой метнулся в нее, сорвал со стены один из лазеров и прыгнул назад прежде, чем дверь успела бы закрыться.

Она не шелохнулась.

Но если Бреннана нет на борту «Защитника»…

Тогда, как это ни неразумно, Бреннан должен попытаться спасти и положение Роя Трусдейла.

А для этого он должен попасть на борт грузового корабля. Это подвиг, это невозможный подвиг… но Рой прямо видел Бреннана в кабине «Защитника», как тот автоматическим движением включает двигатель, а затем, как раз в то время пока он, Рой, отсоединяет кабель, выпрыгивает из воздушного шлюза по направлению к грузовому кораблю. Падает на обшивку, привязывается веревкой, пока Рой не успел дать ускорение. Затем — по веревке вниз в воздушный шлюз. Невозможно? Что невозможно для Бреннана? Рой держал оружие наготове, ожидая, пока закроется внутренняя дверь воздушного шлюза.

Ответ пришел в виде грохота и вспышки позади него. В пронзительном свисте выходящего воздуха Бреннан-монстр проник сквозь корпус со стороны туалета, прошел сквозь дверь туалета и мягким движением закрыл ее за собой. Дверь была сделана из другого материала, чем корпус. Под давлением она слегка прогнулась, но выдержала.

Рой поднял оружие.

Бреннан что-то бросил. Предмет полетел настолько быстро, что его невозможно было увидеть глазом, и ударил Роя в правое плечо. Кость раскололась вдребезги, словно хрупкий

кристалл. Ударом Роя развернуло вполуоборот, рука вылетела из плечевого сустава, качнулась, как что-то мертвое. Лазер отскочил от стены и снова полетел к нему.

Рой подхватил его левой рукой и закончил оборот.

Бреннан изготовился для броска, как игрок, подающий мяч. Он держал в руке мягкий диск угольной смазки, величиной с хоккейную шайбу.

Рой рукой перехватил лазер. Почему Бреннан не бросает? Нащупал спусковой крючок. Почему Бреннан не бросает? Рой выстрелил.

Бреннан отпрыгнул в сторону. Отпрыгнул невероятно быстро. Рой качнул лучом вслед за ним. Луч прочертил тело Бреннана чуть ниже талии.

Бреннан упал, разрезанный пополам.

Рука не болела вообще, но звук от падения Бреннана вызвал в желудке тошнотворную боль. Он посмотрел на руку. Она свисала, распухшая как дыня. Там, где осколок кости пропорол кожу, бежала кровь.

Рой посмотрел на Бреннана.

То, что осталось от Бреннана, приподнялось и направилось к нему.

Рой обмяк. Кабина пошла кругом. Опять кру-

гом. Шок. Он улыбнулся, когда Бреннан подошел поближе. И сказал:

— Туше, монсеньор.

Бреннан ответил:

— Вы ранены.

Все вокруг сделалось серым, поблекло, потеряло свой цвет. Рой сознавал, что, повинуясь Бреннану, он разорвал свою рубашку, чтобы наложить турникет пониже плечевого сустава. Бреннан говорил ровным, монотонным голосом, было непонятно, ожидал ли он, что Рой его слушает:

— Не будь мы в родстве, я мог бы убить вас. Дурак вы, дурак. Чтобы на вас потолок обрушился, Рой. Рой, послушайте, вы обязаны жить. Они могут не поверить тому, что записано в компьютере, Рой. Черт бы вас побрал, слушайте!

Рой потерял сознание.

Большую часть того, что происходило дальше, он воспринимал сквозь бред. Он ухитрился развернуть корабль к Дому, но после этого не смог справиться с управлением, и его вынесло на уходящую от планеты траекторию. Корабли, которые пришли за ним, были предназначены для исследований в системе. Им удалось снять с «Защитника» Роя, тело Бреннана и компьютер. Сам «Защитник» они оставили в пространстве.

Поврежденная рука, казалось, в достаточной степени объясняла состояние комы, в котором был найден Трусдейл. Прошло некоторое время, прежде чем стало ясно, что он болен еще чем-то. К тому времени заболели и двое пилотов.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЗАЩИТНИК

Цыпленок — это способ, которым одно яйцо
производит другое яйцо.

Самуэль Батлер

Каждый человеческий защитник пробуждается именно так. Пак пробуждается, обладая первоначально лишь ощущениями. Но человеческий защитник сохраняет свою человеческую память. Он пробуждается, имея ясную голову, сохранив свои воспоминания и думая с нарастающим чувством неловкости: «Каким же я дураком был».

Белый потолок, чистые шершавые простыни поверх мягкого матраса. По обе стороны от меня передвижные, окрашенные в пастельный цвет ширмы. Прямо передо мной окно. Видны маленькие изогнутые деревья на чем-то вроде крохотных лужаек. Деревья залиты солнечным светом, немного больше с оранжевым оттенком, чем на Земле. Примитивное оборудование и масса пространства. Сейчас я находился в больнице Дома. А раньше я был дураком. Если бы только Бреннан… но ему ничего не следовало говорить

мне. Потому что так мы быстрее добрались до Дома, а он, разумеется, заразил себя. В крайнем случае ему достаточно было только знать, что он или его тело попадут на Дом. И он не препятствовал тому, чтобы заразился я. Причина — та же самая.

Он мне рассказал почти все. Чем он действительно был занят после того, как ушел из пределов Солнечной Системы, а запасы дерева жизни остались на Марсе, так это поисками штамма вируса дерева жизни, который мог бы жить в яблоках, или в гранатах, или еще в чем-нибудь. В конце концов он получил штамм, который при внесении окиси таллия мог жить в мясе. Но где-то еще он получил и обнаружил штамм, разновидность которого могла жить в человеческом теле. Вот чем он задумал засеять Дом. С беззащитной колонией сыграли скверную шутку. Такой вирус, скорее всего, не ограничивается определенными возрастными рамками. Он должен убить всех, кто не вмещается в интервал (возьмем максимальные пределы) — всех, кто не находится между сорока и шестьюдесятью годами. Дом завершил бы свое существование в качестве мира бездетных защитников, а Бреннан получил бы свою армию.

Я встал, напугав этим сиделку. Она находилась по ту сторону эластичной пластиковой стены. Мы, вместе с нашей болезнью, были этой стеной надежно изолированы. Два ряда кроватей, и на каждой — наполовину сформировавшийся защитник, и каждый выказывает признаки вымирания от голода. Вероятно, в этой большой палате собраны все полузащитники Дома. Двадцать шесть человек.

Что же дальше? Я обдумал это, пока сиделка вызывала врача, пока врач облачался в скафандр. Масса времени. Мои мысли неслись так быстро. Большая часть проблем достаточно скоро перестала быть проблемами и потому больше не представляла какого-либо интереса. Я проверил цепочку логических построений Бреннана, затем снова погрузился в размышления. В настоящее время мне следует доверять тому, что Бреннан рассказывал собственно о Пак. Противоречий в нарисованной им картине не было. Если он и лгал, то лгал блестяще, и я не мог обнаружить мотивов. Я сам видел корабли Пак… с помощью инструментов Бреннана. Ну, это я могу проверить, спроектировав сам генератор гравитации.

Молодая светловолосая женщина прошла через то, что заменяло здесь воздушный шлюз. Я

напугал ее, как своим безобразным обликом, так и быстротой движений. Будучи вежливым человеком, она попыталась скрыть свой страх.

— Нам нужна пища, — сказал я ей. — Всем нам. Если бы у меня не было излишнего мускульного веса, когда я заболел, сейчас бы я был уже мертв.

Она кивнула и заговорила с сиделкой, общаясь при помощи микрофона размером с булавку.

Она обследовала меня. Мое физическое состояние сказало ей достаточно, чтобы повергнуть ее в крайнее изумление и расстройство. Я уже должен был умереть или же стать калекой-артритиком согласно большинству законов медицины. Чтобы доказать ей, что я здоров, я сделал несколько гимнастических упражнений (и воздержался от многих других упражнений, чтобы она не знала, насколько я здоров).

— Эта болезнь не калечит, — объяснил я ей. — Когда она проходит, мы становимся способны вести нормальный образ жизни. Болезнь воздействует только на наш внешний облик. Заметили?

Она залилась румянцем. Я наблюдал, как она спорит сама с собой, следует ли сказать мне, что я утратил всякую надежду на нормальные сексуальные отношения. Она решила, что пока я еще

не готов к такому удару.

— Вам придется несколько изменить свой образ жизни, — деликатно предупредила она.

— Я тоже так полагаю.

— Это болезнь с Земли?

— Нет, к счастью. Если бы ее можно было легко распознавать… Честно говоря, мы считали, что с ней покончено. Если бы я думал, что существует хотя бы малейший шанс… Ну, ладно.

— Надеюсь, вы сможете что-нибудь сообщить нам о ее лечении. Мы не смогли помочь ни одному из вас, — сказала она. — Все, что мы пытались сделать, только ухудшало положение. Даже антибиотики. Троих мы потеряли, остальным, казалось, не становилось хуже, и мы оставили вас в покое.

— Хорошо, что вы остановились прежде, чем принялись за меня.

Она решила, что это бездушно. Но если бы она только знала! Я был единственным человеком на Доме, который достаточно много знал о мире Пак. Следующие несколько дней я занимался тем, что насильно кормил остальных заболевших. Самостоятельно есть они не могли. Обычная пища не обладала вкусом корня дерева жизни. Все заболевшие были близки к смерти. Бреннан знал, что

делает, когда не мешал мне нагуливать лишнюю мускулатуру. В промежутках я разузнавал, что я могу сделать, с учетом уровня промышленного развития Дома. Я воспользовался лентами из больничной . Я изобретал всевозможные способы защиты, используя для этого примерно два миллиона производителей (нам придется установить диктатуру, поскольку ни на что другое просто нет времени, но при этом некоторая часть населения будет потеряна) и ровно двадцать шесть защитников. Я разрабатывал и другие варианты обороны с учетом двадцати двух, двадцати четырех защитников на тот случай, если не все они выдержат перерождения. Но решение всех этих проблем было всего лишь игрой ума. Двадцати шести человек было недостаточно, если учитывать то, что я узнал об уровне цивилизации Дома.

Когда остальные пациенты очнутся, я смогу все объяснить им. А о Доме они знают больше. Возможно, их ответы окажутся отличными от моего. Я ждал. Время еще было. Нас и разведчиков Пак разделяло девять месяцев. Я разрабатывал, поставив себя на место разведчиков Пак, различные способы уничтожения Дома. Я создавал новый проект «Защитника», использовав то, чему мы

научились от разведчиков Пак, и учитывая то, чего не имел Бреннан, когда он строил свой «Защитник».

Через шесть дней заболевшие начали пробуждаться. Двадцать четыре. Кроме врачей Мартина и Коулеса, заразившихся от своих пациентов. Они еще находились в стадии перерождения. Это было счастье — беседовать с людьми, чей разум равен твоему собственному. Бедняга Бреннан. Я говорил быстро, зная, что скорость и мой акцент плоскостника сделают мою речь непонятной для любого производителя, который мог бы нас подслушать. Пока я говорил, они ходили по палате, опробуя свои мускулы, опробуя свои новые тела. Но я знал, что они не упускают ни единого слова. Когда я закончил, мы потратили несколько часов на обсуждение ситуации.

Нам следовало выяснить, не сфабриковал ли Бреннан изображение флота и разведчиков Пак. Нам повезло. Лен Бестер оказался ремонтником по ядерным двигателям… Он смог спроектировать индуцирующий генератор гравитации. Он сказал, что устройство это будет работать, и, чтобы убедить нас, дал нам подробное теоретическое обоснование и рассказал, как именно генератор будет работать. Мы решили поверить и в гра-

витационный телескоп, и во флот Пак. Больше проверкой истории Бреннана мы не занимались, не считая анализа ее внутренней последовательности, который мы все-таки провели.

Мы совместно разработали наши планы. Взломали пластиковый воздушный шлюз и всей толпой ринулись по больнице. Все закончилось раньше, чем персонал успел сообразить, что происходит. Мы заперли их на то время, пока вирус дерева жизни не погрузит их в спячку. Многие просили разрешить им продолжать ухаживать за пациентами. Мы это позволили, но все запасы медикаментов пришлось уничтожить. Существовала возможность, что когда люди начнут подвергаться действию вируса жизни, оставшиеся попытаются лечением улучшить их физиологическое состояние.

Полиция города Глины окружила наконец больницу. Но к тому времени мы могли быть уверены, что все, кто находился в больнице, заражены. Ночью мы разогнали полицейских.

В последующие дни мы громили больницы, аптеки и единственную на планете фармацевтическую фабрику. Чтобы замедлить распространение новостей, мы разрушили телевизионные станции. Людьми овладела бы паника, если бы

они узнали о новом заболевании. Правду они сочли бы не менее ужасной. Со вспышками паники нам приходилось сталкиваться неоднократно. Народ Дома сражался с нами так, точно мы были исчадиями ада. Десять из нас погибли, схваченные и связанные, но не убившие ни одного потенциального защитника. Шестеро из нас были пойманы на том, что пытались спасти свои семьи, снабдив их скафандрами или герметическими палатками, чтобы предохранить от вируса, и укрыв своих близких где только возможно. Убивать нарушителей необходимости не было. Мы посадили их под замок до тех пор, пока производители не умрут или же не переродятся.

Через неделю все было кончено.

Через три недели уцелевшие начали пробуждаться.

Мы приступили к созданию наших защитных средств.

Изложить отчет об этих событиях в форме романа представлялось вполне логичным. Слишком много в нем предположительного. Я никогда не знал Лукаса Гарнера, Ника Соула, Физпока, Эйнара Нильсона и всех прочих. Образ Трусдейла вы можете рассматривать как подлинный, приняв во внимание, что я не лгу, если у меня

нет для этого причин. Остальное, по-видимому, достаточно точно.

Первым, однако, это сказал Бреннан: «Я не уверен, что все еще имею право на имя, данное мне при рождении».

Рой Трусдейл был кем-то иным. И Рой Трусдейл умер, он жаждал смерти, пытаясь предотвратить то, что я сделал с Домом. У нас достаточно оснований, чтобы не отправлять луч с этим отчетом в заселенные человеком области космоса. Пока для этого не настанет время. Бреннан был прав: сам факт существования защитников может изменить все направление развитой человеческой цивилизации. Лучше вам считать Дом колонией-неудачницей, погибшей из-за эпидемии. Если кто-либо из ваших исследователей заразится этой болезнью, что ж, они тогда умрут при перевоплощении или очнутся защитниками, присмотритесь к ним, и вы придете к тем же выводам, что и мы. Для защитника от свободы воли остается немного.

Но впереди нас по-прежнему ожидает битва с флотом Пак, хотя их разведчики и погибли. (Вот это был розыгрыш! Мы покрыли весь Дом городами-макетами. Сплошные городские огни, линии скоростных шоссе и ядерные энергостанции,

необходимые для наших силовых установок. Пак никак не могло прийти в голову, что мы можем Дом считать миром, которым вправе пожертвовать). Нам почти наверняка удастся уничтожить этот флот, но сколько из нас последует вслед за Пак? Спроектированы ли по-другому, модернизированы ли корабли второго флота? Если мы выживем, нам придется отконвоировать их обратно, прямо во взрывы, сотрясающие ядро галактики. Если мы проиграем первое либо второе сражение — что ж, выжившие пошлют луч с этим отчетом ко всем мирам обжитого человечеством космоса. И в этом случае…

Бреннан припрятал колбы с вирусом, указав, где они могут быть найдены. Осмотрите копию Стоунхенджа. Разыщите заключенный в шар из нейтрониума контейнер. Если вы потерпите в этом неудачу, в вашем распоряжении грузовой отсек судна Физпока, оставленный на Марсе. Осмотрите стены, соскребите с них остатки корня с дремлющим в них вирусом дерева жизни. Если вам не удастся и это, то хотя Дом больше не годится для колонизации, его атмосфера насыщена вирусом дерева жизни. Никого не превращайте в защитника, если у него или у нее есть дети.

Вы будете сильнее, быстрее и умнее их. Вы

сможете их разгромить. Но не медлите. Если вас достигнет это послание, значит, флот Пак оказался достаточно сильным, чтобы уничтожить нас. Значит, флот Пак идет вслед за этим лазерным импульсом, идет на скорости, близкой к световой. А теперь действуйте!

Прощайте, и — удачи! Я люблю вас.